

GISAP:

HISTORY AND PHILOSOPHY

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№3 Liberal* | June 2014

Expert board:

Seville Ismailova (Azerbaijan), Bernhard Neumann (Germany), Gulzira Seksenbayeva (Kazakhstan), Alexander Sorokin, Helen Shentseva, Marina Dedyulina (Russia), Pak Sung Hoon (South Korea), Olivia Thatcher (UK).

“Hypothetics: everlasting stories”

In a summer day in 1832, the stagecoach heading from Frankfort on the Main to Berlin, slowly but tirelessly overcame the bumpy and dusty country road around Kulmbach. The road track outlined slopes of ravines overgrown with grass and meadow flowers and twisted along the Main embankment. Passengers of the coach still were to face quite a long way to their final destination. However the majority of them were tired of rigid seats, insufferable shaking and sultriness. They were waiting for a stop - an opportunity to plunge into cool river waters. But the security guard of the post department accompanying state freights during a trip said that the stagecoach could not afford an unplanned stop. They already waited for it in Kulmbach for loading up and sending to Berlin. Therefore eight exhausted passengers kept on dreaming of rest, a breath of fresh air and improvement of forces and the speed of three harnessed bay horses...

Among these unlucky ones there was an unnaturally calm man of average years with a proud look and smoothly shaved face. The heat did not even force him to take off a frock coat fashionable those days and unbutton a collar of the shirt. He was sitting by the dusty window of a stagecoach and continuously examining the landscape paying no attention to complaints and groans of tired fellow travelers...

Arthur Schopenhauer was that passenger calmly enduring difficulties of a trip. He did not actually show steel character or addiction to self-restrictions. By the fate's will he was in such extreme circumstances going to the audience in the Berlin University. Thoughts of the philosopher, traditionally being fairly original, were devoted to the analysis of events around and were the eloquent evidence of superiority of mind over physical feelings.

- Yeah... I never thought I would have to die from closeness on a trip for silk for my daughter's wedding dress, - the corpulent person with a red face sitting near Schopenhauer said. He was groaning and shaking. - And after all to save the future bride's father we should stop the bloody carriage for just fifteen minutes! But no way, they have a “schedule”!

- Be patient, my friend! - Quietly answered Schopenhauer to the neighbor carrying on looking through the window. - You will undoubtedly survive because we are going to the stop much earlier than you expect. In about three minutes I suppose.

- Why do you think so? - The red-faced man asked with interest and bewilderment.

- If you are interested, I will answer. You are now paying attention only to your own experiences, but I am looking outside through the window... - Schopenhauer made a pause, looking for the easily understandable by the interlocutor set of words, and continued: - You know, the history and events forming it do not happen without our will. Things we cannot comprehend by our mind must become objects of our belief! Only this way we can become a part of the surrounding reality and reach the desirable! To be more precise: only this way the desirable can become not just subjective - depending on our intellect, but also objective - really existing irrespectively of us.

- I don't think I... - the fat man mumbled muffledly and turned pale.

- Fine... There is a steep rise with large boulders ahead, - Schopenhauer patiently illustrated his ideas. - We have been on the bumpy road for eight hours and it is obvious that wheels of our carriage are not so strongly connected to axes now. Everyone here wants a stop. So I believe - absolutely convinced of its inevitability!

...In a minute, the indignant coachman was taking the fallen-off stagecoach wheel out from the ravine, and passengers of the carriage mad with happiness rushed to the river taking off sweaty and dusty clothes on the run. And only the dumbfounded father of the future bride was sitting on a roadside stone and staring at the philosopher slowly walking to the coast of Main.

Thomas Morgan
Head of the IASHE International Projects Department
June 11, 2014

GISAP: History and Philosophy №3 Liberal* (June, 2014)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov
Copyright © 2014 IASHE

ISSN 2054-6467
ISSN 2054-6475 (Online)

Design: Yuri Skoblikov, Helena Grigorieva, Alexander Standichenko

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
Phone: +442032899949, e-mail: office@gisap.eu, web: http://gisap.eu

! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article

Print journal circulation: 1000

“*Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of the development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”

CONTENTS

G. Seksenbayeva , <i>Kazakh National Pedagogical University named after Abay, Kazakhstan</i> AUDIO-VISUAL SOURCES IN SPACE AND TIME	3
A.P. Kononov, A.E. Akhmetkalieva , <i>Semipalatinsk State University named after Shkarim, Kazakhstan</i> FROM TRADE TO MANUFACTURING. FROM THE HISTORY OF EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF LEATHER AND FUR INDUSTRY IN SEMIPALATINSK IN LATE XIX - EARLY XX CENTURY.....	7
N. Eliseev, N. Eliseeva, E. Paraskevopulo , <i>Petersburg State Transport University, Russia</i> FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF DESCRIPTIVE GEOMETRY IN IICU-PSTU.....	13
M. Treschalin , <i>Moscow State Technological University Stankin, Russia</i> SYSTEMIC DESIGN PHILOSOPHY OF PYRAMIDS AND THE PICTURE OF THE VITRUVIAN MAN.....	16
A. Zaharova , <i>Novosibirsk State Technical University, Russia</i> HISTORIOGRAPHIC ASPECT OF FORMATION OF THE STATE BOUNDARY ON MATERIALS OF XIX – EARLY XX.....	19
S. Seletsky , <i>Christian humanitarian and economic open University, Ukraine</i> PERSONIFICATION OF DEATH IN THE MODERN CHRISTIANITY	24
E. Domanyuk , <i>Christian humanitarian and economic opened University, Ukraine</i> LIFE OF THE SOCIETY BETWEEN DEMANDS AND PRODUCTION.....	29
M. Bresler , <i>Bashkir State University, Russia</i> PROBLEMS OF INTERRELATIONS BETWEEN THE AUTHORITIES AND COGNITARIAT. SOCIAL AND PHILOSOPHIC ASPECT.....	32
I. Ershova , <i>North (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov, Russia</i> INFLUENCE OF GLOBALIZATION PROCESSES ON THE DEVELOPMENT OF THE FACTOR OF HUMAN CAPITAL.....	34
A. Martinkus , <i>Vilnius University, Lithuania</i> LEV KARSAVIN, EURASIAN MOVEMENT AND THE THESIS BY ERIC VOEGELIN.....	38
B. Medvedev , <i>Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky, Russia</i> XXI CENTURY: «WHAT IS ENLIGHTENMENT?».....	43
Z. Maksyutova , <i>Tyumen State University, Russia</i> THE SPECIFICITY OF MEANING OF LIFE IN TERMS OF GLOBALIZATION.....	47
E. Kryukova , <i>Donetsk National University, Ukraine</i> SOCIAL CONSENT AS A NECESSARY CONDITION OF SOCIAL DEVELOPMENT OF THE IDENTITY.....	51

CONTENTS

Сексенбаева Г.А., <i>Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Казахстан</i> АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ.....	3
Коновалов А.П., Ахметкалиева А.Е., <i>Семипалатинский государственный университет им. Шакарима, Казахстан</i> ОТ ТОРГОВЛИ К ФАБРИЧНОМУ ПРОИЗВОДСТВУ. ИЗ ИСТОРИИ ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ КОЖЕВЕННО-МЕХОВОЙ ОТРАСЛИ СЕМИПАЛАТИНСКА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.....	7
Елисеев Н.А., Елисеева Н.Н., Параскевопуло Е.Н., <i>Петербургский государственный университет путей сообщения, Россия</i> СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ В ИКИПС-ПГУПС.....	13
Трещалин М.Ю., <i>Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», Россия</i> СИСТЕМНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПИРАМИД И РИСУНКА «ВИТРУВИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК».....	16
Захарова А.В., <i>Новосибирский государственный технический университет, Россия</i> ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАНИЦЫ НА МАТЕРИАЛАХ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.....	19
Селецкий С.Г., <i>Христианский гуманитарно-экономический открытый университет, Украина</i> ПЕРСОНИФИКАЦИЯ СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОМ ХРИСТИАНСТВЕ.....	24
Доманюк Е.А., <i>Христианский гуманитарно-экономический открытый университет, Украина</i> ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА МЕЖДУ ПОТРЕБНОСТЯМИ И ПРОИЗВОДСТВОМ.....	29
Бреслер М.Г., <i>Башкирский государственный университет, Россия</i> ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И КОГНИТАРИАТА. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ.....	32
Ершова И.В., <i>Северный Арктический Федеральный университет им. М. В. Ломоносова, Россия</i> ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ФАКТОРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА.....	34
Мартинкус А., <i>Вильнюсский университет, Литва</i> ЛЕВ КАРСАВИН, ЕВРАЗИЙСТВО И ТЕЗИС ЭРИКА ВОГЕЛИНА.....	38
Медведев Б.А., <i>Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Россия</i> XXI ВЕК: «ЧТО ТАКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ?».....	43
Максютова З.Г., <i>Тюменский государственный университет, филиал в г. Новый Уренгой, Россия</i> СПЕЦИФИКА СМЫСЛА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.....	47
Е. Kryukova, <i>Donetsk National University, Ukraine</i> SOCIAL CONSENT AS A NECESSARY CONDITION OF SOCIAL DEVELOPMENT OF THE IDENTITY.....	51

AUDIO-VISUAL SOURCES IN SPACE AND TIME

G. Seksenbayeva, Doctor of History, Associate Professor
Kazakh National Pedagogical University named after Abay,
Kazakhstan

In the context of modern historical science audiovisual documents are considered as a historical source, as well as a peculiar product of culture, able to significantly extend the knowledge of reality and to some extent able to assist in renovation of historical thinking in the study of the past. Attention is paid to structure and contents of audiovisual documents as an independent group of historical sources. Such a study approach allows resolving (through the use of the opportunities, tools, techniques and methods of source-studies) a number of challenges associated with the introduction of the most valuable information contained in these sources into the public and scientific environment.

Keywords: historical source, movie-document, newsreel, audiovisual document, movie-magazine, movie-plots, film, photo-document, phono-document.

Conference Participant

Исторический опыт показывает, что для познания окружающего мира и передачи повседневного опыта последующим поколениям, человечество научилось кодировать информацию в различных материальных носителях. Эти фиксированные источники информации предназначались для его передачи в пространстве и времени, как способ получения информации о человеческом сообществе, как средство социальной коммуникации. Чтобы синтезировать и упорядочить информацию о реальности во времени и пространстве, показать их нам в их связности и последовательности, человечество изобретало для этой цели различные средства – рисунок, письменность, книгопечатание, фотографию, кино, звукозапись. Совершенно очевидно, что без обращения к этим источникам познание реальности невозможно.

Современная жизнь сопровождается расширением объемов информации и каналов ее распространения в обществе. При этом происходят качественные изменения в способах хранения информации, ее передачи и распространения, которые, прежде всего, связаны с техническими открытиями. Эта закономерность обнаруживается в усложнении структуры, увеличении количества и видов источников по мере развития общества. Открытие фотографии, кино, телеграфа и т.д. можно рассматривать как возникно-

вление новых каналов передачи информации и новых способов ее фиксации. Так, появление фотографии вызвало к жизни такой новый вид исторических источников, как фотодокументы, а затем - кинодокументы и т.д. Таким образом, благодаря техническим открытиям, сделанным на рубеже XIX-XX вв., значительно расширились каналы передачи информации, что сопровождалось увеличением объемов передаваемой информации и возникновением новых способов ее фиксации. По сути, каждый новый канал передачи информации вызывает к жизни новые способы ее фиксации и сохранения. Со способами фиксации информации связано распространение новых видов исторических источников - фото-, аудио-, видеодокументов. Информация, зафиксированная в них, выступает как исторический источник культурного развития общества на определенном этапе и основной канал этого развития. Социокультурное развитие общества представлено в виде изобразительной (фотографической) и звуковой (на фонографе) и изобразительно-звуковой (кино) информации и наследуется в форме социального опыта и способствует возникновению социальной памяти. Эти источники обладает большим интегративным потенциалом и позволяет изучать диахронное движение информации в истории - движение информации от поколения к поколению, по существу обеспечивающее преемственность исторического

АУДИОВИЗУАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ В ПРОСТРАНСТВЕ И ВРЕМЕНИ

Сексенбаева Г.А., д-р ист. наук, доцент
Казакский национальный педагогический университет
им. Абая, Казахстан

Аудиовизуальные документы рассматриваются в контексте развития современной исторической науки, в качестве исторического источника, а также своеобразного продукта культуры, которые позволяют значительно расширить возможности познания реальной действительности и в определенной мере могут поспособствовать обновлению исторического мышления при изучении прошлого. Обращено внимание на состав и содержание кинофотофонодокументов как самостоятельных групп исторических источников. Такой подход к их изучению позволит, используя возможности, средства, приемы и методы источниковедения, решить ряд проблем, связанных с введением в общественный и научный оборот наиболее ценной информации, содержащихся в этих источниках.

Ключевые слова: исторический источник, кинодокумент, кинохроника, аудиовизуальный документ, киножурнал, киносюжет, кинопланка, фотодокумент, фонодокумент.

Участник конференции

развития и наследование традиций. При этом закреплённая в них информация рассматривается как источник не только о прошлом состоянии общества, но и значимой для программирования его последующей жизнедеятельности. В историческом опыте до сих пор основным объектом изучения при попытке восстановить картину прошлого остается традиционные виды исторических источников, несущие на себе ту или иную информацию (прямую или косвенную) об ушедшем событии. На самом деле весь тот объем знания, который получает историк на основе изучения этих источников о прошлой жизни, представляет собой единичные и разбросанные фрагменты. Дальнейшее развитие технических средств трансляции и сохранения информации, сами новые средства коммуникации оказывают влияние на сохранность социальной памяти, наполнение источниковой базы исторических исследований. Именно здесь перед ним встает в полный рост его самая главная задача. Весь сложившийся комплекс проблем, связанных с изучением времени как категории исторического дискурса, не может быть сегодня по-настоящему глубоко и всесторонне изучен без обращения к самым разнообразным историческим источникам как документального, так и художественно-эстетического характера (аудиовизуальные документы), независимо от их происхождения и носителя информации. Место и роль

аудиовизуальных документов в структуре исторического знания, анализе реалий культурного и социального развития общества не переосмыслены и определяется традиционными представлениями об историческом документе. Ценность аудиовизуальных документов с исторической точки зрения во многом определяется широтой и разнообразием представленной информации об общественно-политической и культурной жизни страны. Своеобразие техногенных документов (кино, - фото, - фоно и др. документы), определяемое их техническими, технологическими и другими особенностями, способность аудиовизуальных документов сообщать информацию о явлениях социальной истории и истории духовной культуры выдвинули проблемы организации их государственного хранения. Главным хранилищем этих документов, имеющих особое историческое, художественное, культурологическое значение является Центральный государственный архив кинофотодокументов и звукозаписей Республики Казахстан (ЦГА КФДЗ РК), организованный в 1943 году [1].

Хронологически они охватывают конец XIX века (фотодокументы) по 90-е годы XX столетия. В состав архива входят кинофотофонодокументы, образовавшиеся в процессе деятельности учреждений и частных лиц, имеющую особую ценность для общества и уникальность содержания. Причем содержательная (информационная) ценность документа, его историческое, художественное и культурологическое значение являлись определяющим признаком, позволяющим отнести его к разряду архивных источников, обеспечивая тем самым их безопасное и длительное хранение. Общенациональный фонд аудиовизуальных документов сегодня составляет основу духовных и материальных ценностей нашего общества и обеспечивает сохранность и доступность источников для различных целей.

Согласно Закону Республики Казахстан «О Национальном архивном фонде и архивах» от 22 декабря 1998 года кинофотофонодокументы входят в его состав и являются неотъемлемой частью информационной систе-

мы государства [2]. Информационный потенциал хранящихся источников не оценен и касается всех аспектов жизнедеятельности общества. К сожалению, до сих пор в отечественной историографии отсутствуют научные работы, где бы аудиовизуальные документы использовались в качестве полноценных исторических источников наряду с традиционными письменными свидетельствами. Историки применительно к предмету своих исследований также по существу обходят вниманием информационные и познавательные возможности изобразительных источников. Расширение сферы использования аудиовизуальных источников как равноправных элементов фактической базы исторических исследований лежит еще в перспективе.

Ценность аудиовизуальных документов с исторической точки зрения во многом определяется широтой и разнообразием представленной информации об общественно-политической и культурной жизни страны. Выступая как единый комплекс исторических источников, они располагают достаточно высокими информативными свойствами, передавая их специфическими методами. Проблемы глубокого и всестороннего анализа и оценки информационных возможностей и перспектив использования аудиовизуальных источников представляются актуальными на современный момент. Аудиовизуальный фонд нашей страны, содержит ценную, подчас уникальную информацию обо всех сторонах социально-экономической, политической, культурной жизни, происходящих в казахстанском обществе.

Центральное место в изучении аудиовизуальных документов Национального архивного фонда страны в качестве источниковой базы исторических исследований занимает вопрос о его составе и содержании. Этот вопрос является одним из слабо разработанных в казахстанской исторической, источниковедческой литературе. Несмотря на признание аудиовизуальных документов как мощного информационного средства и информационного продукта, содержательная ценность этих источников остается

малопривлекательной для исторического сообщества.

Состав и содержание национального аудиовизуального фонда дает возможность не только расширить документально-источниковую базу, научно осмыслить объемный и разнообразный по тематике комплекс документов, но и предоставить в распоряжение исследователей информационное наследие, нашедших отражение в изобразительных и звуковых источниках [3].

Из всех разновидностей аудиовизуальных источников многообразием документной информации обладают киножурналы, касающиеся большинства сторон деятельности общества. Как правило, киножурналы представляют собой периодический киновыпуск, содержанием которого обычно является оперативная киноинформация о различных событиях, происходящих в стране. Подобная информация выходила регулярно в форме киножурнала «Советский Казахстан», который хранится в фондах архива с 1936 года. Это не только значительный массив в количественном отношении в национальном архиве, но и источник необычайной полноты, освещающий крупные внутренние и международные события, отдельные факты из жизни рядовых людей. Историко-информационный потенциал этих источников постоянно привлекает внимание пользователей.

Достаточно большим объемом документов представлен комплекс по общественно-политическим вопросам нашего общества. Значительную их часть составляют государственные официальные мероприятия: съезды советов, партии, комсомола, профсоюзов, ударников различных отраслей экономики; партийные, комсомольские, хозяйственные конференции; выборные кампании различных уровней; празднование годовщин и юбилеев значимых событий общества и др., которые отражены в периодических выпусках киножурнала «Советский Казахстан». Наибольшей информационной плотностью по данной теме, отложившиеся в фондах республиканского архива, обладают также периодические киноиздания – «Союзкиножурнал», «Пионерия», «Советское

искусство». Некоторые киножурналы, спецвыпуски, самостоятельные киносюжеты были выявлены и приобретены в виде копий из государственных архивов бывшего СССР.

Периодические киножурналы содержат широкие и разнообразные по своему характеру и содержанию круг сведений и фактов, которые в совокупности обладают высоким информационным потенциалом. Их анализ позволяет выявить не только многогранность тематики, но и широкую географию имеющихся съемок, а также определенную последовательность в фиксации событий на кинофотопленку. Сюжеты в киножурналах не лишены своего рода парадности и пропагандистской направленности. Однако, на наш взгляд, их следует воспринимать, прежде всего, как продукт определенного времени и осмыслить познавательные свойства как ценного исторического источника.

Самым крупным массивом с точки зрения объема и хронологического охвата событий является комплекс аудиовизуальных документов по истории социально-экономической жизни страны. Они всесторонне представляют состояние и развитие различных отраслей промышленности, транспорта и сельского хозяйства Казахстана за длительный период времени. Специальные выпуски, сюжеты, документальные фильмы, фотографии отражают этапы строительства, технологические процессы, выпускаемую продукцию, их качество, передовиков производства, развитие инфраструктуры и др.

Значительный информационный массив характеризует историю Великой Отечественной войны и участие в ней казахстанцев. Кинофотофонодокументы по истории войны составляют «золотой фонд» архива и интенсивно используются потребителями информации.

Интерес для исторического исследования представляет аудиовизуальная документация по истории внешней политики страны. В национальном фонде аудиовизуальной документации отложился достаточно крупный массив документов, которые зафиксировали многообразие политических, экономических, культурных связей и

сотрудничества Казахстана практически со всеми странами мира. Выявление информационных возможностей этой группы документов в освещении международных связей в предшествующий период истории нашей страны, где накоплен достаточный опыт и традиции сотрудничества с внешним миром, с выходом нашей страны на мировую арену в качестве независимого и самостоятельного субъекта, остаются постоянно актуальными.

Комплекс документов по истории науки и техники незначителен по своему объему, причем они носят больше научно-популярный характер и отражают определенные достижения в некоторых областях науки.

Самый значительный комплекс аудиовизуальных источников отражает историю культуры. Здесь выделяются три крупных группы документов: по истории народного образования; материальной и духовной культуре; о деятелях литературы и искусства.

Отметим также наиболее крупный блок кино- и фото документов видового характера – съемок городов и сел нашей страны. В ряде случаев – это единственные визуальные свидетельства об облике городов и сельской местности, улиц и площадей, памятников архитектуры своего времени, многие из которых изменили свой вид или вовсе перестали существовать.

Обладая свойствами фиксировать зримый, динамичный и аудиальный образ реальной жизни, кинофотофонодокументы явились запечатленным временем истории, бесценной летописью жизни общества. Сегодня невозможно переоценить сохраненные пленкой события истории, облик исторических лиц, деятелей культуры и науки, людей разных наций и профессий, достоверность среды, обстановки, костюмов и т.п. Историческое значение документальных съемок возрастает со временем: пленка хранит в себе движение ушедших времен, изображение людей в их неповторимости. Прошлое благодаря доподлинности кинофотофонодокументов становится духовным достоянием современности, зримо воспринимается и нередко художественно осваивается новыми поколениями.

Созданная аудиовизуальная до-

кументация не лишена воздействия господствующей идеологии, и чаще является продуктом идеологической пропаганды, но, несмотря на это, она остается важным документом эпохи.

В связи с огромной значимостью аудиовизуальных документов как источников познания возникает актуальная и перспективная проблема не только организации их хранения, но и последующего источниковедческого изучения. Эта проблема достаточно многоаспектная и включает в себя множество самостоятельных тем. Среди них особую значимость приобретают вопросы источниковедческой оценки аудиовизуальных документов, от разрешения которых зависит создание полноценной базы документальных источников и разработка теоретических и прикладных исследований в этой области.

Несмотря на определенные достижения в изучении аудиовизуальных документов, тем не менее, в историческом опыте до сих пор основным объектом изучения при попытке восстановить картину прошлого используются традиционные источники. Наше обращение к источниковому потенциалу аудиовизуальных документов продиктовано стремлением обратить внимание историков-исследователей к их источниковой информации и расширения документальной базы исследований. Недооценка информационного потенциала аудиовизуальных источников на современный момент очевидна, хотя бурно развивающиеся явления цивилизации заставляют прибегать к новым документальным ресурсам (в особенности в связи с внедрением и распространением технотронных и электронных документов) и ставят источниковедческие проблемы.

References:

1. Arkhivnoe stroitel'stvo v Kazakhskoi SSR (1918-1980 gg.) [Archive building in the Kazakh SSR (1918-1980)], Sb. zakonodatel'nykh i rukovodyashchikh dokumentov [Collection of legislative and guidance documents]. - Alma-Ata, 1980., p. 134.
2. Zakon Respubliki Kazakhstan «O Natsional'nom arkhivnom fonde

i arkhivakh» [Law of the Republic of Kazakhstan «On the National Archive Fund and Archives»] of 22 december 1998, Kazakhstanskaya Pravda [«Kazakhstan Pravda»], 24 december 1998.

3. Pri obzore audiovizual'nogo dokumental'nogo naslediya Kazakhstana privlecheny annotirovannye katalogi kinozhurnalov i dokumental'nykh fil'mov, khranyashchiesya v natsional'nom audiovizual'nom archive [Annotated catalogues of newsreels and documentaries stored in the national

audiovisual archive are used in the review of the audiovisual documentary heritage of Kazakhstan].

Литература:

1. Архивное строительство в Казахской ССР (1918-1980 гг.) / Сб. законодательных и руководящих документов. - Алма-Ата, 1980. - С. 134.

2. Закон Республики Казахстан «О Национальном архивном фонде и архивах» от 22 декабря 1998 года // Казахстанская правда, 24 декабря 1998 г.

3. При обзоре аудиовизуального документального наследия Казахстана привлечены аннотированные каталоги киножурналов и документальных фильмов, хранящиеся в национальном аудиовизуальном архиве.

Information about author:

Gulzira Seksenbayeva - Doctor of History, Associate Professor, Kazakh National Pedagogical University named after Abay; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: s.gulzira@mail.ru

INTERNATIONAL
ACADEMY
OF INTELLECT AND QUALITATIVE PROGRESS

CERTIFICATION «ICSQ-775»

- *Standart certification*
- *Operative certification*

PATENTING IOSCEAAD-775

- *Standart patenting*
- *Operative patenting*

ACCREDITATION

- *Authoritative accreditation*
- *Procedural accreditation*
- *Status accreditation*
- *Membership accreditation*
- *Expert accreditation*

<http://academy.iuci.eu>

**FROM TRADE TO MANUFACTURING.
FROM THE HISTORY OF EMERGENCE
AND DEVELOPMENT OF LEATHER AND
FUR INDUSTRY IN SEMIPALATINSK IN
LATE XIX - EARLY XX CENTURY**

A.P. Kononov, Candidate of History, Associate Professor
A.E. Akhmetkalieva, Student
Semipalatinsk State University named after Shakarim,
Kazakhstan

The article contains the results of studies of the history of emergence and development of leather-fur production in Semey (Semipalatinsk) in late XIX – early XX centuries and at the present time. The authors managed to find archival documents of the founders of this industrial sector of the end of XIX century and 20-30s of the XX century, and were able to trace how the leather-fur production develops at the present time.

Keywords: merchants, agricultural raw materials, leather-fur products, fur sector and the Great Patriotic War.

Conference Participant, National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

**ОТ ТОРГОВЛИ К ФАБРИЧНОМУ
ПРОИЗВОДСТВУ. ИЗ ИСТОРИИ
ЗАРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
КОЖЕВЕННО-МЕХОВОЙ ОТРАСЛИ
СЕМИПАЛАТИНСКА КОНЦА
XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Коновалов А.П., канд. ист. наук, доцент, заслуженный
деятель науки Республики Казахстан
Ахметкалиева А.Е., студент
Семипалатинский государственный университет им.
Шакарима, Казахстан

В статье содержатся результаты исследований истории зарождения и развития кожевенно-мехового производства в г.Семей (Семипалатинск) к. XIX – н. XX вв. и в современное время. Авторам удалось обнаружить архивные документы основателей этой отрасли в к. XIX в., в 20-30-х годах XX в., проследить, как развивается кожмехпроизводство в нынешнее время.

Ключевые слова: купцы, сельскохозяйственное сырье, кожевенно-меховая продукция, меховая отрасль и Великая Отечественная война

Участник конференции Национального первенства по научной аналитике
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

История материального производ-
ства всегда будет давать знания,
полезные современникам. Не исклю-
чением для нас остаются истоки ста-
новления кожевенно-мехового произ-
водства, на примере г. Семей (Семипа-
латинска) к. XIX – н. XX вв.

Семипалатинск, как известно, образовался на базе крепости, основанной на берегу р. Иртыш по приказу Петра Первого в 1718 году. До середины XIX века поселение ничем особенным не выделялось. Только после второй административной реформы (1867-1868 гг.), после наплыва в регион переселенцев, деловых людей город стал активно оживать.

Г.Н. Потанин, посетивший Семипалатинск в начале 80-х годов XIX в., писал, что «он резко отличается от других городов Сибири. Семипалатинск – это своего рода Одесса на среднеазиатской границе, но надо сознаться, что это сравнение впадает в критику... он скорее напоминает Одессу только своей ужасною песчаной пылью, которая подала повод местным жителям прозвать его «песочницей». Вместо кораблей здесь имеются вереницы верблюдов из Туркестана и Китая» [1, с.314].

В 1854 г. в Семипалатинске проживало 18864 человека [2, с.45]. Значительное влияние на развитие

**Рис.1. Семипалатинск во второй половине XIX в.
Вид с восточной стороны (из фонда Краеведческого музея)**

города оказывала торговля. Сюда стекались купцы из Средней Азии. Они обзаводились домами и складами. Только в 1830 г. в г.Семипалатинске поселились 4 азиатских купца с семьями [Там же].

Значительная часть жителей города занималась сельским хозяйством – хлебопашеством, сеяли в основном рожь и пшеницу. Казахи, не имевшие скота, также занимались земледелием. При этом, как сообщают документы, желание иметь свои пашни и сено для скота было настолько велико,

что многие из аборигенов тратили на это последние деньги. В 1863 году в Семипалатинске проживало уже 2688 торговцев. Помимо русских и татар, торговлей занимались и казахи. Хотя их было намного меньше [Там же].

С начала второй половины XIX в., кроме купцов в Семипалатинске заметную роль стали играть владельцы промышленных производств. Поначалу это были совсем незначительные предприятия. Как свидетельствовал А. Янушкевич, посетивший город в это время, «промышленность города

Рис.2. Семипалатинск в начале XX в.

Улица Кольванская (ныне Интернациональная). Сквер Никольского собора (ныне Центральный парк), деревянная каланча (сегодня на этом месте – каменная) и здание Городского банка (ныне здесь размещается финансово-экономический колледж) (из фонда Краеведческого музея)

складывалась всего лишь из нескольких кожевенных заводов и мельниц» [3, с.98]. Зато в гору поднималась торговля. Семипалатинск находился на пересечении выгодных торговых путей, которые связывали его с Западным Китаем, Средней Азией, Томской губернией и Иртышской линией.

Многие купцы, отправлявшиеся из Семипалатинска, доходили до Кашмира, Тибета. Как показывают источники тех лет, торговое движение в здешней степи было больше, чем в Оренбургской. Об этом свидетельствовал путешественник Аткинсон, который описал случай, когда ему на

встречу в здешних местах повстречался скотопромышленник, «...гнавший на продажу 300 лошадей, 7000 быков и более 20000 овец. Общая стоимость скота составляла, примерно, 100 тысяч рублей». [2, с.74]

Значительный рост товарооборота мотивировал развитие капиталистических форм кредитования. В 1887 г. был открыт Городской банк. Активы банка с 19,9 млн. руб. в 1893 г. выросли до 35 млн. руб. в 1905 г. [4, с.46]. Еще более оживилась экономическая жизнь края после открытия Сибирской железной дороги. Согласно имеющимся отчетам за 1888 г., по Семи-

палатинской области насчитывалось 873 кузнеца и слесаря, 40 портных, 1704 сапожников, 650 седельников и шорников, 384 серебряников и медников, 1057 столяров и токарей. К 1990 г. в городе работали 4 салотопенных, 6 мыловаренных, 4 кожевенных заводов и одна шерстомойня, а также винокуренный, пивоваренные, водочные заводы и паровые мельницы. Из 43 промышленных предприятий, имевшихся в Семипалатинской области, 25 находились непосредственно в Семипалатинске. На многих предприятиях того времени была довольно высока производительность труда. К примеру, винокуренный завод в 1990 г. произвел 150259 ведер вина, водочный – 3645 ведер водки, пивоваренные 54251 ведро пива. На винокуренном заводе работали 60 мужчин и 8 подростков, на водочном – 7 мужчин, на пивоваренных – 44 мужчины и женщины [4, с.46-47].

В становлении Семипалатинска, как торгового, промышленного и развивающегося города большой вклад внес купец Плещеев Прокопий Федорович. Семипалатинский Городской Голова, потомственный почетный гражданин. Вероисповедания православного. Происходил из купеческих сыновей. Получил недвижимость в Семипалатинске, которая состояла из двух каменных домов. Воспитание получил домашнее, состоял гласным Семипалатинской городской думы с 1897 по 1902 год. Являлся председателем Биржевого Комитета, членом городского комитета Всероссийского союза городов, председателем местного военно-промышленного комитета. Семипалатинской городской Думой избран на должность Семипалатинского городского головы с 18 апреля 1906 года и утвержден в этой должности Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 1-го июля 1906 года за № 51 на четырехлетие.

Определением Семипалатинской городской Думы от 23\28 ноября 1907 года, избран в должности постоянного члена Семипалатинского отделения Омского Епархиального Училищного совета.

По журналу Епархиального Училищного совета, от 16 января 1880 года за номером 12, Преосвященным

Рис.3. Ярмарка на территории Семипалатинска. Вторая половина XIX в. (из фондов Краеведческого музея)

Епископом Омским утвержден в этой должности. Был женат первым браком на Елизавете Степановне, имел детей родившихся: сына Михаила-30 сентября 1902 года, дочерей: Елену-25 мая 1898 года, Людмилу- 4 августа 1901 года и Нину-14 января 1906 года. Жена и дети так же были вероисповедания православного [3,с.286].

Благодаря Прокопию Плещееву, Семипалатинск получил первое электричество, водопровод, телефон, проведена железная дорога, стала выпускаться частная газета «Семипалатинский листок», благодаря его настойчивости открыта женская гимназия. Построены: паровая крупчатая мельница, винокуренный и пивоваренный заводы, типолитография, учреждено Акционерное общество каменно-угольных копей в Семипалатинской области, которое позволило перевести городское хозяйство с дровяного на угольное отопление. Основано Верхне-Иртышское товарищество пароходства и торговли. На средства купца Плещеева введена в строй церковь во имя Александра Невского и др.

По переписи населения 1897 года, численность Семипалатинской области составляла 684590 человек. Из них 364989 – мужчины, 319602 – женщины. В Семипалатинске проживало 26246 чел., в т.ч. 14119 мужчин. К

Рис.4. Винокуренный завод купца П.Ф. Плещеева (1890 г.)
(из фондов Краеведческого музея)

1910 г. в городе значительно увеличился процент казахского населения. Если в 1900 г. здесь проживало 4859 казахов, то в 1910 г. – 7652 чел. [2, с.45]. К этому времени экономическое значение Семипалатинска значительно возросло. Из областного центра вывозились кожи и красный юфть семипалатинского производства, а также ситец, бархат, чугун, железные изделия [4].

Рис.5.
Плещеев Прокопий Федорович,
купец – промышленник
Семипалатинска. Начало XX в.
(из фондов Краеведческого музея)

Рис.6. Церковь Святого Александра Невского в Семипалатинске.
Построена в 1882-1890 гг. на средства купца Плещеева. Простояла до
начала 30-х годов XX века. Снесена ОГПУ
(из фондов Краеведческого музея)

Колоссальный рост объемов сельскохозяйственного сырья на рынках Семипалатинска на рубеже XIX – XX вв. способствовал распространению кожевенных, салотопенных, шерстомойных, мукомольных, крупяных и других производств. Именно это обстоятельство обусловило специфику промышленного производства региона в последующие годы XX века.

Среди представителей таких от-

Рис.7. Здание насосной станции – первого водопровода г.Семипалатинска. 1910 г., построенного с участием Плещеева П.Ф. (фото авторов)

раслей является кожевенное производство, которое берет начало с конца XIX века, когда купец П.Ф. Плещеев в небольшом полуподвальном помещении организовал кустарное производство кожи. Именно с него стали расти народные умельцы, в совершенстве владевшие традициями кожевенного ремесла, получившего широкое распространение на территории Казахстана. Из рук мастеров, от-

лично знавших свойства и поведение кожи в различных режимах, выходила добротная продукция, спасавшее от холода и других неудобств население республики, СССР в целом.

В 1928 году на месте некогда плещевых кустарных производств запущено более совершенное кожевенное производство. Завод был оснащен мездрильными и разводными машинами, прокатными станками и дубильными барабанами. По тем временам завод представлял собой мощное механизированное производство. Его технический потенциал позволял выпускать жесткие кожи для низа обуви и юфтовые – для верха.

30 декабря 1936 г. группа семипа-

латинских кожзаводов была реорганизована в кожевенно-шубный комбинат, соответственно были открыты овчинный завод и шубная фабрика. Это более чем в два раза повысило мощность существовавшего производства [5].

Вся история комбината - это постоянное развитие его материально-технической базы, увеличение производства, расширение его ассортимента. Новые цеха, лаборатории были неотъемлемой частью предприятия. Так, в 1937 году здесь был открыт цех галантерейного ширпотреба, выпускавший крытые полушубки, рукавицы, шубные и спилковые полуфабрикаты, ботинки и др.

В годы Великой Отечественной

Рис.8. Фундамент нового завода – первенца кожевенной промышленности Казахстана. 1926 г. (из фондов Краеведческого музея)

Рис.9. Элита мастеров кожевенно-меховых производств Семипалатинска. Руководители заводов и начальники цехов. 1926 г. (из фондов Краеведческого музея)

войны под девизом «все - для фронта, все - для победы» комбинат производил яловые сапоги, ботинки, поясные офицерские ремни, жилеты из шубного лоскута, фартуки и рукавицы из спилка, полушубки, бекеши, тулупы, рукавицы.

1951 год - особенный в истории комбината. Он был связан с грандиозной по тем временам реконструкцией и механизацией производственных процессов. Были построены ТЭЦ-2, отмочно-зольный цех, значительно расширены шубное и отделочное производства. В это же время были введены в эксплуатацию барабаны-контейнеры, сконструированные директором этого комбината Л.Сычевым.

С 1996 по 2000 годы, по известным причинам, Семипалатинской

кожно-меховой комбинат не работал.

29 мая 2000 года постановлением акима Восточно-Казахстанской области «Кожмехобъединение» передано в доверительное управление ТОО «Семей тері» [6], благодаря которому удалось сохранить традиционную отрасль в городе Семей.

Сегодня это производство объединено в ТОО «Семипалатинский коженно-меховой комбинат», укомплектованное квалифицированными специалистами выпускающее конкурентноспособную продукцию.

Наряду с обеспечением спроса населения шубно-меховыми изделиями, комбинат производит специализированное шубно-меховое обмундирование для силовых структур и спецодежду для различных отраслей экономики республики. Сегодня в производстве современной специализированной продукции в полной мере используется богатый опыт предприятия, а также новейшие разработки в легкой промышленности.

Исследования показали, что коллектив комбината работает над дальнейшим улучшением качества и увеличением объема выпускаемой продукции, хотя этот ассортимент уже достаточно широк. В результате широкую гамму швейных изделий дополнили кожа хромового дубления для верха модельной обуви, а также юфть для изготовления рабочей и специальной обуви и кожа, предназначенная для низа обуви.

Особое внимание уделяется коженным полуфабрикатам, которые пользуются большим спросом не только в обувной, но и других отраслях промышленности.

За производство высококачественной продукции на 1-ой Казахстанской международной выставке «Агропродэкспо-Базарлык-99», предприятие награждено дипломом «Гран-при».

На выставке-ярмарке, состоявшейся в Астане 12-14 ноября 1999 года, меховые изделия предприятия удостоены диплома и памятной медали, а самому комбинату присвоено звание «Официальный поставщик Миллениум Пати».

В 2008 году начата реконструкция и модернизация коженно-мехового комбината, которая позволит выпу-

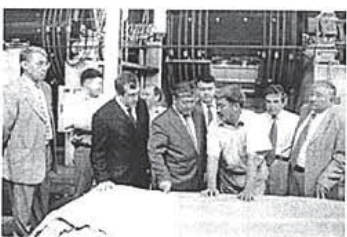
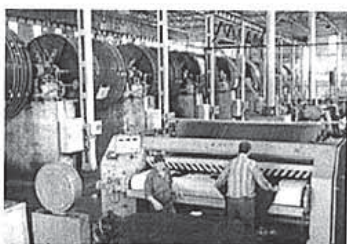

Рис.10-17. Основные цеха ТОО «Семипалатинский коженно-меховой комбинат» (фото авторов)

скасть и более качественные, и новые виды продукции. Реконструкция и модернизация комбината состоит из 3-х этапов: *первый этап*, реконструкция и модернизация коженного производства; *второй этап*, реконструкция и модернизация овчинно-шубного и швейного производств; *третий этап*, реконструкция и модернизация

обувного производства.

Реконструкция коженного производства осуществляется комбинатом совместно с АО «Банк Развития Казахстана». Ввод в эксплуатацию нового коженного завода, оснащенного современным итальянским оборудованием последнего поколения, позволит значительно сократить

Рис.18-19. От архитектурного интерьера 30-х годов XX в. к современным апартаментам коженно-мехового производства (фото авторов)

**Рис.20. Новое время –
«новые купцы»:
генеральный директор «СКМК»
Рахимгалиев Жумагазы
Нурбазарович
(фото авторов)**

применение ручного труда, улучшить качество продукции и осуществить выпуск новых видов конкурентоспособной и импортозамещающей продукции.

По итогам первого этапа проекта планируется производить следующие новые виды продукции: экспортоориентированные «Crust» и «Bucust» – лицевую кожу и спилки с полиуретановым покрытием, имитирующим обувную и мебельную кожу, а также гидрофобную кожу, пользующуюся большим спросом на мировом рынке при изготовлении спортивной и специальной армейской обуви. Кроме

того, реализация проекта позволит увеличить объемы и улучшить технологию производства экспортоориентированного кожаного полуфабриката хромового дубления «Wet-blue», хрома обувного и одежного, юфти, жесткого кожаного (подшвенной кожи), шорно-седельной кожи, ремешковой кожи, спилки (стельчатого и подкладочного), сыромяти.

По итогам реконструкции и модернизации кожаного производства комбинат станет самым мощным и современным кожаным предприятием в Казахстане и одним из ведущих переработчиков кожаного сырья в странах СНГ.

Проектная мощность нового кожзавода позволит перерабатывать до 450 тыс. шкур крупного рогатого скота и производить 125 млн. кв. м. готовой товарной кожи в год.

References:

1. Potanin G.N. Semipalatinsk i drugie goroda Semipalatinskoy oblasti [Semipalatinsk and other cities of the Semipalatinsk region]., Zhivopisnaja Rossiya [Pictorial Russia]. - Sankt-Peterburg., 1884, T. 2. - 516 p.
2. Kasymbaev Zh.K. Chislennost' i sostav naselenija Semipalatinska v XVIII-XIX vv. [Population size and composition in XVIII-XIX]., Izvestija AN KazSSR. Serija «Obshhestvennye nauki» [New of KazSSR AS. Series «Social sciences»], 1971, No. 3

3. Kashljak V.N. Semipalatinsk: ot burgomistra do akima [Semipalatinsk: from burgomaster to akim]. - Semej, 2007. - 400 p.

4. Istorija gorodov Kazahstana [History of kazakh cities]. - Alma-Ata., Institut istorii, arheologii i jetnografii im. Ch. Valihanova [Institute of History, Archeology and Ethnography n.a. Ch. Valikhanov], 1984.- 323 p

5. Kashljak V.N. Semipalatinsk. Tri veka istorii [Semipalatinsk. Three centuries of history]. - Novosibirsk, 2002. - 371 p.

6. Predprijatija goroda Semipalatinska. Spravochnyj ukazatel' [Companies of the city of Semipalatinsk. Information reference]. – Semipalatinsk, 2007.- 146 p.

Литература:

1. Потанин Г.Н. Семипалатинск и другие города Семипалатинской области. - Живописная Россия. Спб., 1884, т. 2.- 516с.
2. Касымбаев Ж.К. Численность и состав населения Семипалатинска в XVIII-XIX вв. // Известия АН КазССР. Серия «Общественные науки», 1971, № 3
3. Кашляк В.Н. Семипалатинск: от бургомистра до акима. – Семей, 2007. - 400с.
4. История городов Казахстана. - Алма-Ата: Институт истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова, 1984.- 323 с.
5. Кашляк В.Н. Семипалатинск. Три века истории. – Новосибирск, 2002. - 371с.
6. Предприятия города Семипалатинска. Справочный указатель. – Семипалатинск, 2007.- 146 с.

Information about authors:

1. Aleksey Kononov - Candidate of History, Associate Professor, Semipalatinsk State University named after Shakarim; address: Kazakhstan Semipalatinsk city; e-mail: csm2007@mail.ru
2. Almagul Akhmetkalieva - Student, Semipalatinsk State University named after Shakarim; address: Kazakhstan, Semipalatinsk city; e-mail: csm2007@mail.ru

FORMATION AND DEVELOPMENT OF THE SCIENTIFIC SCHOOL OF DESCRIPTIVE GEOMETRY IN IICU-PSTU

N. Eliseev, Candidate of Technical sciences, Associate
Professor

N. Eliseeva, Candidate of Technical sciences, Senior Lecturer

E. Paraskevopulo, Candidate of Technical sciences, Assistant
Petersburg State Transport University, Russia

The article describes the main milestones in formation of the descriptive geometry school in IICU-PSTU. Authors considered the contribution of scientists into the development of history and theory of descriptive geometry and showed the influence of traditions on the descriptive geometry teaching at the present stage.

Keywords: descriptive geometry, history and theory of the method of images, teaching methods, innovations in the educational process.

Conference Participant, National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

Начертательную геометрию – фундаментальную науку, лежащую в основе инженерного образования, начали преподавать в Институте корпуса инженеров путей сообщения в 1810 г. Значительное влияние на формирование методики преподавания в институте графических наук, оказали ученики и последователи Г. Монжа, профессора: А.А. Бетанкур (1758–1824) – первый руководитель института, А.Я. Фабр (1782–1844), К.И. Потье (1786–1855).

Основатель школы – Карл Иванович (Шарль Мишель) Потье (1786–1855), читавший курс лекций по начертательной геометрии в ИКИПС с 1815 по 1818 г. В эти годы он читал также курсы механики и построений – приложения начертательной геометрии к изображению сооружений. Основным направлением обучения было столь характерное для педагогической школы Гаспара Монжа требование: цель всякого обучения – подготовка к практической деятельности.

В 1816 г. К.И. Потье издал первый в России учебник по начертательной геометрии на французском и русском языках (перевод ученика К.И. Потье Я.А. Севастьянова) – «Основание начертательной геометрии для употребления воспитанниками Института корпуса инженеров путей сообщения». Учебник К.И. Потье был составлен в аксиоматической форме, структурно подразделенной на определения, первоначальные теоремы и прикладные задачи.

В 1818 г. вышли в свет два его сочинения «Приложение начертательной геометрии к рисованию» и «На-

чальные основания разрезки камней» (переводы Я.А. Севастьянова), в которых рассматривалось приложение начертательной геометрии к различным искусствам и ремеслам. Первое сочинение было посвящено приложению начертательной геометрии к построению теней и перспектив, а второе – искусству кладки каменных сводов, куполов и винтовых лестниц. Этот труд был полностью посвящен строительному искусству. К.И. Потье, продолжая труды своего учителя Г. Монжа, предложил теорию разрезки камней, основанную на базе начертательной геометрии. Эта теория позволяла выполнить точные чертежи не только самих конструкций, но и отдельных камней различной формы, из которых они сооружались. Своими работами профессор К.И. Потье наметил грандиозные пути возможных направлений применения науки начертательной геометрии, которые впоследствии и были с блеском использованы его российскими учениками и последователями, профессорами: Я.А. Севастьяновым (1796–1849), А.Х. Редером (1809–1872), Н.П. Дуровым (1834–1878), Н.И. Макаровым (1826–1904), В.И. Курдюмовым (1853–1904), В.А. Косяковым (1866–1922), Н.А. Рыным (1877–1942), Д.И. Каргиным (1880–1949) и др. Эти ученые на фундаменте, построенном К.И. Потье, возвели величественное здание отечественной прикладной геометрии.

В 1818–1843 гг. ведущим лектором по начертательной геометрии стал воспитанник Института, генерал-майор, ординарный профессор Яков

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ НАУЧНОЙ ШКОЛЫ НАЧЕРТАТЕЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ В ИКИПС-ПГУПС

Елисеев Н.А., канд. техн. наук, доцент

Елисеева Н.Н., канд. техн. наук, ст. преподаватель

Параскевопуло Е.Н., канд. техн. наук, ассистент
Петербургский государственный университет путей
сообщения, Россия

В статье рассмотрены основные вехи становления научной школы начертательной геометрии в ИКИПС-ПГУПС. Оценен вклад ученых-путейцев в развитие истории и теории начертательной геометрии. Показано влияние традиций на преподавание начертательной геометрии на современном этапе.

Ключевые слова: начертательная геометрия, история и теория методов изображения, методика преподавания, инновации в учебном процессе.

Участник конференции Национального первенства по научной аналитике
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Александрович Севастьянов (1796–1849). В 1821 г. был издан его труд «Основания начертательной геометрии», где он увеличил объем курса и дал русскую научную терминологию и символику, которые практически без изменения используются до сих пор. Его труды «Приложения начертательной геометрии» (1830), «Приложения начертательной геометрии к воздушной перспективе, к проекции карт и к гномонике» (1831), «Начальные основания плотничного искусства» (1835) расширили практическую область приложения теории начертательной геометрии. В этих работах соединены в единое целое теория начертательной геометрии и практика – архитектура, стереотомия, картография, изготовление солнечных часов и т.д.

Благодаря трудам К.И. Потье и Я.А. Севастьянова начертательная геометрия начала распространяться в других учебных заведениях Петербурга и России.

В 1862–1872 гг. кафедру «Начертательная геометрия» возглавлял инженер-полковник, главный наблюдатель Учебного комитета Главного управления путей сообщения и публичных зданий по преподаванию начертательных искусств в институте, ординарный профессор А.Х. Редер (1809–1872). Основоположник отечественной теории аксонометрических проекций и теории проекций с числовыми отметками. В 1858 г. вышла в свет книга А.Х. Редера «Приложения начертательной геометрии к рисованию. Ч. I. Теория теней, блестящие точки, правила тушевания», где он показал приложение теории

начертательной геометрии к решению практических задач. Эта книга стала прекрасным продолжением идей, изложенных в книгах его учителя – профессора Я.А. Севастьянова.

А.Х. Редер внёс значительный вклад в развитие технической графики, а также прикладных направлений начертательной геометрии. Его «Программа по преподаванию начертательных искусств» (1849), разработанная по заданию Учебного комитета ГУПСИПЗ во многом определила дальнейшее преподавание прикладных направлений начертательной геометрии в высших учебных заведениях Петербурга.

Профессор Николай Павлович Дуров (1834–1878) – автор первых отечественных учебников по техническому черчению: «Руководство к геометрическому черчению» (1870) и «Руководство геометрического черчения» (в соавторстве с Гавловским А.Г.) (1874). Он известен как библиограф и собиратель книг и статей, имевших отношение к истории России XVIII столетия. Отличное знание истории технической графики этого периода использовал для совершенствования учебного процесса. Статьи Н.П. Дурова по этой теме положили начало исторической рубрике «Материалы для истории строительного дела в России» «Журнала ГУПСИПЗ», который начал издаваться в ИКИПС в 1826 г., а первым трудом по истории транспортной науки и техники была статья Я.А. Севастьянова «О трудах офицеров Корпуса инженеров путей сообщения» (1826).

На рубеже XIX–XX веков кафедрой руководил статский советник, профессор В.И. Курдюмов (1853–1904). Автор классических работ в области начертательной геометрии. Его четырёхтомный «Курс начертательной геометрии» (1892–1895) стал наглядным примером применения методов изображения в прикладных инженерных дисциплинах.

В.И. Курдюмов внёс большой вклад в развитие российского транспортного строительства. Один из основоположников механики грунтов. Большая инженерная деятельность явилась причиной того, что В.И. Курдюмов и начертательную геометрию рассматривал как науку, призванную

решать инженерные прикладные задачи. Ему принадлежат слова, определяющие саму суть начертательной геометрии: «Если чертёж является языком техники, одинаково понятным всем народам, то начертательная геометрия служит грамматикой этого мирового языка, так как она учит нас правильно читать чужие и излагать наши собственные мысли, пользуясь в качестве слов одними только линиями и точками, как элементами всякого изображения».

С 1904 по 1918 гг. заведующим кафедрой был архитектор, профессор В.А. Косяков (1866–1922), которого сменил на этом посту профессор, д.т.н. Николай Алексеевич Рынин (1877–1942). Н.А. Рынин – автор 268 научных, учебных и публицистических трудов в области строительства путей сообщения, начертательной и прикладной геометрии, воздухоплавания, авиации, реактивной техники, космонавтики, истории науки и техники. Инженер-экспериментатор в одной из своих работ писал, что начертательная геометрия «является наивысшим средством развития той таинственной, мало поддающейся изучению точными науками способности человеческого духа, которая зовётся воображением и которая является ступенью к другой царственной способности – фантазии, без которой почти не совершаются великие открытия и изобретения». Н.А. Рынин – создатель первых проектов авиалиний в нашей стране. Его именем назван кратер на обратной стороне Луны. Пропагандист и популяризатор истории науки и техники. В 1938 г. учёный объединяет свои изыскания по истории начертательной геометрии в одну книгу «Материалы к истории начертательной геометрии: (Библиография, биографии, факты и хронология)» (1938).

В разные периоды кафедрой начертательной геометрии в Ленинградском институте инженеров железнодорожного транспорта руководил Заслуженный деятель науки и техники РСФСР, генерал-директор связи III ранга, д.т.н., профессор Д.И. Каргин (1880–1949) – автор 450 научных и публицистических работ, монографий, учебных курсов по электрической связи, радиотехники и диспетчерской

системе управления на железнодорожном транспорте, начертательной геометрии и инженерной графике, истории науки и техники. Его докторская диссертация «Точность графических расчётов» (1937) была первой работой в СССР по специальности «Теоретическая и прикладная инженерная графика».

Научные труды (100 работ по теории начертательной геометрии и инженерной графике) Д.И. Каргина способствовали развитию основ отечественной теории методов изображения. 38 исторических работ Каргина посвящены воссозданию биографий и изучению наследия многих выдающихся учёных, инженеров, техников и изобретателей XVIII–XX в.в. Д.И. Каргин – редактор и автор комментариев к юбилейному выпуску книги Г. Монжа «Начертательная геометрия» (1947), изданной АН СССР.

С 1949 по 1954 гг. кафедрой «Начертательная геометрия и графика» заведовал к.т.н., профессор Андрей Павлович Тихонович (1895–1970). Основные труды А.П. Тихоновича касались методики преподавания и исследований, развивающими тему его диссертации «Метод проектирующих сферических поверхностей в применении к бесосному проектированию на одну плоскость».

Научная и научно-методическая работа в области прикладной геометрии и геометрического моделирования коллектива кафедры «Начертательная геометрия и графика» под руководством с 1954 по 1974 гг. к.т.н., доцента И.В. Тимофеева (1905–1978) позволила расширить практическое применение методов изображения.

29 лет (1974–2003) кафедру начертательной геометрии возглавлял профессор, д.т.н. Б.Ф. Тарасов (1931–2011). Автор монографий и статей по теории и истории методов изображения.

В настоящее время коллектив кафедры «Начертательная геометрия и графика» хранит и развивает заложенные традиции. Одним из направлений научно-исследовательских работ является *история науки и техники*, в том числе становление и развитие методов изображения. По этой тематике

вышло в свет 13 монографий из них пять профессора Б.Ф. Тарасова выпущены в свет издательством «Наука», защищены докторская и кандидатская диссертации. Продолжаются научные направления в области *прикладной геометрии*, сочетая развитие теоретических исследований с решением конкретных прикладных инженерных задач: проектирование в транспортном строительстве; проектирование рабочих органов землеройных машин и новых видов городского рельсового пассажирского транспорта. Большое внимание коллектив кафедры уделяет совершенствованию учебного процесса.

Кафедра работает со студентами 24 специальностей 9 факультетов университета. Основными дисциплинами являются начертательная геометрия, инженерная графика, компьютерная графика. Основной задачей коллектив кафедры считает подготовку высококвалифицированных инженеров, широко эрудированных в прикладной геометрии, владеющими графическими методами решения инженерных задач и современными компьютерными технологиями.

Традиции преподавания графических дисциплин, заложенные научной и педагогической деятельностью ученых ИКИПС–ЛИИЖТ, позволили в современных условиях определить как экстенсивные, так и интенсивные направления инновационной деятель-

ности коллектива преподавателей кафедры: гуманитаризация учебного процесса, внедрение информационных технологий, оптимизацию педагогических условий преподавания, современные технические средства обучения, а также накопленный методический опыт.

References:

1. Eliseev N.A., Paraskevopulo Yu.G. Na sluzhbe u geometrii [Serving the geometry]. A.Kh. Reder i N.P. Durov – St Petersburg., PGUPS, 2006. - 55 p.
2. Tarasov B.F., Eliseev N.A. K.I. Pot'e (1786-1855) – avtor pervogo v Rossii uchebnika nachertatel'noi geometrii dlya inzhenerov-puteitsev [Pottier (1786-1855) - author of the first textbook of descriptive geometry for the railway engineers in Russia], XXIX mezhdunar. konf.: Nauka i tekhnika: voprosy istorii i teorii [XXIX International Conference.: Science and technology: matters of history and theory]. - St Petersburg: SPbF IIET RAN, 2008., pp. 368 -370.
3. Eliseev N.A., Paraskevopulo Yu.G. Stanovlenie i razvitie osnov teorii nachertatel'noi geometrii i ee prilozhenii v IKIPS-PGUPS [Formation and development of foundations of the theory of descriptive geometry and its applications in IICU-PSTU]. - St Petersburg: PGUPS, 2011. - 88 p.

Литература:

1. Елисеев Н.А., Параскевопуло Ю.Г. На службе у геометрии. А.Х. Редер и Н.П. Дуров – СПб.: ПГУПС, 2006. – 55с.
2. Тарасов Б.Ф., Елисеев Н.А. К.И. Потье (1786-1855) – автор первого в России учебника начертательной геометрии для инженеров-путейцев // XXIX междунар. конф.: Наука и техника: вопросы истории и теории. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН, 2008. – С. 368 -370.
3. Елисеев Н.А., Параскевопуло Ю.Г. Становление и развитие основ теории начертательной геометрии и ее приложений в ИКИПС-ПГУПС – СПб.: ПГУПС, 2011 – 88 с.

Information about authors:

1. Nickolay Eliseev - Candidate of Technical sciences, Associate Professor, Petersburg State Transport University; address: Russia, St. Petersburg city; e-mail: ena1981@yandex.ru
2. Natalya Eliseeva - Candidate of Technical sciences, Senior Lecturer, Petersburg State Transport University; address: St. Russia, St. Petersburg city; e-mail: neliseeva83@mail.ru
3. Elena Paraskevopulo - Candidate of Technical Sciences, Assistant, Petersburg State Transport University; address: Russia, St. Petersburg city; e-mail: ena1981@yandex.ru

SYSTEMIC DESIGN PHILOSOPHY OF PYRAMIDS AND THE PICTURE OF THE VITRUVIAN MAN

M. Treschalin, Doctor of Technical sciences, Full Professor
Moscow State Technological University Stankin, Russia

The author analyzes the image of Leonardo da Vinci's «Vitruvian Man» from the position of searching for patterns of geometric and symbolic manifestation of the laws of universe. Assuming the unity of principles at the core of outlook of the ancient people, the author offered a system on the basis of which the pyramids and religious building were constructed, icons and other material historical and cultural monuments were created.

Keywords: system, pyramid, «Vitruvian Man», symbol, mandala.

Conference participant

СИСТЕМНЫЕ ПРИНЦИПЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ПИРАМИД И РИСУНКА «ВИТРУВИАНСКИЙ ЧЕЛОВЕК»

Трещалин М.Ю., д-р техн. наук, профессор
Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», Россия

В статье проводится анализ рисунка Леонардо да Винчи «Витрувианский человек» с позиции поиска закономерностей геометрического и символического отображения законов мироздания. Предполагая единство принципов, положенных в основу мировоззрения древних, предложена система, на основании которой построены пирамиды, культовые сооружения, написаны иконы, созданы другие материальные памятники истории и культуры.

Ключевые слова: система, пирамида, «Витрувианский человек», символ, мандала.

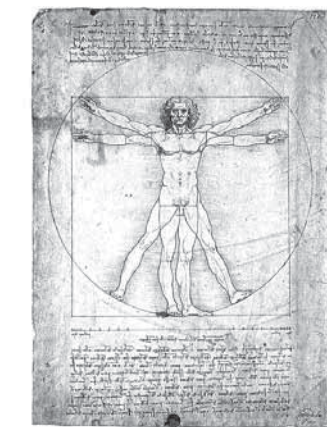
Участник конференции

Наследие, оставленное человечеству мудрецами минувших веков и тысячелетий, поражает не только знаниями ушедших цивилизаций, но и достижениями, которые невозможно повторить, используя современные технические возможности. В первую очередь это касается египетских и мексиканских пирамид, культовых строений Южной Америки, Азии и Западной Европы, загадочных лабиринтов, расположенных по всему миру, в том числе и на севере России. В связи с этим возникает предположение о единстве принципов, положенных в основу различного рода символов, икон, памятников архитектуры.

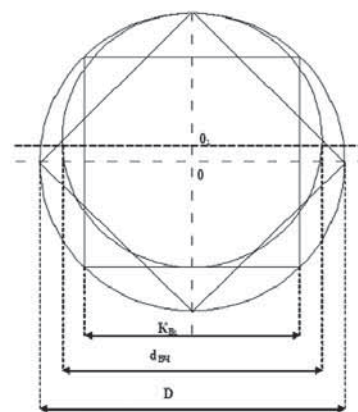
Форма и геометрия пирамид создают определенный эффект. Но если геометрия пирамид достаточно хорошо исследована, то относительно их функционирования существует несколько версий, сводящихся к энергоинформационному назначению пирамидальных конструкций. При этом технологические аспекты проникновения во Всеобщее информационное поле, накопления и преобразования энергии, мало изучены.

Из материалов исследований Великой пирамиды Н.Н. Непомнящего и М. Хоуп [1], следует, что угол между каждой из граней и плоскостью основания составляет $51^{\circ}51'$.

Возникает вопрос: на основании чего разработан проект пирамиды? Откуда появился, например, угол наклона грани $\approx 52^{\circ}$? Почему не 30° или не 60° или не 80° ? Ведь, по сути, этот

a.

b.

Рис. 1.

угол определяет соотношение основных геометрических размеров пирамиды!

В многочисленных исторических трудах отчается, что жрецы и фараоны при помощи пирамид общались с Богами (или представителями других планет?). Возможно, именно пришельцы с небес подсказали землянам идею создания пирамид. Тогда конструкция пирамиды, как посредника между Землей и Космосом, должна вписываться в такую схему.

Следовательно, можно предположить существование базовой системы для проектирования пирамид, создания различных символов, религиозных образов и т.д. Таким образом, задача сводится к построению такой системы, что даст возможность обосновать особенности древних сооружений и произведений искусства.

Одним из характерных примеров использования предполагаемой графической системы в художественном творчестве является рисунок Леонардо да Винчи «Витрувианский человек». Рассматривая этот шедевр (рис. 1a) с точки зрения геометрии, обращает на себя внимание определенность в нанесении характерных точек, размерах фигур и линий, величинах углов, образованных их пересечением (рис. 1b).

Диаметр окружности $d_{вч}$, внутри которой находится человек, определяется расстоянием между основанием квадрата и пересечением вертикального диаметра и базовой окружности. Центр этой окружности O_1 расположен на оси ординат (вертикальном диаметре). Диаметр $d_{вч} = K_{B1} + (C - K_{B1})/2 = (1 + 2^{0.5}/2^{0.5}) \cdot D/2 = 0.853553391 \cdot D$;

где: $K_{B1} = D/2^{0.5} = 0.707106781 \cdot D$ – сторона квадрата; $C = K_{B1} \cdot 2^{0.5} = D$ – диагональ квадрата.

Предполагая, что пересечение сторон квадрата, расположенных под углом 45° к горизонтали, с окружностью определяют точки касания стоп, установлено, что угол, образованный расставленными ногами составляет $53.130102^\circ = 2 \cdot 26.565051^\circ$.

В целом, Леонардо да Винчи использовал систему двух окружностей, связанных между собой квадратом и без дополнительных элементов, отсутствующих на рисунке «Витрувианский человек», отметить узловые точки размещения фигуры человека крайне затруднительно. Очевидно, что такие дополнительные элементы являются составляющими более сложной системы (мандалы), которая представляет собой комплекс геометрических фигур, заложенный еще в древности, и отражающий закономерности Вселенной [2].

Таким образом, система представляет собой мандалу, состоящую из базовой окружности, заданного диаметра D , включающую вписанные в нее квадраты, вершины которых смещены относительно друг друга на 45° , а также окружность, имеющую диаметр d , соприкасающуюся в верхней точке с базовой, а внизу – с горизонтальной стороной квадрата.

Анализ графической системы, проведенный с учетом некоторых дополнительных построений (рис. 2), позволяет отметить ряд аспектов.

В первую очередь это относится к горизонтальной линии FN, проведенной через точки пересечения сторон квадрата и окружности, диаметра d , в нижней части рисунка. Особенностью этой горизонтали является то, что она делит диаметр базовой окружности на части в соответствии с пропорцией Золотого сечения: $0.61803399/0.38196601$.

Кроме того углы, по отношению к горизонтальной плоскости, образованные прямой, соединяющей точки F и N пересечения горизонтали с базовой окружностью и базовой окружности с вертикальным диаметром V, составляют:

- в верхней части рисунка (точка

V) – 51.8272923° ; - в нижней части рисунка – 38.1727077° .

Отношение длины отрезка FN к расстоянию $0_K V$, равно $2/\text{tg}(51.8272923^\circ) = 1.57230276$. В материалах исследований отмечается, что $1.57230276 \cdot 2 = 3.144605519$ – число характеризующее отношение удвоенной длины стороны основания в полной высоте пирамиды Хеопса.

Здесь уместно предположить, что исходный размер окружности на рисунке «Витрувианский человек», был равен $22.01223863 \text{ см} = 7 \cdot 3.144605519 \text{ см}$. или $7 \cdot 3.144605519 \cdot 10^{-1} \text{ м}$. Тогда произведение $7 \cdot 3.144605519 \cdot (2 \cdot 144) = 6339.525 \text{ см}$. или 633.9525 м . Полученный результат весьма близок к численному значению среднего радиуса Земли (6374 км). Следовательно, окружность на рисунке «Витрувианский человек» может символизировать Земной шар посредством числа 144.

Далее, для рассматриваемой системы, помимо 0 и 0_K , характерными являются точки A и B пересечения окружности, диаметра d , и квадрата, стороны которого расположены под углом 45° . Особенность этих точек заключается в следующем:

- прямые, соединяющие A и B с центром 0_K , а также вершиной треугольника FVN, имеющего при основании углы 51.8272923° , образуют углы,

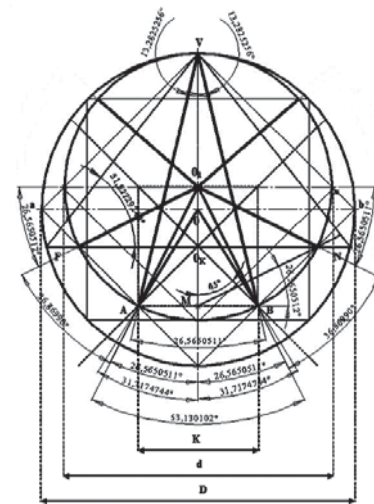
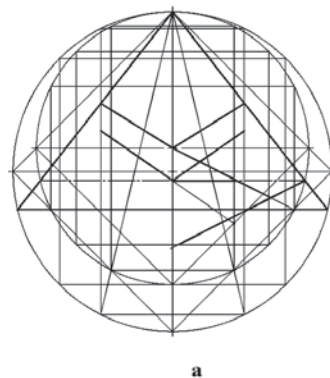

Рис. 2.

Углы наклона восходящего и нисходящего коридоров Великой пирамиды, равны соответственно 26.22° и 26.52° (угол 26.56° представляет собой секед $1/2$);

- верхняя горизонтальная сторона квадрата, основанием которого является AB, совпадает с диаметральной линией, проходящей через центр;

- угол, образованный прямыми, соединяющими центр 0 и каждую из точек A и B по отношению к горизонтали составляет 58.2825256° , тангенс которого равняется 1.61803399 ;

- расстояние от основания квадрата AB до центра базовой окруж-

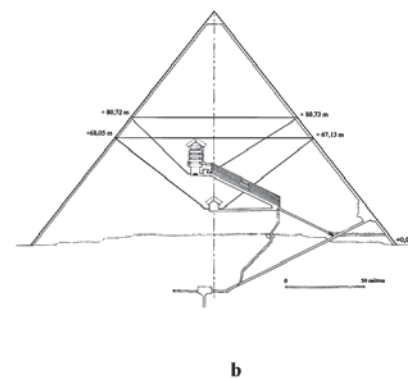

Рис. 3.

равные 26.565051° ($2 \cdot 13.2825256^\circ = 26.565051^\circ$ и $2 \cdot 26.565051^\circ = 53.130102^\circ$) по отношению к оси ординат. Как указывается в [3] «... У древних египтян существовало понятие «секед», очень напоминающее по смыслу современный тангенс. ...

ности (точка 0): $0.5 \cdot 0.38196601 \cdot D \cdot \text{tg}(58.2825256^\circ) = 0.30901699 \cdot D$;

- линия, проведенная через точки пересечения: горизонтали FN с окружностью, диаметром d , и отрезка AB с линией вертикального диаметра (точка M), проходит относи-

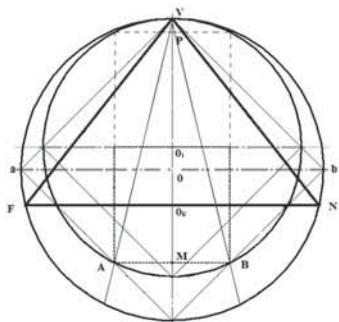

Рис. 4.

тельно АВ под углом 26.5650511° . Сопоставление этой прямой с изображением хода в подземелье на фронтальном сечении пирамиды Хеопса (рис. 3) дает возможность предположить, что ее направление и угол наклона совпадают с расположением коридора, ведущего в нижнюю подземную камеру, находящуюся на глубине 30 м. под основанием пирамиды («...В нее [камеру] ведет коридор длиной 105 м. под углом 26.52° » [3]. Кроме того, продолжение этой прямой до пересечения с боковой стороной VN треугольника FVN определяет точку «...Входа, расположенного на высоте 17 м. от основания северной стороны» [3].

Обобщая вышеизложенное, представляется целесообразным графическое изображение и расчет рассматриваемой мандалы осуществлять начиная с квадрата, длина стороны которого равна АВ. Алгоритм построения заключается в следующем (рис. 4):

1. Первоначально наносится квадрат, имеющий сторону $AB = K$. Начало координат принимается в центре квадрата O_K ;

2. Из точки O_1 , находящейся на расстоянии $K/2$ выше центра O_K на оси ординат, строится окружность, диаметром $d = 2 \cdot (K^2 + 0.5^2 \cdot K^2)^{0.5} = 2 \cdot K \cdot (\Phi - 0.5)$, где: $\Phi = (1 + 5^{0.5})/2 = 1.61803399$.

3. В полученную окружность вписывается квадрат, вершины которого находятся на линиях вертикального и горизонтального диаметров, проходящих через O_1 .

4. Через точки пересечения с окружностью оси абсцисс и нижние углы квадрата А и В проводятся прямые до пересечения с линией вертикального диаметра в нижней части

схемы и продолжением сторон квадрата, вписанного в окружность, диаметра d (точки а и b).

5. Строится окружность, диаметра $D = ab$, с центром в точке 0 пересечения линии ab и оси ординат: $D = (d/2) + K_B + 0.5 \cdot K = K \cdot 0.5 \cdot 5^{0.5} + K + K \cdot 0.5 = K \cdot [0.5 \cdot (1 + 5^{0.5}) + 1] = K \cdot (\Phi + 1)$.

6. Расстояния: $\Delta 0 = 0 - O_1 = 0.5 \cdot (D - d) = 0.5 \cdot K_B \cdot (2 - \Phi)$; $\Delta O_1 = O_1 - O_K = 0.5 \cdot K$; $\Delta O_K = 0 - O_K = 0.5 \cdot K \cdot (\Phi - 1)$.

7. Высота треугольника FVN: $O_K V = \Delta O_K + 0.5 \cdot D = K \cdot \Phi$. Углы NFV и FNV при основании равны: $\arctg(\text{угла NFV}) = \arctg(\text{угла FNV}) = \arctg(O_K V / [0.5 \cdot FN]) = \arctg(\Phi / \Phi^{0.5}) = 51.82729238^\circ$.

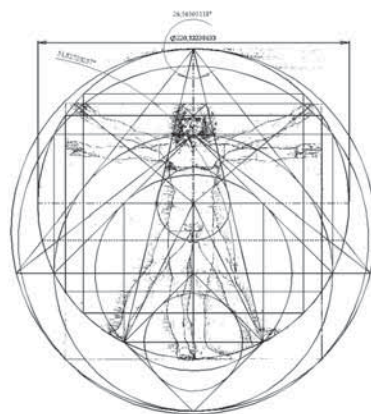

Рис. 5.

Длина основания

$$FN = (0.5^2 \cdot D^2 - \Delta O_K^2)^{0.5} = 2 \cdot K \cdot (\Phi^{0.5}).$$

Применяя рассматриваемую систему к расчету и проектированию пирамиды, можно отметить некоторые характерные моменты:

- основанием пирамиды является горизонтальная линия $FN = 2 \cdot K \cdot (\Phi^{0.5})$, проходящая через начало координат, точку O_K , до пересечения с окружностью, диаметром D ;

- линия, соединяющая точки пересечения: основания пирамиды с окружностью, диаметра d , и АВ с осью ординат, имеет наклон 26.5650511° по отношению к горизонтали и представляет собой коридор, ведущий в подземную камеру;

- полная высота пирамиды $H_{\text{пол}} = O_K V$ равна высоте $O_K V$ треугольника FVN: $O_K V = H_{\text{пол}} = K \cdot \Phi$;

- отношение $O_K V / D = (K \cdot \Phi) / [K \cdot (\Phi + 1)] = \Phi / (\Phi + 1) = 0.61803399$;

- угол наклона грани (сторон FV

и NV к основанию FN) составляет 51.82729238° ;

- высота усеченной пирамиды $h = 1.5 \cdot K$;

- глубина подземной камеры относительно основания $h_{\text{пз}} = 0.5 \cdot K$;

- высота пирамидиона: $\Pi = K \cdot \Phi - 1.5 \cdot K = K \cdot (\Phi - 1.5)$.

По аналогии с пирамидионом, можно предположить наличие элемента, находящегося ниже пола подземной камеры на величину $K \cdot (\Phi - 1.5)$.

Таким образом, имеет место совпадение изображения на рисунке «Витрувианский человек» и сечением пирамиды (рис. 5), что позволяет сделать вывод о том, что в основу создания произведения Леонардо да Винчи и Великой пирамиды положены одинаковые принципы, отражающие мировоззрение древних на взаимосвязи Земли и Космоса.

References:

1. Nepomnyashchii N.N. Po sledam velikanov [On the trail of giants]. — Moscow., Olimp; 000 «Firma «Izdatel'stvo ACT», 1998. - 512 p.
2. Available at: <http://www.ta1.ru/home/geometriya/treygolnik>
3. Piramidy Egipta – itogovyi analiz dannykh [Pyramids of Egypt - the final analysis of data]. Available at: [krizis.co.ua>main_egypt.php](http://krizis.co.ua/main_egypt.php).

Литература:

1. Непомнящий Н.Н. По следам великанов. — М.: Олимп; 000 «Фирма «Издательство АСТ», 1998. — 512 с.
2. [<http://www.ta1.ru/home/geometriya/treygolnik>].
3. Пирамиды Египта – итоговый анализ данных. [krizis.co.ua>main_egypt.php](http://krizis.co.ua/main_egypt.php).

Information about author:

Michail Treschalin - Doctor of Technical sciences, Full Professor, Moscow State Technological University Stankin, address: Russia, Moscow city; e-mail: mtreschalin@yandex.ru

U.D.C. 930 (571) (510) «18/19»

HISTORIOGRAPHIC ASPECT OF
FORMATION OF THE STATE BOUNDARY
ON MATERIALS OF XIX – EARLY XXA. Zaharova, Senior Lecturer
Novosibirsk State Technical University, Russia

In the article the author carries out the analysis of historiographic sources concerning the history of formation the Russian-Chinese boundary up to the beginning of the XX century. Author allocates several geographical areas, one of which (Urjanhajsky Territory) becomes a material for the description of specificity of boundaries formation between the Russian and the Tsin Empires. The author distinguishes two points of view on border demarcation and affiliation of Urjanchs' territories. The author also describes the specificity of the borderline as the combination of a complex of matters concerning the boundary space.

Keywords: historiography, borderline, boundary-work Russia, China, XIX - early XX, Urjanhajsky Krai.

Conference Participant, National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

УДК 930 (571) (510) «18/19»

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ГРАНИЦЫ НА МАТЕРИАЛАХ XIX –
НАЧАЛА XX ВВ.Захарова А.В., ст. преподаватель
Новосибирский государственный технический
университет, Россия

В статье проводится анализ историографических источников по истории формирования российско-китайской границы до начала XX века, выделяются географические участки, данные одного из которых (Урянхайский край) становятся материалом для описания специфики формирования границ между Российской и Цинской империями. Выделяются две точки зрения по прохождению границ и принадлежности территорий урянхов, а также характеризуется специфика описания границы как сочетания комплекса вопросов относящихся к пограничному пространству.

Ключевые слова: историография, государственная граница, лимнология, Россия, Китай, XIX - начало XX вв., Урянхайский край

Участник конференции Национального первенства по научной аналитике
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Формирование российско-китайской границы – сложный и многоплановый исторический процесс, в ходе которого происходило поступательное территориальное сближения двух цивилизаций и договорное закрепление раздела земель в зонах их контакта. Постепенно складывалось пограничное пространство как особая социально-географическая зона, в пределах которой наиболее интенсивно взаимодействовали экономические, культурные, правовые и политические системы двух стран и сталкивались их интересы.

Российско-китайская граница занимает значительные территории, поэтому необходимо выделить участки по географическому принципу, что позволит более полно представить мнения исследователей. В научных трудах XIX в. можно проследить следующие отрезки российско-китайской границы: Приморский край, Уссури и Амур, Манчжурия, Забайкалье и Халха, Алтае-Саянский участок, Чжунгарский участок, Тяньшаньская окраина, Нагорно-Туранский участок [9, с. 38-41], каждый из которых имеет целый ряд специфических признаков. Обобщенно все участки российско-китайской границы можно свести к пяти основным зонам: Приамурье, в которую вошли Приморский край, р.Амур и р.Уссури; Забайкалье и Монголия (Халха); Урянхайский край (в различных источниках этот участок разделяется на два, непосредственно

Урянхайский край и территория Алтая); Восточный Туркестан и Памир.

На основании 486 работ XIX – начала XX вв., в которых описываются различные участки российско-китайской границы, нами выделены следующие территориальные предпочтения авторов по описанию частей границы: Приамурье – 28,8% работ; Забайкалье и Монголия – 4,3%; Урянхайский край – 5,1%; Восточный Туркестан – 38,5%; Памир – 6%. Возникает вопрос, почему некоторые участки границы пользовались повышенным вниманием авторов? Вероятно, наиболее часто предметом изучения становились зоны, которые являлись по тем или иным причинам проблемными (например: спорные территории между Россией и Китаем, ситуация военной оккупации чужих территорий, специфическое экономическое развитие, активная миграция народов одного государства на земли другого и др.). Одним из таких аспектов стала проблема территориальной принадлежности Урянхайского края. Низкое процентное соотношение работ по данному участку границы, по нашему мнению, связано с повышенным интересом в данный период к проблеме разграничения границы России и Китая на территории Средней и Центральной Азии. На наш взгляд, вопрос о принадлежности Урянхайского края и проблема прохождения государственной границы между Российской и Цинской империями на данном

участке в работах изучаемого периода решался неоднозначно. Граница на участке Урянхайского края устанавливалась по Кяхтинскому договору 1727 г., в дальнейшем этот участок в договорах не присутствовал, но, не смотря на это, тема границы на территории урянхов в российской историографии стала популярной, особенно в начале XX вв., после политических событий в Китае 1911 г. Спецификой развития этой аспекта формирования границ является вопрос о принадлежности обширного участка земель и народа на нем проживающего, а как следствие и прохождение границ.

В качестве основных элементов «социального конструкта» – государственной границы России и Китая были выявлены следующие: 1) «особая линия» на местности; 2) система обеспечения безопасности; 3) административное устройство; 4) экономическое сотрудничество; 5) межэтнические отношения. Земли, по которым проводилась линия границы между Российской и Цинской империями, не были исконным ареалом обитания ни одного из двух народов, чьи правительства решали судьбу этой территории, и именно поэтому наибольшее внимание исследователей XIX – начала XX вв. уделялось двум важнейшим вопросам: системе обеспечения безопасности и этническому взаимодействию. Особенностью же участка границы Урянхайском крае можно решение вопроса о демаркации и де-

лимитации границы определяется непосредственно этническим аспектом: принадлежностью урянхов тому или иному государству. А вопросы административного устройства и системы охраны границы не являются предметом специального интереса и поднимаются только в связи со сложностью положения края.

В дореволюционной отечественной историографии столкнулись две точки зрения по вопросу собственности Урянхайской территории: собственность Китая (Г.Е. Грумм-Гржимайло) [11, 12] и собственность России (А. Баранов, В.Л. Попов, Вс. Родевич) [5, 19-20, 23 и др.]. Но так же можно выделить аспект ошибки проведения границы по договору 1727 г., когда произошло нечеткое понимание географических наименований, а также сложность демаркации из-за ландшафта, что позднее позволило исследователям двояко трактовать прохождение границы в Урянхайском крае: граница проходит по Саянам (А.М. Позднеев, генерал-майор Рафаилов) [13, 18] и граница проходит по хребту Танну-Ола (Г.П. Сафьянов, полковник В.Л. Попов) [20, 25].

Причиной пристального внимания к этой местности на рубеже XIX-XX вв. также стали экономические интересы российского государства, особенно после того, как на «спорной территории» были обнаружены обширные золотые месторождения и встала прямая необходимость обоснования притязаний русских на Урянхайский край.

Вопрос о принадлежности соютов получил развитие благодаря пристальному вниманию к нему правительства России, а также стимулированию интереса исследователей. Преобладающей точкой зрения является та, которая доказывает, что земли урянхов и южные склоны Саян до Танну-Ола – собственность России (А.М. Африканов, А. Баранов, В.Н. Васильев, В.А. Ватин, В.Л. Попов, В.С. Родевич и др.) [4, 5, 6, 7, 8, 23]. Основным постулатом по доказательству собственности территорий является выяснение даннических отношений урянхов, и как следствие, факт собственности территорий на которых они проживают. «Изучение вопроса, кто из

урянхов и кому платил подать в 1726 г., накануне заключения Буринского договора, очень важно» [21, с. 56]. Источниками для исследований послужили сказания народов, китайские исторические материалы, договоры по разграничению, карты, непосредственно расположения пограничных знаков и линий караулов на местности как в современном для авторов аспекте, так и выяснение их расположения в историческом контексте, топонимика.

Пограничный вопрос в Урянхае «обусловлен трудностью определения на местности Усинско-Урянхайского края и точного расположения древней границы России с Китаем» [23, с. 101]. «Ни китайцы, ни монголы не считают своими, но относятся к ним презрительно, как к низшему племени... Урянхи в свою очередь не терпят китайцев из расовой неприязни как своих официальных и коммерческих эксплуататоров» [23, с. 23], тем самым необходимо отметить, что хотя союты не являлись «своими», территория Урянхайского края находилась под владычеством Цинской империи. Важно, что все российские притязания на эти земли строились на историческом прецеденте «первичного владения» до момента «нарушения» Китаем в середине XVIII в. договорных статей и захвата края. «Страна эта (верховья Енисея) принадлежит России с 1617 г. по договорам России с алтын ханом, владевшим этой страной» [17, с.56], на что Г. Е. Грумм-Гржимайло приводит ряд фактов, которые, свидетельствуют о том, что территория урянхов не могла быть передана алтын ханами в пользование России, т.к. на тот момент уже им не принадлежала [10, с. 700-703].

Сторонники принадлежности Урянхайского края России указывают на следующее: 1) Енисей река русская, а, следовательно, верховья должны быть русскими (родевич и др.); 2) если «Урянхай был китайской территорией, то не было бы позволено так свободно распространяться русскую колонизацию и промышленность» (см. например, А.В.Адрианов, А.М.Африканов, Б.К.Шишкин, Г.Н. Потанин) [2, 4, 22, 27]; 3) с 1617 (1618)г. территория перешла под российского владычество (на различных точкам зрения,

только часть, но позднее к концу XVII столетия и весь край) (В.А. Ватин, В.Л. Попов) [8, 22]; 4) к концу XVII в. по договору 1689г. Засаянский край платил дань Московскому государству (Вс. Родевич, В.Н. Васильев) [7, 24]; 5) линия монгольских караулов поставлена по южным склонам горного хребта Тану-Ола (Ф.Я. Кон, В.Л.Попов, Вс.Родевич, З.Матусовский, В.Н. Васильев) [6, 14, 16, 21, 23, 24]; 6) пограничные знаки российской стороны поставлены по северным отрогам Саян (те же); 7) территории к северу от Танну-Ола китайские власти не считают своими (по данным китайских источников Родевич выводит этот факт из того, что цзянь-цзюни, объезжая границы государства доезжают только до южных склонов Тану-Ола [23, с. 107]); 8) не составлены протоколы по проведению границы, нет карт о принадлежности территорий (В.Л.Попов, В.Н. Васильев, А.Баранов) [6, 19-21, 24]; 9) в XVIII веке китайцы не считали «Урянхайский край своей территорией», и только «в прошлом столетии [XIXв.] спустя более века по разграничению, удостоверившись в ошибочности нами границы, решились включить в свои пределы» урянхайцев [6, с. 97]; 10) до Кяхтинского договора урянхи были подданными России, после него стали ничьими, что позволило Китаю в 1759г. покорить Урянхайский край (Ф.Я. Кон, Вс. Родевич, В.Н. Васильев, Г.Н. Потанин) [6, 15, 22, 24]; 11) после покорения края Китаем власть «долго относилась к нему неуверенно, не допуская туда китайцев» [23, с. 111].

Одним из сторонников принадлежности Урянхия Китаю является Г.Е. Грумм-Гржимайло, который в своей работе «Западная Монголия и Урянхайский край» последовательно опровергает притязания российских исследователей на данную территорию. Опираясь теми же постулатами, Григорий Ефимович приходит к противоположной точке зрения: расположения линии караулов – монгольских по южным хребтам Тану-Ола, русских – по северным отрогам Саян, по его мнению, объясняется, во-первых, нечеткостью понимания топографических экспедиций географических наименований приведенных в документах

по разграничению 1727г.; во-вторых, «мунгальские караулы» были расположены по югу Тану-Ола уже в XVIIIв., т.к. была необходимость разграничения сфер влияния непосредственно цинских властей и монгольских ханов [12, с. 801-809]; в-третьих, урянхи по договорам 1727г. разделялись на две части, одна из которых отходила России, другая же – Китаю [12, с. 799].

Большинство исследователей изучаемого периода не считали возможным описывать вопрос о заключении договоров без поднятия и исторического анализа развития «территориальных идентичностей», что привело к комплексности работ по границе Урянхайского края. Единственная тема, которая исследовалась самостоятельно, проблема экономического развития пограничной территории (специфика хозяйствования, освоения территорий, а так же межгосударственная торговля), что нам представляется логичным в свете того, что была необходимость объяснения причин притязаний Российского государства на территории сойотов из-за обнаружения месторождения драгоценных металлов (А.В.Адрианов, А.М. Африканов, Н.Ф. Веселков, П.Е. Островских, Г.П. Сафьянов) [1, 2, 3, 4, 10, 17, 26]. П.Е. Островский в своей работе «Значение Урянхайской земли для Южной Сибири» последовательно доказывает экономическую необходимость территории для развития Сибирского региона, оперируя историческими фактами XVII-XIX вв. [17]. Отечественные исследователи описывали и приводили данные о исконности расположения русских на данной территории (Вс. Родевич, В.Н. Васильев, В.Л. Попов, Г.П. Сафьянов), о устоявшейся системе русского хозяйствования (А.М. Африканов, В.А. Ватин, Ф.Я. Кон, В.Л. Попов, Б.К. Шишкин), о сложившейся системе торговых отношений (А.В.Адрианов, Вс.Родевич, В.Л. Попов). Вопросы же относящиеся к системе охраны границы и административного устройства и особенностям межэтнического взаимодействия на приграничном пространстве самостоятельно не поднимались и входили

в комплекс доказательной базы по теме принадлежности Урянхайского края и прохождения линии границы.

Подводя итог, можно отметить, что тема формирования российско-китайской границы в отечественной историографии XIX - начала XX вв. по проблеме Урянхайского края поднимала все пять аспектов «социального конструкта» государственной границы, но предметом отдельного изучения стали только три вопроса: делимитация и демаркация границы, экономическое развитие пограничной территории и этнические вопросы. Два же других аспекта являлись составной частью вопроса принадлежности территории. Демаркация и этнические вопросы рассматривались как обоснование собственности Урянхайского края, причем существовали две диаметрально противоположные точки зрения по данному вопросу: территория урянхов либо Китайская либо Российская. Преобладающей точкой зрения в отечественной историографии является та, по которой Урянхайский край принадлежит России, а граница отодвигается южнее, и проходит по отрогам хребта Танну-Ола. Несмотря на все изыскания исследователей XIX - начала XX вв. данная проблема так и не была решена и не привела к господству одной позиции по вопросу Урянхайского края.

References:

1. Adrianov, A.B. Russkaya trgovlya na granitsakh Kitaya [Russian trade on the borders with China] [Text], A.V. Adrianov, Vostochnoe obozrenie [Eastern Outlook]. – 1882., No. 21., pp. 24-38.
2. Adrianov, A.V. Soiots i russkaya trgovlya [Soyots and Russian trade] [Text], A.V. Adrianov, Vostochnoe obozrenie [Eastern Outlook]. – 1882., No. 21., pp. 52-65.
3. Afrikanov, A.M. Russkaya trgovlya v Uryankhaiskoi zemle [Russian trade in the lands of Uryankhay] [Text], A.M. Afrikanov, Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO [Information bulletin of the East-Siberian Department of the IRGO]. – 1890., Vol. 21., No. 5., pp. 1-33.

4. Afrikanov, A.M. Uryankhaiskaya zemlya i ee obitateli [Uryankhay lands and its inhabitants] [Text], A.M. Afrikanov, Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdela IRGO [Information bulletin of the East-Siberian Department of the IRGO]. – 1890., Vol. 21., Vol. 5., pp. 34-59.

5. Baranov, A. Uryankhaiskii vopros [Uryankhay question] [Text], A. Baranov. – Kharbin., Tip. Zamuurskogo okruzh. otd. korp. pogr. str., 1913. – 57 p.

6. Vasil'ev, V.N. Uryankhaiskii pogranichnyi vopros [Uryankhay border issue] [Text], V.N. Vasil'ev, Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya [Journal of the Ministry of Education]. – Sankt-Peterburg., Novaya seriya [New series]., 1912. – Ch. XXXVIII., pp. 55-103.

7. Vatin, V.A. Minusinskii krai v XVIII veke: Etyud po istorii Sibiri [Minusinsky region in the XVIII century: the study of the history of Siberia] [Text], V.A. Vatin. – Minusinsk: Tip. A. F. Metelkina., 1913. – 212 p.

8. Vatin, V.A. Uryankhaiskii vopros v 80-kh gg. proshlogo veka [Uryankhay question in the 1980s of the previous century] [Text], V.A. Vatin, Sibirskii student [Siberian student]. – 1915., No. 7-8., pp. 31-39.

9. Venyukov M.I. Opyt voennogo obozreniya russkikh granits v Azii [Experience of military reviewing of the Russian borders in Asia] [Text], M.I. Venyukov. – Sankt-Peterburg., 1873. – 436 p.

10. Veselkov, N.F. Zarozhdenie nashei trgovli s zapadnoi storonoj Kitaya so storony Minusinskogo okruga Eniseiskoi gubernii [The emergence of our trade with the western part of China from the side of the Minusinsk district of Yenisei province], N.V. Veselkov, Dolinskii V. O sredstvakh k ustraneniyu ekonomicheskikh i finansovykh zatrudnenii v Rossii [On means of elimination of the economic and financial difficulties in Russia]. – Sankt-Peterburg., 1871., pp. 112-189.

11. Grumm-Grzhimailo, G. E. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai [Western Mongolia and the Uryankhai territory] [Text], Comp.: in 3 vol., G.E. Grumm-Grzhimailo. – Leningrad., 1926., Vol. 2. Istoricheskii ocherk etikh stran v svyazi s istoriei

Srednei Azii [Historical sketch of these countries in connection with the history of Central Asia]. - 544 p.

12. Grumm-Grzhimailo, G.E. Zapadnaya Mongoliya i Uryankhaiskii krai [Western Mongolia and the Uryankhai territory], Comp.: in 3 vol., G.E. Grumm-Grzhimailo. - Leningrad., 1926., Vol. 3. Issue. 2. Antropologicheskii i etnograficheskii ocherk etikh stran. Torgovaya i kolonizatorskaya v nikh deyatel'nost' kitaiskikh i russkikh [Anthropological and ethnographic study of these countries. Trade and colonization activities of Chinese and Russian people in these countries]. - Leningrad., 1930. - 859 p.

13. K peresmotru Russko-Kitaiskoi gosudarstvennoi granitsy v Uryankhaiskom krae [The revision of the Russian-Chinese border in the province of Uryankhay] [Text], Vestnik Azii [Bulletin of Asia]. - Kharbin, 1910., No. 5., pp. 42-53.

14. Kon, F. Ya. Predvaritel'nyi otchet po ekspeditsii v Uryankhaiskuyu zemle [Preliminary report on the expedition to the Uryankhay lands] [Text], F. Ya. Kon, Izvestiya Vostochno-Sibirskogo otdeleniya RGO [Information bulletin of the East-Siberian Department of the RGS]. - 1903., Vol. 34., Issue. 1., pp. 19-69.

15. Kon, F. Ya. Usinskii krai [Usinsky krai] [Text], F. Ya. Kon. - Krasnoyarsk, 1914. - 243 p.

16. Matusovskii, Z. Geograficheskoe obozrenie Kitaiskoi imperii s kartoyu na chetyrekh listakh [Geographical review of the Chinese Empire with the map on four sheets], Z. Matusovskii. - Sankt-Peterburg., Tipografiya imperatorskoi AN [Typography of Imperial Academy of Sciences]. - 1888. - 358 p. + suppl. 87 p.

17. Ostrovskikh, P. E. Znachenie Uryankhaiskoi zemli dlya Yuzhnoi Sibiri [Significance of the Uryankhay krai for South Siberia], P.E Ostrovskikh, Izvestiya IRGO [Informational bulletin of the IRGO]. - 1899., Vol. XXXV., Issue. 3., pp. 321-353.

18. Pozdneev A.M. Mongoliya i mongoly [Mongolia and the Mongols], Comp.: in 3 vol., A.M. Pozdneev. - Sankt-Peterburg., 1896., Vol. I., 321 p. - Sankt-Peterburg., 1897., Vol. 2., 286 p. - Sankt-Peterburg., 1898., T.Z., 314 p.

19. Popov V.L. Vtoroe puteshestvie

v Mongoliyu 1910 goda [Second trip to Mongolia in 1910], Comp.: in 2 p., V.L. Popov. - Omsk, 1909., Ch. II. Issledovanie granitsy na uchastke Kyakhta - Altai (Uryankhaiskii vopros) [Investigation of the border in the area Kyakhta - Altai (Uryankhai question)], pp. 56-60

20. Popov, V.L. Cherez Sayany i Mongoliyu [Through the Sayan Mountains and Mongolia], Comp.: in 2 ch., V.L. Popov. - Omsk., 1905., Ch.2. - 284 p.

21. Popov, V.L. Uryankhaiskii krai [Uryankhai territory] [Text], V.L. Popov. - Sankt-Peterburg., 1910. - 218 p., p. 7

22. Potanin, G.N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya [Essays about the North-Western Mongolia. Results of travels], G.N. Potanin. - Sankt-Peterburg., Tip. Bezobrazova i K., 1883., Issue. 1-4. - 425 p.

23. Rodevich, Vs. Ocherk Uryankhaiskogo kraya (Mongol'skogo basseina reki Eniseya) [Essay about the Uryankhay krai (Mongolian Yenisei River Basin)], Vs. Rodevich. - Sankt-Peterburg., 1910., 203 p. + map.

24. Rodevich, Vs. Uryankhaiskii krai i ego obitateli [Uryankhai territory and its inhabitants], Vs. Rodevich. - Sankt-Peterburg., 1912., 60 p.

25. Saf'yanov, G.P. Obzor pogrannichnoi linii Rossii s Kitaem ot oz. Kosogola na zapad do Shabin-dabaga [Overview of the borderline between Russia and China from the Kosogol lake to the Shabin-Dabaga], G.P. Saf'yanov. - Sankt-Peterburg., 1903. - 145 p.

26. Saf'yanov, G.P. Torgovlya Minusinska s soirotami [Trade between Minusinsk and Soyots], G.P. Saf'yanov, Izvestiya VSOIRGO [Informational bulletin of the VSOIRGO]. - 1880., Vol. XI., No. 3-4., pp. 42-82.

27. Shishkin, B.K. Ocherki Uryankhaiskogo kraya [Essays about the Uryankhay region], B.K. Shishkin. - Tomsk., 1914. - 327 p.

Литература:

1. Адрианов, А.В. Русская торговля на границах Китая [Текст] / А.В. Адрианов // Восточное обозрение. - 1882. - №21. - С. 24-38.

2. Адрианов, А.В. Сойоты и

русская торговля [Текст] / А.В. Адрианов // Восточное обозрение. - 1882. - № 21. - С. 52-65.

3. Африканов, А.М. Русская торговля в Урянхайской земле [Текст] / А.М. Африканов // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. - 1890. - Т. 21. - № 5. - С. 1-33.

4. Африканов, А.М. Урянхайская земля и её обитатели [Текст] / А.М. Африканов // Известия Восточно-Сибирского отдела ИРГО. - 1890. - Т. 21. - № 5. - С. 34-59.

5. Баранов, А. Урянхайский вопрос [Текст] / А. Баранов. - Харбин: Тип. Заамурского окруж. отд. корп. погр. стр. - 1913. - 57 с.

6. Васильев, В. Н. Урянхайский пограничный вопрос [Текст] / В. Н. Васильев // Журнал министерства народного просвещения. СПб.: Новая серия - 1912. - Ч. XXXVIII. - С. 55-103.

7. Ватин, В. А. Минусинский край в XVIII веке: Этюд по истории Сибири [Текст] / В. А. Ватин. - Минусинск: Тип. А. Ф. Метелкина. - 1913. - 212 с.

8. Ватин, В.А. Урянхайский вопрос в 80-х гг. прошлого века [Текст] / В.А. Ватин // Сибирский студент. - 1915. - № 7-8. - С. 31-39.

9. Венюков М.И. Опыт военного обозрения русских границ в Азии [Текст] / М.И. Венюков. - СПб., 1873. - 436с.

10. Веселков, Н.Ф. Зарождение нашей торговли с западной стороной Китая со стороны Минусинского округа Енисейской губернии [Текст] / Н.В. Веселков // Долинский В. О средствах к устранению экономических и финансовых затруднений в России. - СПб., 1871. - С. 112-189.

11. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край [Текст] // Соч.: в 3 т. / Г.Е. Грумм-Гржилайло. - Л., 1926. - Т. 2. Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. - 544 с.

12. Грумм-Гржимайло, Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край [Текст] // Соч.: в 3 т. / Г.Е. Грумм-Гржилайло. - Л., 1926. - Т. 3. Вып. 2. Антропологический и этнографический очерк этих стран. Торговая и

колонизаторская в них деятельность китайских и русских. – Л., 1930. – 859 с.

13. К пересмотру Русско-Китайской государственной границы в Урянхайском крае [Текст] // Вестник Азии. – Харбин, 1910. – №5. – С. 42-53.

14. Кон, Ф. Я. Предварительный отчет по экспедиции в Урянхайскую землю [Текст] / Ф.Я. Кон // Известия Вост.-Сиб. отд. РГО. – 1903. – Т. 34. – Вып. 1. – С. 19-69.

15. Кон, Ф.Я. Усинский край [Текст] / Ф.Я. Кон. – Красноярск, 1914. – 243с.

16. Матусовский, З. Географическое обозрение Китайской империи с картою на четырех листах [Текст] / З. Матусовский. – СПб.: Типография императорской АН. – 1888. – 358с.+прил. 87с.

17. Островских, П. Е. Значение Урянхайской земли для Южной Сибири [Текст] / П. Е Островских // Изве-

стия ИРГО. – 1899. – Т. XXXV. – Вып. 3. – С. 321-353.

18. Позднеев А.М. Монголия и монголы. [Текст] // Соч.: в 3т. / А.М. Позднеев. – СПб., 1896. – Т.1. – 321с. – СПб, 1897. – Т.2. – 286с. – СПб, 1898. – Т.3. – 314с.

19. Попов В.Л. Второе путешествие в Монголию 1910 года. [Текст] // Соч.: в 2 ч. / В.Л. Попов. – Омск, 1909. – Ч. II. Исследование границы на участке Кяхта – Алтай (Урянхайский вопрос). – С. 56-60

20. Попов, В.Л. Через Саяны и Монголию [Текст] // Соч.: в 2 ч. / В.Л. Попов. – Омск, 1905. – Ч.2. – 284с.

21. Попов, В.Л. Урянхайский край [Текст] / В.Л. Попов. – СПб., 1910. – 218с. – С. 7

22. Потанин, Г.Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия [Текст] / Г.Н. Потанин. – СПб.: Тип. Безобразова и К., 1883. – Вып. 1-4. – 425 с.

23. Родевич, Вс. Очерк Урянхай-

ского края (Монгольского бассейна реки Енисея) [Текст] / Вс. Родевич. – СПб, 1910. – 203с. +карта.

24. Родевич, Вс. Урянхайский край и его обитатели [Текст] / Вс. Родевич. – СПб., 1912. – 60с

25. Сафьянов, Г.П. Обзор пограничной линии России с Китаем от оз. Косогола на запад до Шабин-дабага [Текст] / Г.П. Сафьянов. – СПб, 1903. – 145с.

26. Сафьянов, Г.П. Торговля Минусинска с сойотами [Текст] / Г.П. Сафьянов // Известия ВСОИРГО. – 1880. – Т. XI. – № 3-4. – С. 42-82.

27. Шишкин, Б.К. Очерки Урянхайского края [Текст] / Б.К. Шишкин. –Томск, 1914. – 327с.

Information about author:

Aleksandra Zaharova - Senior Lecturer, Novosibirsk State Technical University; address: Russia, Novosibirsk city; e-mail: sah31zah@mail.ru

International multilingual social network
for scientists and intellectuals.

International intellectual portal «PlatoNick» is a multilingual, open resource intended to facilitate the organization of multifaceted communication of scientists and intellectuals, promulgate their authoritative expert conclusions and consultations. «Platonick» ensures familiarization of wide international public with works of representatives of scientific and pedagogic community. An innovation news line will also be presented on the «Platonick» portal.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;

Demonstration and recognition of creative potential;

Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

PERSONIFICATION OF DEATH IN THE MODERN CHRISTIANITY

S. Seletsky, PhD
Christian humanitarian and economic open University,
Ukraine

The article is connected with philosophical-theological questions, related to personification of death in modern Christianity, in particular, matters like cultural and historical pre-conditions, interpretations of some Christian theologians-mystics, influence of heathen dualistic myths, and also problems, related to the violation of principles of biblical hermeneutics, revival of practical divinity and development of biblical thanatology.

Keywords: Christianity, personification, death, myth, dualism, biblical hermeneutics, practical divinity, biblical thanatology.

Conference participant

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ СМЕРТИ В СОВРЕМЕННОМ ХРИСТИАНСТВЕ

Селецкий С.Г., докторант
Христианский гуманитарно-экономический открытый
университет, Украина

В статье рассматриваются философско-богословские вопросы, связанные с персонификацией смерти в современном христианстве, в частности, такие как культурно-исторические предпосылки, толкования некоторых христианских теологов-мистиков, влияние языческих дуалистических мифов, а также проблемы, связанные с нарушением принципов библейской герменевтики, возрождением практического богословия и развитием библейской танатологии.

Ключевые слова: христианство, персонификация, смерть, миф, дуализм, библейская герменевтика, практическое богословие, библейская танатология.

Участник конференции

Смерть – личность? Станный вопрос! Скажем мы, недоумевая. Но всё же, насколько ответ на него актуален для современного христианского мира? Будет безрассудно заявлять, что все христиане видят корень проблемы, кроющийся в толковании, «смерть – личность!». И даже те, кто постоянно подчиняет себя авторитету Священного Писания, не всегда понимают важность рассматриваемого нами вопроса. В современном его осмыслении выявились радикально противоположные взгляды, существенно формирующие практическое служение современной христианской церкви. Несомненно, вопрос феномена смерти является междисциплинарным в богословии, но вопрос личности смерти просто завис между антропологией, ангелологией, демонологией и эсхатологией, хотя в сущности своей, является предметом исследования библейской танатологии.

Правда, есть те, кто считает, что вопрос о том, является ли смерть личностью или нет, совершенно точно можно отнести к второстепенным [1]. Другие же наоборот утверждают, что «религия, которая не даёт исчерпывающего ответа о смерти, не может восполнить самые глубокие нужды человечества» [13].

Как мы видим, актуальность вопроса исследования трудно недооценить. Всё выше сказанное позволяет прояснить основной смысл исследования, которое идёт путём предметного самоопределения библейской танатологии, как новой дисциплины в си-

стематическом богословии и пытается дать ответы на вопросы: «Является ли смерть личностью?» и «В чем природа этого толкования?».

Рассмотрим смерть в культурно-исторической ретроспективе. Ведь неясная природа феномена смерти всегда открывала невероятно широкий простор для индивидуального и коллективного воображения о её сущности.

Один из первых, известный европейскому читателю вариант, выглядит так: «Черная длинная накидка с капюшоном, дающим возможность увидеть только часть лица. Лицо восковое, без эмоций, без признаков жизни. Оно не похоже на женское и не похоже на мужское. По фигуре не ясно, кто это мужчина или женщина, т. к. плечи средние и изгибов тела не видны». Известен и второй подобный вариант: «Серая накидка ... в руках она держит свечу» [18].

В этой связи, давайте более конкретно рассмотрим некоторые из исторически сложившихся культурных образов.

Женским олицетворением Смерти во многих традициях является хтоническая (от греч. – «хтон»: «земля, почва») богиня — хозяйка преисподней и ее демонов, болезней, тьмы и т. п. У скандинавов – Хель. В шумеро-аккадской культуре – Эрешкигал. У ацтеков – богиня земли и Смерти Коатликуэ. У китайцев – Сиванма, богиня Смерти и мрака. В кетской культуре – Хоседзм, «нижняя мать», пожирающая души людей.

В вемальской культуре – Мулуа Сатене, повелительница мертвых [16]. В древнеиндийской философии – богиня-Мрити. В славянской культуре – Смерть в виде костлявой и безобразной старухи с косой [18].

Мужское олицетворение Смерти наделялось в основном способностью лишить человека жизни. В самодийской культуре – Тодоте. В ацтекской культуре – Миктланте-кутли. В марийской культуре – Киямат. В западно-семитской культуре – Шуту. В мусульманской мифологии – Израил. В полинезийской культуре – Фиро [16]. В древнеегипетской культуре: смерть олицетворял Осирис (бог умирающей и воскрешающей природы, покровитель и судья мертвых). В древнегреческой культуре: смерть олицетворял бог Танатос, сын богини первозданного хаоса Никты [18]. В ирландской культуре – Анку. Скульптурные изображения Анку в церквях представляют этого персонажа скелетом, вооруженным метательным оружием или косой (хотелось бы отметить ту особенность, что коса Анку заточена снаружи, по-видимому, из-за представления о том, что Анку скашивая, отталкивает людей из мира живых. У славянской же старухи коса заточена изнутри, согласно представления, что она забирает мертвецов к себе. – *прим. - автора*). Такой атрибут, например, как коса, пришел явно из церковной символики. На самых древних изображениях Анку держит в руке стрелу (копье, дубину), которой поражает живых [11].

Исследуя этот вопрос, ни как нельзя обойтись без рассмотрения культуры израильского народа, «ибо спасение от Иудеев» (Иоан.4:22). Вот в еврейской устной традиции, а особенно в каббалистической литературе и народных легендах, ангел Самаэль нередко отождествляется со «змеем, искушавшим Еву, а также с Ангелом смерти (malakh ha-mavet), задача которого - прервать человеческую жизнь. Его изображали усеянного всевидящими очами, так что увидевший его человек от изумления открывал рот, куда и капал яд с меча Самаэля. В некоторых легендах мудрецы дурачат Самаэля и даже захватывают его в плен, и только приказание Яхве заставляет их отпустить его, так как люди должны подчиняться уделу смертных. В грядущем мире (olam ha-ba) Ангел смерти будет убит Яхве [12].

Западная же культура, по-видимому, представляет эклектизм древних, философских и церковных образов. Смерть представляется: «старухой с косою», «неумолимым пожирателем», «ужасным всадником» (этот образ пришёл из апокалипсиса (Откр.6:8). — *прем. - автора*), «бессмысленной машиной», «неумолимым мстителем», «наглым обманщиком», «пылким возлюбленным», «сладкой утешительницей», «великим уравниателем» [6].

Итак, безусловно, видно, что Смерти в разных культурах определяют, как разный пол, так и разные символические функции, в основе которых можно увидеть как языческий дуализм, так и еврейский монотеизм.

Между тем, что говорят о смерти известные теологи? Весьма известный богослов XX века, Дерек Принс, приводил такое мнение-толкование: «Прежде всего, смерть - это не просто физическое *состояние*. Это не просто *отделение* души от тела. И **Смерть и Ад являются злыми ангелами**, представителями сатаны, управляющими в царстве тьмы» [13].

Пастор Антон Абрамов, выражая схожую точку зрения, пишет: **«Я уверен, что смерть является личностью, и я черпаю свою уверенность исключительно из текстов Священного Писания. На мой взгляд, смерть обладает всеми**

свойствами, присущими личности: она имеет разум, чувства и волю» [1].

Но вот, Иеромонах Иов (Гумеров), отвечая на вопрос: «Является ли смерть личностью?», опираясь на свою экзегезу - «И смерть и ад повержены в озеро огненное. Это смерть вторая» (Откр.20:14,15), пишет: **«В данном месте слова смерть и ад употребляются в образно-метафорическом значении»** [7].

Преподобный Грилот Пиерре, выражая экзегетическую и лингвистическую точки зрения по обсуждаемому вопросу, писал: **«Как бы инстинктивно он [человек] дает ей [смерти] облик и олицетворяет ее. ... Но эта поставщица ненасытимой преисподней (см: Притч 27.20) все же скорее имеет облик какой-то силы подземного мира»** [5].

Пастор Валерий Бабынин, пишет: «Согласно Библии, саму смерть можно определить как разрушительный процесс отлучения от Бога. Смерть является процессом, потому что Бог определил ее таковой в наказание за первородный грех Адама и Евы». И далее, пастор, пытаясь дополнить свои выводы о природе смерти, пишет: **«Не зря в Библии смерть представлена как дубина в руках сатаны»** [2].

Думается, что именно здесь возникает закономерный и важный вопрос. Где же те первоисточники, повлиявшие на некоторые христианские толкования - «смерть – личность»?

Одним из древнейших, является восточный онтологический дуализм, а именно учение зороастризма о смерти, как о рождённом демоне, т.е. личности. Весьма известен, датируемый ещё началом первого тысячелетия до нашей эры, древнеиранский космогонический сюжет о противостоянии благого бога Ахура Мазды и духа зла **Ангхро Майнью, прародителя смерти** [10]. В качестве равного сотворца, но уже со знаком минус, Ангхро Майнью принимает участие в процессе творения, где для разрушения благих творений, он создает свои. Одним из таких созданий Духа Тьмы и является **смерть, персонифицированная Асто Видоту, дэвом смерти**, осквернения и тления [9]. Есть мнение, что эти представления глубоко повлияли не только на самих персов, но были усвоены иудеями в

период после вавилонского плена [4], а впоследствии (столетия спустя) - и христианством [10].

Другим известнейшим источником, были древнегреческая мифология и философия, выраженные в литературе. Что повлияло на представление о смерти как о личности в иудеохристианстве, изображая Танатоса как бога смерти. Подтверждение этому мы находим в сочинении Платона «Пир», где **Танатос, Бог Смерти** - постоянный соучастник его диалогов, а безжизненно идеальное государство; тема пещеры реального мира, населено скорее жителями призрачного Царства Смерти [17]. В древнегреческой мифологии **Гадесом именовался бог подземного царства, а не само это царство**. Харон переправлял души умерших через реки Стикс или Ахерон в место своего обиталища, где сторожевые псы-церберы охраняли врата, не выпуская никого обратно. Этот языческий миф содержал все компоненты средневековой эсхатологии [20].

Самая ранняя персонификация образа смерти встречается в Илиаде XVI 667-675, где Зевс приказывает Аполлону забрать мёртвое тело Сарпедона с поля боя и передать его в руки «братьев-близнецов Гипноса и Танатоса»... **Танатос считался безжалостным божеством**, в Греции не было его культа. Но нужно подчеркнуть, что в отдельных образованных кругах смерть не рассматривалась как бог или демон, но как естественный процесс [21].

Есть все основания предполагать, что впоследствии, всё перечисленное оказало сильнейшее воздействие на богословское понимание сущности смерти, как первого века, так и нашего времени [9]. Как известно, лишь весьма немногие мифы объясняют смерть как следствие греха. Несколько более распространенными являются мифы, в которых смерть рассматривается как акт жестокого произвола некоего демонического существа [19].

Но только Библия, «дает человечеству простые, а главное, ясные ответы на большинство подобных вопросов. Только Господь, стоящий абсолютно над всем — над временем и пространством, жизнью и смертью, — имеет полноту знания обо всех этих явлениях» [1].

И, наконец, взяв себе в спутники

здравую библейскую экзегетику, просто необходимо обратиться по интересующему нас вопросу, — «на что похожа смерть?» — непосредственно к Священному Писанию. Проведя лексико-синтаксический анализ ключевых слов «смерть» и «умирать», можно обнаружить следующее.

Смерть — на иврите «Маве», в Септуагинте (собрании переводов Ветхого Завета на древнегреческий язык, выполненных в III—II веках до н. э. в Александрии. — LXX) переведено как «танатос» — (Существ., Им.падеж, Муж. род). С греческого «танатос», переводится как: смерть; умерщвление, убийство; мертвец, труп.

Слово «смерть» и его производные, употребляется в русском Синодальном переводе Библии — 387 раз. Из них, как духовное или физическое безжизненное (состояние) — 116 раз. Высказывания, как о (личности) в 1-м лице — 21 раз. Место, полномочия, власть — 19 раз и т.д.

Умирать — на иврите «ламут», в LXX переведено как «апэфанен» — (Глагол, Аорист, Действ. залог, Изъяв. наклонение). С греческого «апэфанен», переводится как: умирать, погибать.

Слово «умер» и его производные, употребляется в русском Синодальном переводе Библии — 635 раз. Из них, как (процесс) приводящий к духовному или физическому безжизненному состоянию — 218 раз. Символ жизненного выбора, (моральный выбор) — 67 раз. Умерщвление как наказание — 63 раза и т.д.

Отсюда следует, что слово «смерть» в отношении к телу или духу, как существительное, в Библии наибольшее количество раз, употребляется, как *определённое состояние* — «**полного отделения, отчуждения**». Настоящее слово употребляется как антоним — жизни.

Слово «умер, умирание...» и все его формы, в отношении к телу или духу, как глагол, в Библии наибольшее количество раз, употребляется, как *действие* или *процесс* — «**отделения, отчуждения**». Настоящие слова употребляются как, антонимы — рождению.

Литературный же анализ показал, что «смерть» в Священном Писании подразделяется на *духовную* (Быт. 3:6;

Ефес. 4:17-18), *душевную* (морально-нравственную) (Рим. 3:10-18; Ефес. 2:3; Кол. 2:13), *физическую* (Иакова 2:26) и на «вторую» или *вечную* (2 Фес. 1:9; Рим. 6:16). Всё это выражено буквально, метафорически, символически и описывается как *явление* — *состояние* или *процесс*, постоянной и неизменной природы глобального масштаба, начиная от Бытия и до настоящего времени (Пс. 89:4; Еккл. 3:19-10; Ис. 40:6-8; Рим. 5:12; 1Кор. 15:22).

Общий же экзегетический анализ мест Писания (Ветхого и Нового Заветов), несомненно, привёл к вполне определённым выводам. Во-первых, о смерти как о «личности» говорится в поэзии, апокалипсисе и пророчествах, а так же в прозе как цитаты из уже перечисленных жанров. В высказываниях есть явный отпечаток древнееврейских представлений о смерти, которые и были выражены поэзией, т.е. поэтическими *олицетворениями, метафорами и апострофой*, как элемент преобладающего образа смерти того времени. В данном случае говорится о качествах настоящего *явления*, или *места обитания умерших*, но, ни как о *личности*. К тому же, в трактовке образа «смерти», из этимологии некоторых еврейских и греческих слов (Откр.9:11) видно *влияние мифа как «мифологемы»* (это использование символично-образного языка для выражения сверхчувствительной реальности; сам термин предложен автором «Демифологизации» — Р.К. Бультманом).

Во-вторых, о смерти как о *явлении* говорится в поэзии (мудрость), апокалипсисе и пророчествах, а так же в прозе (посланиях Нового Завета). В высказываниях есть конкретные утверждения, пророческие предсказания о грядущих событиях, или констатация факта неизбежности смерти как *состояния*. **В настоящем случае, высказывания можно понимать буквально, как качества настоящего явления или состояния.**

В-третьих, о смерти как о (конкретном) месте говорится в поэзии, апокалипсисе, а в прозе нет. В высказываниях есть *аллегории и метафоры*: «ключи», «ворота», «внутренние жилища» и описание конкретного места и ужасов которые испытывают его обитатели. Высказывания о (конкретном) месте можно по-

нимать аллегорически, как описание места, где реально действует смерть как *явление или состояние*.

Для подтверждения настоящих выводов, просто необходимо выслушать мнения известных экзегетов. Лиланд Райкен, говоря о логике сравнения и метафорах, писал: «Если псалмопевец сравнивает страх смерти на поле битвы с «цепями ада» и водами потопа (Пс. 17:5-6), читателю следует искать, какая логика стоит за этим поэтическим образом». «На художественную природу [Новозаветных] посланий указывает также обилие в них поэтических тропов и фигур речи. ... Речь идёт, прежде всего, о риторических вопросах ..., а также апострофах («Смерть! Где твоё жало?»)). «Апострофой называется оборот в поэтической речи, состоящий в обращении к ... явлению как к присутствующему и способному услышать. ... Апострофа зачастую сочетается с олицетворением — художественным приемом, состоящим в наделении неодушевленных предметов и явлений чертами и свойствами живого существа (человека), способного действовать и откликаться на обращенные к нему слова. В библейской поэзии олицетворяется практически все» [14].

В чём же именно заключалась экзегетическая ошибка приверженцев мнения: смерть — личность? Том Райт, подчеркивал, тот факт, что «как только мы пытаемся отставить наши идеи ссылками на фрагменты, в которых присутствует это понятие, мы не только замыкаемся в собственном непонимании текста, но и закрываем всякую возможность когда-либо его понять» [15].

Так же, Дэниел Дориани в дополнение, писал: «Если мы заранее решили, какой смысл должен быть у прочитанного из Писания отрывка, и даем своим предубеждениям одержать верх над собственными же наблюдениями, как мы тогда сможем узнать, что значит отрывок *на самом деле*? ... В конце концов, если мы запретим Библии говорить самой за себя, наша богословская система станет традицией, авторитет которой превзойдет авторитет самой Библии» [8].

Всё выше сказанное даёт все основания предполагать, что завуалированная как в древнееврейских преданиях, так и в христианских бого-

словских толкованиях, идея «Смерть – личность», имеет языческие дуалистические мифические корни и является *демоническим* обманом.

Богословы-мистики утверждающие, что смерть – личность, пришли к этому выводу, под влиянием языческих мифов и основываясь исключительно, на свою «неподкреплённую» Библией духовную практику. Следствием чего стало, прослеживающееся, общее для таких богословов, явное пренебрежение герменевтическими принципами толкования Св. Писаний.

Вполне вероятно, что мы воспринимаем прочитанное в Библии в свете того, что уже узнали из разнообразных небиблейских источников. ... Нельзя считать наши верования абсолютно истинными только потому, что они освящены традицией. Наше право и наш долг — испытывать наши убеждения и по необходимости реформировать их в свете Библии [3].

Итак, толкование, что смерть – личность, не является библейским обоснованным и не может быть проповеданным в церкви.

Смерть, безусловно, является патологией глобального масштаба и может рассматриваться христианским богословием только как **объект: явление-состояние или процесс отделения**, которым так или иначе можно **управлять**¹ или как **атрибут власти**² но, ни в коем случае, как *личность – субъект*.

Ведь неспроста Библия повествует, о том, что после страданий, смерти и воскресения Иисус Христос, торжественно провозгласил: «Дана Мне всякая власть на небе и на земле» (Матф.28:18) и далее «Я ... имею ключи ада и смерти» (Откр.1:17,18).

От начала грехопадения и до наших дней информация о том, что смерть управляемое *явление*, всеми силами скрывалась сатаной под видом разного рода масок. Одной из таких масок есть рассмотренное нами «богословское» толкование – «смерть – личность». Мистический опыт встреч, с демоническими существами сформированный подобными дуалистическими воззрениями вызывает у человека

жуткий страх, что он беспомощен и окончательно обречён, пострадать от произвола некоего демонического существа, личности-смерти.

Основная проблема в том, что подобный экзистенциальный страх смерти, как основа всех существующих страхов, заставляет людей избегать размышлений о смерти и жить сегодняшним днём, забывая о духовном возрождении и спасении через Иисуса Христа. В настоящий момент развиваются: философская, психологическая и медицинская танатология. Учёный же богословский мир не занимается серьёзным исследованием и осмыслением причин возникновения и борьбы с этим «страшным» явлением, считая это прерогативой демонологии, мистики или мифологии, что и видно по целому спектру разнообразных отношений к смерти и отсутствием преподавания в богословских учебных заведениях Украины, такого предмета как, библейская танатология.

Хотелось бы заметить, что современное развитие библейской танатологии, сможет существенно укрепить доктринальную основу церкви и поменять ориентиры отечественного богословия с теоретического знания, на практическое служение (1Кор.12:28; Матф.10:1). Задать «новые траектории» движения духовно-молитвенного христианского служения в вопросе *воскрешения мёртвых* (Матф.10:8). Хотя в этом нет ничего нового. Всё это было некогда утеряно современной церковью из-за непонимания, «ложной» этики и страха неудачи. И является самым, что ни на есть, возвращением к служению первоапостольской церкви Иисуса Христа. Ибо Он сказал, что верующий в Меня: «дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит» (Иоанн.14:12).

References:

1. Abramov A. I. «Vremya umirat» [“Time to die”], Publisher «Shandal», 2001, pp.4, 15, 16
2. Babynin Valerii. Pobedonosnoe shestvie ili poslednii bastion [Victorious

march or the last bastion]. - Odessa, Publ. «Tyul'pan», 2006., P. 28, 40, 43-44

3. Bakkioki, S. Bessmertie ili voskresenie [Immortality or Resurrection]., Translated from English., Zaokskii: Istochnik zhizni [Zaoksky: The source of life], 2004., p.113

4. Bois M. “Zoroastrii. Verovaniya i obychai” [“Zoroastrians. Beliefs and practices.”]. Translated from English and notes by I.M. Steblin-Kamenskiy. Poslesl. E.A. Grantovskogo. - Moskva., The main edition of Eastern Literature of Publishing House “Nauka”, 1988, p. 38.

5. Grilot Pierre. Smert', Slovar' bibleiskogo bogosloviya [Dictionary of Biblical Theology]. ed.by - Zhan Villebrandsa. Publ. Paris. 1972., p. 57.

6. Grof S., Khelifaks Dzh. Chelovek pered litsom smerti [The man in front of death]., Translated from English A.I. Neklessa – Moscow., Publisher of Transpersonal Institute, 1996., p. 9

7. Gumerov Iov. Verno li, chto smert' — lichnost'? [Is it true that death is a person?], Pravoslavie.Ru, Internet-journal, - 9 may 2006 [Electron. resource], URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/6822.htm> (data obrashcheniya: 06.07.2009).

8. Doriani Deniel M. Postigaya smysl Pisaniya [Understanding the sense of Scripture]. Translated from English – Cherkassy., Kollokvium, 2006., p. 14

9. Zoroastriiskie teksty. Suzhdeniya Dukha razuma (Dadestani menogi khrad). Sotvorenie osnovy (Bundakhishn) i drugie teksty [Zoroastrian texts. Judgments of the mind spirit (Dadestani menog hrad). Creation of the basis (Bundakhishn) and other texts]. Ed. by O.M. Chunakovoi. - Moskva., “Vostochnaya literatura” RAS, 1997., pp. 271, 272.

10. Kempbell D. Geroi s tysyach'yulitsami [Hero with a thousand faces]. - Kiev.: “Sofiya Ltd.”, 1997., p. 328.

11. Muradova, Anna. Anku: oboznachenie smerti i ee olitsetvoreniya v yazyke bretonskogo fol'klora [Anku: determination of death and its impersonation in the Breton language folklore], Prilozhenie k knige Banshiyu Fol'klor i mifologiya Irlandii [Enclosure to the book: Banshee, folklore and mythology of Ireland], OGI. – Moskva., 2007., pp.

1 (Быт. 5:24; 4Цар. 2:11; 4Цар.20:6; 3Цар. 17:17-24; 4Цар. 4:31-37; 4Цар. 13:21; Мф. 9:18-26; Лк. 7:11-17; Ин. 11:17-45; Матф.10:8; Деян.9:40; Деян. 20:9-10; Евр.11:35).
2 (Исх 12.23; 2 Цар 24.16; 4 Цар 19.35).

1-3: [Electron. Resource], URL: <http://animasabitti.livejournal.com/12690.html> (accessed: 09.09.2009).

12. Nosenko E.E. Predstavleniya evreev o demonakh, zlykh dukhakh i prochei nechistoi sile [Ideas of Jews about of demons, evil spirits and other evil forces], Vostochnaya demonologiya: Ot narodnykh verovaniy k literature [Eastern demonology: From folk beliefs to literature].- Moskva., "Nasledie", 1998., pp. 250-257

13. Prins Derek. «Vstrechaya smert'» ["Meeting the death"], Publisher «Derek Prins ministris», 2006., pp.77, 79

14. Raiken Liland. Bibliya kak pamyatnik khudozhestvennoi literatury [The Bible as a monument of literature]. Translated from English. – A.T imchenko, Publ.: Tsentr prosvetitel'skikh programm MAKSh [Center of educational programs MAHSH], - Sankt-Peterburg., 2002., pp.111, 114, 120-121, 193-194

15. Rait N.T. Chto na samom dele skazal apostol Pavel [What St. Paul actually said]. Translated from English. S. Panich., Publ. BBI sv.ap. Andrey, 2004., Pp.42

16. Smert'. Osnovnye mifologicheskie motivy i terminy. Mifologicheskii slovar' [Death. Basic terms and mythological motifs. Mythological dictionary]., p. 1.; [Electron. resource], URL: <http://bibliotekar.ru/mif/190.htm> (accessed: 08.08.2009).

17. Sokolov B.G. Souchastnik pira [Member of the feast]. Kommentarii (commortarium) "Pira" Platona, Figury Tanatosa: Iskusstvo umiraniya [Thanatos figure: The Art of Dying]: Coll. articles, ed. by A.V. Demicheva, M.S. Uvarova. - Sankt-Peterburg., "Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta", 1998., p. 135.

18. Chto takoe smert'? [What is death?], Rubrika: Chelovek po Alliga [Section: Man by Alliga] Ter., p. 2.; [Electron. resource], URL: <http://alligator.myl.ru/index/0-40> (data obrashcheniya: 08.08.2009).

19. Eliade M. Okkul'tizm, koldovstvo i mody v kul'ture [Occultism, witchcraft and fashion in culture]. Ch. III. Mifologii smerti: vvedenie. Mify o proiskhozhdenii smerti [Mythology of death: an introduction. Myths about the origin of death]., p. 1: site, URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/EI_Kyl/11.php (accessed: 08.12.2011).

20. Edward William Fudge, The

Fire That Consumes. A Biblical and Historical Study of the Final Punishment (Houston, 1989), p. 205.

21. P.W. van der Horst, Dictionary of Deities and Demons in the Bible, Wm. B. Eerdmans Publ., 1999, pp. 854-856

Литература:

1. Абрамов А. И. «Время умирать», Издательство «Шандал», 2001— С.4, 15, 16

2. Бабынин Валерий. Победоносное шествие или последний бастион. Изд.: «Тюльпан».Одесса, 2006. – С.28, 40, 43-44

3. Баккиоки, С. Бессмертие или воскресение: Пер. с англ. – Заокский: Источник жизни, 2004. – С.113

4. Бойс М. "Зороастрийцы. Верования и обычаи". Перевод с английского и примечания И.М. Стеблин-Каменского. Послел. Э.А. Грантовского. М., Главная редакция восточной литературы издательства "Наука", 1988, - С. 38

5. Грилот Пьерре. Смерть // Словарь библейского богословия. Под ред. - Жан Виллебрандса. Изд.: Paris. 1972. – С.57

6. Гроф С., Хэлифакс Дж. Человек перед лицом смерти. - Пер. с англ. А. И. Неклесса - М.: Изд-во Трансперсонального Института, 1996. – С.9

7. Гумеров Иов. Верно ли, что смерть — личность? // Православие. Ru / Интернет-журнал, - 9 мая 2006 г.: [Электрон. ресурс], URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/6822.htm> (дата обращения: 06.07.2009).

8. Дориани Дэниел М. Постигая смысл Писания. Пер. с англ. – Черкасы: Коллоквиум, 2006. - С.14

9. Зороастрийские тексты. Суждения Духа разума (Дадестан меноги храд). Сотворение основы (Бундахишн) и другие тексты. Издание подготовлено О. М. Чунаковой. - М.: "Восточная литература" РАН, 1997. - С. 271, 272

10. Кэмпбелл Д. Герой с тысящейо лицами. К.: "София Ltd.", 1997. - С. 328

11. Мурадова, Анна. Анку: обозначение смерти и ее олицетворения в языке бретонского фольклора // Приложение к книге Баншию Фольклор и мифология Ирландии, ОГИ. – М., 2007. – С.1-3: [Электрон. Ресурс], URL: [\[animasabitti.livejournal.com/12690.html\]\(http://animasabitti.livejournal.com/12690.html\) \(дата обращения: 09.09.2009\).](http://</p>
</div>
<div data-bbox=)

12. Носенко Е.Э. Представления евреев о демонах, злых духах и прочей нечистой силе // Восточная демонология: От народных верований к литературе.- М.: "Наследие", 1998. - С.250-257

13. Принс Дерек. «Встречая смерть», Издательство «Дерек Принс министрис», 2006. – С.77, 79

14. Райкен Лиланд. Библия как памятник художественной литературы. Пер. с англ. – А.Тимченко, Изд.: Центр просветительских программ МАХШ, - СПб., 2002. – С.111, 114, 120-121, 193-194

15. Райт Н.Т. Что на самом деле сказал апостол Павел. Пер. с англ.: С. Панич. Изд.: ББИ св.ап.Андрея, 2004. – С.42

16. Смерть. Основные мифологические мотивы и термины. Мифологический словарь. – С.1.; [Электрон. ресурс], URL: <http://bibliotekar.ru/mif/190.htm> (дата обращения: 08.08.2009).

17. Соколов Б. Г. Соучастник пира. Комментарий (commortarium) "Пира" Платона // Фигуры Танатоса: Искусство умирания: Сб. статей. / Под ред. А. В. Демичева, М. С. Уварова. СПб.: "Издательство С.Петербургского университета", 1998. - С. 135.

18. Что такое смерть? // Рубрика: Человек по Аллига Тэр. - С.2.; [Электрон. ресурс], URL: <http://alligator.myl.ru/index/0-40> (дата обращения: 08.08.2009).

19. Элиаде М. Оккультизм, колдовство и моды в культуре. Гл. III. Мифологии смерти: введение. Мифы о происхождении смерти, - С.1: сайт, URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/EI_Kyl/11.php (дата обращения: 08.12.2011).

20. Edward William Fudge, The Fire That Consumes. A Biblical and Historical Study of the Final Punishment (Houston, 1989), p. 205.

21. P.W. van der Horst, Dictionary of Deities and Demons in the Bible, Wm. B. Eerdmans Publ., 1999, pp. 854-856

Information about author:

Sergiy Seletsky – PhD, Christian Humanitarian and Economic Open University; address: Ukraine, Odessa city; e-mail: seletsky@bk.ru

LIFE OF THE SOCIETY BETWEEN DEMANDS AND PRODUCTION

E. Domanyuk, Candidate of Economic sciences, Full Professor, Pro-rector
Christian humanitarian and economic opened University, Ukraine

Even now the scientific world lacks full enough view on the totality of interconnections and interdependencies affecting life activity of the society. This is the reason for the fact that the history of social development was always accompanied by wars, social disturbances, crises, etc. So, there is a need for a certain separate scientific discipline in order to ensure a harmonious life of a society in the future. This discipline should consider and examine all interconnections that exist in a circulation determining the functioning and development of the social-economic system. The extremes of this system are social needs and social economic complex. "The History of Social Production" may be such a science.

Keywords: society, state, economics, social-economic system, circulation, history of social production.

Conference participant

С древних времен создание условий, необходимых для стабильного существования общества, осуществлялось посредством решения огромного комплекса разнообразных задач. Но реальность свидетельствует, что обеспечение стабильности достигается не столько их количеством, сколько предупреждением той негативной ситуации, которая возникает в процессе решения двух основных, взаимосвязанных групп задач: социальной и производственной, регулирующих состояние соответствующих сторон общественной жизни. Между этими сторонами имеется множество тесных взаимосвязей, посредством которых образуется единая социально-экономическая система (СЭС), участие в которой занимает наиболее активный период жизнедеятельности общества. В связи с этим, необходимо подчеркнуть, что негативные ситуации возникают не в обществе, как таковом в его социологическом понимании, а в СЭС. Так как именно из-за недостаточно полного учета взаимосвязей, существующих в ней, возникают несогласованности в процессе комплексного решения социальных и экономических задач.

Уже в первобытное время у всех племен и народов по этой причине стали возникать проблемные ситуации. Выход из них стал осуществляться с помощью создания различных форм управления. На стадии неолита, в период «военной демократии»,

управление повсеместно стало обретать признаки государственности (появились собственная территория; общая хозяйственная деятельность и имущество; руководство в лице вождей, военачальников, старейшин и жрецов, военные дружины и народ, как подчиненные структуры и др.). Это привело к тому, что вся организация человеческой жизнедеятельности стала двухуровневой. Первый уровень – вся совокупность людей, входящих в состав племени – общество. Второй – государство, как организационно-управленческая структура, представленная некоторой частью общества, предметом внимания которой является первый уровень, то есть – общество со всей совокупностью его проблем.

Общая озабоченность государства стала делиться на два взаимосвязанных направления. Одно регулирует всю совокупность вопросов, касающихся хозяйственной деятельности общества. Другое – социальных проблем. То есть, тех которые находятся за рамками производства (оборона, образование, здравоохранение, культура и т.п.).

Постепенно, по мере развития производительных сил и общественного разделения труда, формировалась экономическая система, которая приобретала вид относительно самостоятельной сложной организации, от которой стала зависеть жизнеспособность общества. Параллельно с этим, происходило усиление и развитие

ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВА МЕЖДУ ПОТРЕБНОСТЯМИ И ПРОИЗВОДСТВОМ

Доманюк Е.А., канд. экон. наук, профессор
Христианский гуманитарно-экономический открытый университет, Украина

До настоящего времени в научном мире нет достаточно полного представления обо всей совокупности взаимосвязей и взаимозависимостей, определяющих жизнеспособность общества. По этой причине вся история его развития сопровождается войнами, народными волнениями, кризисами и т.п. Для того, чтобы обеспечить гармоничное существование социума на перспективу, необходима отдельная научная дисциплина. Она должна учитывать и исследовать все взаимосвязи, существующие в рамках кругооборота, происходящего в социально-экономической системе, крайними точками которого являются потребности общества и его хозяйственный комплекс. Такой наукой может быть «история общественного производства».

Ключевые слова: общество, государство, экономика, социально-экономическая система, взаимосвязи, кругооборот, история общественного производства.

Участник конференции

государственной системы. В итоге, вся организация жизнедеятельности общества стала представлять собой единство трех систем: общества, государства и экономики. В основе функционирования каждой системы лежит свой кругооборот. *Они соединяются и образуют единый кругооборот, в котором участвуют все взаимосвязи, определяющие жизнедеятельность общества.* Что представляет собой этот кругооборот?

Его действие может быть охарактеризовано следующим образом. Существование общества базируется на широкой совокупности потребностей, удовлетворение которых требует большого объема различных видов продукции. Для этого люди организуют хозяйственную деятельность, с помощью которой производят необходимую продукцию. Поскольку потребности постоянно изменяются в количественно-качественном отношении, то соответственно постоянно существует необходимость в развитии и обновлении производительных сил, которые производят новые виды продукции и в большем объеме и так далее по кругу. Бесперебойный ход кругооборота и учет существующих в нем взаимосвязей обеспечивают различные государственные институты и организации: – политическая и законодательная системы, армия, образование, здравоохранение и т.д.

Крайними точками кругооборота являются потребности общества и его

производственная система. При этом, последняя не существует сама по себе (изолированно), а находится в тесном взаимодействии с обществом. Она создается его усилиями и работает на удовлетворение его потребностей и в силу этого *приобретает характер общественного производства*.

Во второй половине XX в. в терминологии многих гуманитарных наук стало употребляться понятие «общественное производство». Но, очевидно, что из-за малой продолжительности времени, в научно-исследовательской литературе и учебниках какой-либо достаточно глубокой разработки этой категории, пока еще не встречалось. В тоже время, исследования показывают, что эта категория имеет довольно широкое содержание, которое может дать начало отдельной науки, способствующей решению острых проблем современности и получению ответов на важные вопросы. Почему, при наличии большого количества экономических, социальных, политических, философских, юридических, теологических и других наук общественное развитие постоянно сопровождается взлетами и падениями, застойными явлениями, большим количеством экономических, социально-экономических, экономико-экологических и многих других проблем? Почему, несмотря на постоянное развитие экономики и управления, острота социально-экономических проблем не только не ослабевает, а наоборот приобретает глобальные масштабы. В двадцатом веке люди пережили две Мировые войны и в 1962 г. стояли на пороге третьей, в результате которой человечество впервые в своей истории оказалось на грани самоуничтожения. Переход к индустриальной экономике привел к возникновению глобальной экологической проблемы, которая поставила общество на грань выживания. Глобальный финансово-экономический кризис двадцать первого века подтверждает существование этой тенденции.

Анализ ситуации приводит к выводу. Для того, чтобы ее остановить, необходимо более глубоко изучить кругооборот, происходящий в СЭС и существующие в нем взаимосвязи. Вероятно, что в нем постоянно про-

исходят сбои, по причине которых и возникает вся совокупность выше-названных проблем. Чтобы найти и устранить их, необходима наука, которая возьмет на себя ответственность за всестороннее исследование общественного производства, и даст ответы на большой ряд важнейших вопросов. Под действием каких сил происходят в нем кругообороты, какие элементы они включают в свою орбиту, кто и как управляет этим процессом, что необходимо предпринять для обеспечения гармоничного функционирования СЭС и т.п.?

Предпосылки, указывающие на необходимость в этой науке, существуют давно. Они проявляются в стремлении различных ученых исследовать взаимосвязи и взаимозависимости, существующие в жизнедеятельности общества. Так, французский ученый-меркантилист А. Монкретьен в труде «Трактат политическая экономия, или наука о государственном хозяйстве», изданном в 1615 г., заложил основы первой научной школы, известной под названием *«политэкономия»*. В ней он обратил внимание на тесную связь производства с социально-политическими процессами.

Новые виды взаимосвязей, были показаны в XVI - XVIII вв. в экономических учениях *«меркантилизме»* и *«физиократии»*, которые оказывали влияние на экономическую политику государств в период позднего средневековья и первоначального накопления капитала в интересах отдельных слоев и классов.

Все учения, связанные с попыткой понять основы жизнедеятельности общества, со временем пришли к необходимости рассматривать социально-экономические связи в историческом аспекте. Исследования ученых Германии, Англии, Франции и других государств, вставших на эту позицию, нашли отражение в учениях своих «Исторических школ». Например, немецкая *«Историческая школа»* зародилась и получила развитие в Германии (XVIII-XIX вв.). Новизна ее учения состоит в том, что она рассматривает политическую экономику, как науку о национальном хозяйстве в котором *особая роль отводится государству. Государственные интересы,*

интересы нации выше интересов личности. В начале XX века в Германии возникла *«новейшая историческая школа»*, которая обратила внимание на наличие *связи экономики с многообразными социальными институтами и историческими обстоятельствами.* Одним из ее основателей стал Макс Вебер. В своих работах он придерживался мысли о *необходимости устранения противоречий между индивидуальными и общественными интересами в экономике,* потому что с развитием капитализма личность все более обособляется от государства. Происходит отчуждение политики от народа и усиление власти бюрократии. Марксистская политэкономия, исследуя процессы, происходящие в жизнедеятельности общества, сделала акцент на производственных отношениях и экономических законах, регулирующих *общественное производство, распределение, обмен и потребление* на различных этапах развития общества.

Процессы, происходящие в хозяйственной деятельности общества в «свободном» от политики состоянии, нашли научное отражение в относительно молодой науке *«история экономики»*, которая со временем приобрела характер общепризнанной научной и учебной дисциплины. К одному из очевидных упущений истории экономики может быть отнесено то, что экономическая система в ней рассматривается обособленно. В силу этого она, по существу, предстает в виде «технической системы», с присущей ей взаимосвязью между производительными силами, технологическими процессами, организацией производства, хозяйственными механизмами и т.д.

В связи с этим, естественным является стремление ученых к более широкому охвату связей, присутствующих в жизнедеятельности общества. В 1948 г. вышла в свет книга американского ученого Норберта Винера. «Кибернетика, или управление и связь в животном и машине». Она дала импульс к дальнейшему развитию управленческой науки - *«кибернетики»*, которая в современном понимании является наукой об общих закономерностях процессов управления и передачи информации в машинах, жи-

вых организациях и обществе. С начала и в течение всего XX в. происходило постепенное формирование нового научного направления теории организации. Эта наука, взяла ориентир на изучение принципов, законов и закономерностей возникновения организации как явления, ее эволюции, механизмов функционирования, взаимодействия ее частей и элементов между собой, а также с внешней средой для достижения поставленных целей. Теория организации базируется на исследованиях ученых - А. Файоля, Ф. Тейлора, М. Вебера и др. и тесно сотрудничает с такими науками, как менеджмент, экономика, социология, психология, политология. В 1996 американский поэт и эссеист Д.П. Барлоу произведением «Декларация независимости Киберпространства» создал предпосылки к рождению новой фундаментальной науки об управлении жизнедеятельностью общественной формации – «киберномика». Она, на основе системного подхода, стремится к созданию высокоорганизованного управления товарно-денежными и социально-экономическими отношениями в обществе, и гармоничного отношения людей к земным ресурсам и биосфере.

Краткое рассмотрение, приведенной части основных учений, посвященных исследованию различных сторон функционирования СЭС, дает

основание сделать следующий вывод. В основе жизнедеятельности общества находится сложная сеть многообразных взаимосвязей, о которой в настоящее время еще нет достаточно четкого представления. *Очевидно, что исследование ее отдельных фрагментов не может полно и объективно показать причинно-следственные корни негативных событий, происходящих в СЭС и дать научно обоснованные рекомендации по их преодолению.*

Исследования показывают, что комплексный и системный охват всей сети взаимосвязей, может быть осуществлен при условии, если жизнедеятельность общества рассматривается с позиции кругооборота, происходящего в его СЭС. В нем вся совокупность элементов и существующих между ними взаимосвязей логически комплексированы, принимает строго упорядоченный вид. А с помощью исторического метода обосновывается последовательность и закономерность его развития, взаимовызываются результаты исследований, различных «исторических школ» и новых научных направлений. Задачу по исследованию этого кругооборота с указанных позиций целесообразно возложить на науку «история общественного производства».

Для того, чтобы получить более полное представление о ее содержании и происходящих в нем изменениях в динамике, весь курс этой дисциплины может быть разделен на две основные части: - теоретическую и конкретно-историческую. В первой – раскрываются основные научно-методологические положения, определяющие направление, предмет и объект исследования этой науки. Во второй – с помощью известных в истории экономики классических примеров, рассматриваются практические этапы общего хода развития мировой системы общественного производства и, опираясь на теоретическую часть, даются комментарии к ним. Такой подход дает возможность конкретизировать пути развития кругооборота, происходящего в общественном производстве, упорядочить, существующие в нем взаимосвязи, и выявить причины возникновения многих современных проблем.

Information about author:

Eugen Domanyuk - Candidate of Economic sciences, Full Professor, Pro-rector, Christian humanitarian and economic opened University, address: Ukraine, Odessa city; e-mail: hgeu.odessa@mail.ru

PROBLEMS OF INTERRELATIONS BETWEEN THE AUTHORITIES AND COGNITARIAT. SOCIAL AND PHILOSOPHIC ASPECT

M. Bresler, Candidate of Philosophy, Senior Lecturer
Bashkir State University, Russia

The social group of creators of the informational product (cognitariat) is being formed within the social structure of the information society. The forecasts of development of cognitariat and highest social classes as well as the society in the whole depend on interrelations between these social groups.

Keywords: cognitariat, information society, network interaction.

Conference participant

Актуальность данной статьи обусловлена динамическими процессами, протекающими в современном обществе. В последние два-три года происходит целый ряд событий, внешне не связанных друг с другом, но явно сходных по коренным причинам возникновения. Мы пока не можем составить долгосрочный прогноз развития мирового сообщества, но считаем, что процессы общественной трансформации требуют осмысления, прежде всего в социально-философском аспекте.

Стремительное нарастание изменений социальной структуры общества наблюдается практически во всех странах от стран Северной Африки до США, от России до стран Юго-восточной Азии. Зачастую эти изменения сопровождаются драматическими событиями. Военные перевороты, революции, гражданские войны. Речь не идёт только о чисто политических или экономических изменениях. Происходит не просто смена элит, смена тоталитарных, этатических режимов правления на либерально-демократические, как может казаться, если рассматривать современный период в рамках парадигмы индустриального общества. «Метаморфозы власти», в терминологии А. Тоффлера [1], имеют коренные причины, связанные с развитием самого общества. Глобальный характер событий такого рода свидетельствует о коренных изменениях, смене основной парадигмы, переходе общества на новый этап цивилизационного развития, называемый информационным обществом. Обозревая в историческом дискурсе эво-

люцию информационного общества можно заметить, что уже на первой стадии, стадии зарождения (середина XX века – начало 70-х годов) появляется социальная группа создателей информационного продукта. Научно-техническая революция, не только изменила характер производства и структуру потребления, но привела к появлению новых производственных отношений между социальными группами, привела к началу трансформационных процессов в социальной структуре.

На исторической сцене появляется новая социальная группа – когнитариат. Люди занятые не столько умственным трудом, но созданием информационного продукта [2]. Эта социальная группа имеет новые ценности, не связанные напрямую с ценностями индустриальной эпохи. Классическая пирамида потребностей А. Маслоу рассыпалась! Ценности удовлетворения первичных физиологических потребностей, безопасности, уважении и одобрении столь важные для всего общества становятся ценностями низшего класса – потребителей информационного продукта. Тогда как «высшие потребности» – самоактуализации, стремление к творческому началу в труде становятся базовыми в ценностной иерархии. Молодое, послевоенное поколение 60-х годов использует доступные на тот период информационно-коммуникационные каналы телевидения и радио, создаёт собственные социальные медиа и активно вмешивается в течение социальных процессов общества. Высшие классы общества – владельцы информационного про-

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ВЛАСТИ И КОГНИТАРИАТА. СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Бреслер М.Г., канд. филос. наук, ст. преподаватель
Башкирский государственный университет, Россия

В социальной структуре информационного общества формируется социальная группа создателей информационного продукта – когнитариата. От взаимоотношения когнитариата и высших слоев зависит прогноз развития не только данных социальных групп, но и общества в целом.

Ключевые слова: Когнитариат. Информационное общество. Сетевое взаимодействие.

Участник конференции

дукта и информационно - коммуникационных сетей вынуждены в тот период мириться с аномичным поведением, либо жестко подавлять радикальные выступления. Власть в СССР практически не замечает массового «вольномудства» в Новосибирском или Томском университетах, но подвергает жестким депрессивным мерам единичные выступления против оккупации Чехословакии в 1968 году. Аналогично в США и странах Западной Европы были жестоко подавлены «студенческие революции» и выступления против расовой сегрегации, но при этом игнорируется маргинальное поведение хиппи и создающиеся в то время социальные – «тактические» медиа [3]. В Китайской народной республике власть использует общественный протест для устранения части элиты.

Вынужденное межгрупповое примирение конца 70-х годов обусловлено с одной стороны необходимостью для высших классов сотрудничества с создателями информационного продукта, обеспечивавших развитие технологий, прежде всего в области вооружения. А для когнитариата в то время не было возможности в самостоятельной деятельности вне корпоративного ситуса [4].

Период сосуществования социальных групп высших слоев общества с когнитариатом был периодом роста информационного общества, развитием информационно-коммуникационных технологий. В этот период, а мы определяем его условно с начала 80-х годов до конца XX века, появилась технология глобальной компьютерной сети – Интернет,

позволяющей создавать и распространять информационный продукт, в том числе и напрямую низшим классам – потребителям. Распад социалистической системы позволил ускорить процессы глобализации. Что в свою очередь привело к смещению вектора антагонистических противоречий с межгосударственных (межблоковых), на межгрупповые (а практически межклассовые) противоречия. При рассмотрении противоречий современного общества с точки зрения информационной сетевой парадигмы межконфессиональные, межрасовые, межкультурные противоречия также можно отнести к противоречиям между социальными группами и сетевыми сообществами.

Начало XXI века привело к внедрению и широкому распространению коммуникационных технологий позволяющих достаточно быстро и без привлечения значительных ресурсов не только создавать, трансформировать и распространять информационный продукт, но создавать аутопоэтические сетевые сообщества. Когнитариат получил возможность создавать продукт в сетевых сообществах специалистов и реализовывать напрямую потребителям такие сложные продукты как операционную систему Linux. Сетевая солидарность когнитариата, стремление поддержать коммуникативные связи в рамках сетевого сообщества осознанно используются различными политическими силами для продвижения своих интересов. Мы считаем нужным обратить внимание на самый различный характер этих сил. Тут просматривается весь политический спектр от крайне либерально-демократических сил («оранжевые революции в Сербии, Грузии, Ливане), до коммунистической партии и левых сил (протестное движение выборщиков в России 2011-2012г.). Среди тех, кто использует когнитариат можно увидеть националистов и сторонников глобализации, элит выступающих за толерантность и демократию (Тайланд, движение «Оккупируй...» в США) и религиозные организации консервативного толка (т.н. «араб-

ская весна» по нашему мнению была инициирована и проведена в интересах религиозных фундаменталистов и лоялисткой аристократии стран Персидского залива).

Та ситуация, которую мы наблюдаем, состоит в использовании высшими классами потенциальных возможностей когнитариата. Когнитариат – формирующаяся социальная группа и потому не пока не имеет ни организаций выражающих общие ценности социальной группы, ни четко сформулированных требований отражающих эти ценности.

Причиной участия создателей информационного продукта в протестном движении чаще всего становится невостребованность их ценностей обществом, прежде всего высшими классами. Возможность творческого труда и готовность общества принять результаты труда, стирание разности между меритократическим и формальным статусом, признание высшими классами роли когнитариата в обществе. Вот те условия, выполнение которых позволяет направить энергию когнитариата на позитивное созидание. невыполнение этих условий приводит либо к эмиграции, либо к нарастанию протестных настроений. Любое общество заинтересовано в развитии и снижении рисков. Средние слои информационного общества — создатели информационного продукта в зависимости от влияния других социальных групп могут стать залогом динамики развития, а могут и инициаторами деструктивных процессов.

Современную эпоху можно охарактеризовать как новое осевое время. Время когда человечество стоит на распутье между движением к динамическому развитию и деструктивным саморазрушением. Во многом выбор пути развития человеческой цивилизации зависит от когнитариата и от отношения общества к данной социальной группе

References:

1. Toffler, E *Metamorfozy vlasti* [Metamorphoses of power] [Text], Elvin Toffler, Kheidi Toffler: translated from

English. - Moscow.,ООО «Publisher AST», 2004. - 669 p.

2. Bresler, M.G. *Osobennosti stratifikatsii informatsionnogo obshchestva* [Features of stratification of the information society], M.G. Bresler, *Vestnik VEGU. Nauchnyi zhurnal* [Bulletin of VESU. The scientific journal], Ufa., Akademiya VEGU- 2010., No. 4(48), pp. 3-6.

3. Goddard M. Felix and Alice in Wonderland: The Encounter between Guattari and Berardi and the Post-Media Era, [Electronic resource], access mode: <http://www.generation-online.org/p/fpbifo1.htm>

4. Bell D. *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya* [Future post-industrial society. Experience of social forecasting] [Text], translated from English ed. by V.L. Inozemtseva. - Moskva., Academia., 1999. - 956 p.

Литература:

1. Тоффлер, Э *Метаморфозы власти* [Текст]/Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер: пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.- 669с.

2. Бреслер, М.Г. Особенности стратификации информационного общества /М.Г. Бреслер// Вестник ВЭГУ. Научный журнал. - Уфа: Академия ВЭГУ- 2010 № 4(48) –С.3-6.

3. Goddard M. Felix and Alice in Wonderland: The Encounter between Guattari and Berardi and the Post-Media Era// [Электронный ресурс], режимдоступа: <http://www.generation-online.org/p/fpbifo1.htm>

4. Белл Д. *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования* [Текст] / Перевод с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М., Academia. - 1999., 956с.

Information about author:

Mihail Bresler - Candidate of Philosophy, Senior Lecturer, Bashkir State University, address: Russia, Ufa city; e-mail: bremmaster@yandex.ru

INFLUENCE OF GLOBALIZATION PROCESSES ON THE DEVELOPMENT OF THE FACTOR OF HUMAN CAPITAL

I. Ershova, Candidate of Philosophy, Associate Professor
Nothorn (Arctic) Federal University named after M. V.
Lomonosov, Russia

The author considers the processes of globalization affecting all spheres of human life. The human capital phenomenon is one of the major components of the society based on knowledge in the context of globalization. The human capital phenomenon is material and intellectual component of life activity of people at the same time.

Keywords: globalization, society based on knowledge economics, human capital.

Conference participant

Настоящая статья посвящена анализу глобализационных процессов, пронизывающих все сферы жизнедеятельности человека, в том числе и их влияние на становление человеческого капитала.

Существующее в научной литературе многообразие определений глобализации показывает неоднозначное понимание исследователей изучаемого явления. Полярность подходов к рассмотрению глобализационных процессов детерминирована сложностью и противоречивостью самого феномена глобализации.

Э. Гидденс считает глобализацию не каким то единым процессом, а «сложным сочетанием целого ряда процессов, которые имеют противоречивую, или даже противоположную природу» [5, с.29].

Ю.А. Щербанин указывает на то, что глобализация- это «существенное увеличение непосредственного пространства, поля возникновения, осуществления, воздействия последствий акций в различных областях жизнедеятельности» [15, с.45].

Дж. Сорос под глобализацией понимает свободное перемещение капитала и растущее подчинение национальных экономик глобальным финансовым рынкам и транснациональным корпорациям [13, с.7].

Ф.Г. Альтбах определяет глобализацию через систему широких экономических, технологических и научных трендов, которые непосредственно затрагивают высшее образование и которые в значительной степени неизбежны [2, с.40].

Как правило, в научных работах

ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА РАЗВИТИЕ ФАКТОРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

Ершова И.В, канд. филос. наук, доцент
Северный Арктический Федеральный университет им.
М.В. Ломоносова, Россия

В статье рассматриваются глобализационные процессы, затрагивающие все сферы жизнедеятельности человека. Феномен человеческого капитала является одним из важнейших компонентов общества, основанного на знаниях в контексте глобализации. Феномен человеческого капитала представляет собой как материальную, так и интеллектуальную составляющую жизнедеятельности людей.

Ключевые слова: глобализация, общество, основанное на экономике знаний, человеческий капитал.

Участник конференции

выделяются экономический, политический, социокультурный, а также технологический уровни глобализации. Так, Ю.А. Щербанин полагает, что «глобализация- это не что иное, как «ускоренная экономическая реструктуризация и интеграция различных стран в процесс, который сегодня называется «новый глобальный порядок» [15, с.56].

П. Бергер, Д. Бхагвати, Э. Гидденс, А. Козмински, П. Скотт, М.М. Акулич, В.И. Добренков, А.И. Галаган, А.И. Турчинов, В.Ю. Яковец указывают на социокультурный аспект глобализации. В.И.Добренков акцентирует в большей степени социальный аспект глобализации, заключая, что это «процесс закономерный и необходимый для интеграции человечества, сопровождающийся ростом качества жизни и уровня благосостояния человечества, ускорением экономического и политического развития стран, активацией обмена технологическими, научными и культурными достижениями между различными странами и народами» [6].

А.И. Галаган также подчеркивает социальную сторону глобализации: «...это явление новое, неотделимое от новых форм общественной жизни и новых парадигм производства знания» [4].

В.Ю. Яковец пишет о социокультурном аспекте глобализации, указывая на его сложный и противоречивый характер в сфере науки, культуры, образования, этики, идеологии. Автор отмечает, что «с одной стороны, все более отчетливо проявляется глобальный характер научного прогресса,

не знающего национальных границ, осуществляется обмен идеями и учеными; формируются общие контуры системы непрерывного образования, ориентированного на креативную педагогику и опирающегося на высокоэффективные информационные технологии; развивается обмен культурными ценностями» [16, с.9-10].

По мнению М.М. Акулича, глобализация представляет собой процесс интеграции человечества в единое целое, характеризует новую эпоху развития человечества – эпоху глобального мира [1, с.50]. В понятии «глобализация» отражается реальная взаимозависимость мира, стран, народов друг от друга [1, с.50]. А.И. Турчинов определяет глобализацию как «одну из форм перераспределения интеллектуальных и профессиональных ресурсов, способ аккумуляции профессионального интеллекта в той стране, которая не только в нем остро нуждается, но и которая за счет своих материальных ресурсов способна предоставить ему лучшие условия существования и воспроизводства» [14].

П. Скотт указывает на то, что глобализация- это «не только технологический феномен, не объединение двух и более индустриальных центров. Это также интеллектуальный феномен, триумф научной рациональности и кульминации традиций Просвещения» [10] (перевод автора). А. Козмински представляет глобализацию как «непрерывный процесс адаптации и стандартизации всех аспектов общественной жизни во всех странах. Стремление к трансформации общества, экономики и человеческого

мышления неразрывно связано с процессом глобализации» [8]. Общества, которые не могут соответствовать этим нормам, теряют конкурентоспособность и способность к дальнейшему развитию, в результате чего могут оказаться в опасной изоляции от остального мира, в том числе от основных прогрессивных тенденций. Все общества, желающие оставаться в русле прогресса, вынуждены постоянно трансформироваться и адаптироваться.

Глобализация является объективным процессом развития современного мира, воздействующим на экономический, политический, социокультурный уровни жизни и деятельности человека, оформляет новое глобализационное пространство, формирует новый глобальный менталитет людей.

Глобализация, как принципиально новое качественное состояние мировых общественных отношений, является следствием информатизации общества, развития производительных сил, меняющихся представлений о месте человека в обществе. Ведущим фактором глобализации, по мнению И. Майбурова, выступает развитие образования, науки, культуры [9]. На основе концептуальных положений современных исследований можно сделать вывод о том, что при изучении и регулировании глобализации на всех уровнях, следует уделить внимание глобальным образовательным процессам, как основе экономических, политических, социальных и культурных аспектов. А. Козьмински считает, что «высшее образование является важнейшим инструментом внедрения новых идей в умы людей» [8].

Растущая роль знаний и информации в социально-экономическом развитии и превращение их в один из ключевых факторов экономического благосостояния и конкурентоспособности общества, развитие информационно-телекоммуникационных технологий, позволяющих с большой скоростью распределять новые знания, являются ключевыми звеньями глобализационных процессов в сфере экономики.

В процессе глобализации важное место отводится сфере образования. Сложившиеся системы образования

адаптируются в создавшейся глобальной социально-культурной ситуации, а также приспособляются к трансформациям, происходящим в экономической и политической сферах.

Наукоемкие технологии обуславливают спрос на высококвалифицированных специалистов и снижают потребность в низкоквалифицированных работниках. Глобализация мировой экономики побуждает университеты к трансформации своей деятельности в соответствии с требованиями времени. Современный университет представляет собой многопрофильную структуру, органично сочетающую в себе образовательную, научную и инновационную деятельность и вносящий реальный вклад в повышение национальной конкурентоспособности на рынке образовательных услуг и на рынке труда. В связи с болонскими преобразованиями в сфере высшего образования появляется триада «наука - производство - образование». На базе университета происходит изменение традиционной концепции обучения, заключающейся в передаче знаний, умений навыков, на новую, в основе которой лежит самостоятельная работа обучающегося и императив к обучению в течение всей жизни. Это обусловлено требованиями рынка труда, так как знания специалиста должны обновляться каждые 4-5 лет, по мере внедрения новых технологий.

Образование становится фактором конкурентоспособности национальных экономик, что требует от системы образования гибкости, способности к трансформации. В контексте глобализации мы можем говорить о формировании общества, основанного на знаниях. Составляющей комплексного понятия общества, основанного на знаниях, является феномен человеческого капитала. Как известно, основателем концепции человеческого капитала является Г. Беккер. В соответствии с трактовкой Г. Беккера, человеческий капитал — это имеющийся у каждого запас знаний, навыков, мотиваций. Инвестициями в него могут быть образование, накопление профессионального опыта, охрана здоровья, географическая мобильность, поиск информации [3]. В основу анализа он положил пред-

ставления о человеческом поведении, как рациональном и целесообразном, применяя такие понятия, как редкость, цена, альтернативные издержки и т.д.

Ф. Махлуп, основатель концепции экономики знаний, полагает, что «неусовершенствованный труд нужно отличать от усовершенствованного, ставшего более производительным благодаря вложениям, которые увеличивают физическую и умственную способность человека. Подобные усовершенствования составляют человеческий капитал» [17].

Понятие человеческого капитала определяется как «особый вид капиталовложений, совокупность затрат на развитие воспроизводства потенциала человека, повышение качества и улучшение функционирования рабочей силы» [16, с.276].

По мнению И.В. Ильинского, человеческий капитал является важнейшим ресурсом постиндустриального общества. Техника, создающая богатства, приходит в жизнь через технологические знания и организационные усовершенствования, и только опытная квалифицированная рабочая сила способна управлять высокотехнологическим процессом. Кроме этого, необходимо знание деловой конъюнктуры, рыночных возможностей, способов их практического применения, но и в этом случае нам необходимы знания человека, его «капитал», используемый в процессе производства для создания богатства общества [7, с.394].

В ходе краткого анализа установлено, что человеческий капитал — это многоаспектное явление, составными частями которого является интеллектуальный потенциал специалиста, комплекс приобретенных умений, знаний и навыков в процессе образования, умение самосовершенствоваться, систематически обновлять свои знания, а также определенные материальные вложения в образовательный процесс.

Благодаря теории человеческого капитала изменилось и отношение политиков к затратам на образование. Образовательные инвестиции стали рассматриваться как источник экономического роста, не менее важный, чем обычные капиталовложения. Представляется необходимым сохра-

нение государственных инвестиций в сферу образования, обучение для взрослых и профессиональное обучение в течение всей жизни. Подчеркивается, что обучение в течение всей жизни должно стать объективной реальностью для всех. Данное положение определяет то, что населению всех возрастов должны быть предоставлены равные и открытые возможности для высококачественного обучения, приобретения разнообразного образовательного опыта. Таким образом, сущность человеческого капитала состоит в инвестициях в человеческие ресурсы с целью повышения их производительности.

Концепция человеческого капитала применяется в области инвестиций в среднее и высшее образование, обучение без отрыва от производства, а также к инвестициям в дошкольное воспитание в семье, приобретение хорошего здоровья и получение информации о рынке труда в процессе поиска работы [11, с.224].

Итак, под человеческим капиталом в экономике понимается имеющийся у человека запас знаний, здоровья, навыков, опыта, которые используются индивидом для получения дохода. Знания, составляющие феномен человеческого капитала, применимы в конкретной сфере деятельности человека, они способствуют повышению производительности труда работника и увеличению его заработка; возникает определенная мотивация работника вкладывать средства в свое дальнейшее самообразование, повышение квалификации; осознание ценности приобретенных знаний, компетенций. Человеческий капитал включает в себя расходы на образование, повышение квалификации и переподготовку специалиста, здравоохранение, профессиональную мобильность. С помощью своих интеллектуальных способностей, комплекса знаний и навыков, приобретенных в практической и теоретической деятельности, специалист увеличивает свой человеческий капитал.

Резюмируя вышеизложенные положения, мы приходим к следующим выводам. Глобализация является активным процессом развития современного мира, действующим

на экономический, политический и социокультурный уровни. Полярный подход к определению аспектов глобализации детерминирован комплексностью и противоречивостью самого феномена глобализации. Университет выступает как доминирующий фактор в глобальном образовательном пространстве. На базе университета происходит изменение традиционной концепции обучения, заключающейся в передаче знаний, умений, навыков, на новую, в основе которой лежат самостоятельная работа обучающихся и императив к обучению в течение всей жизни. Это обусловлено требованиями рынка труда, так как знания специалиста в новом информационном обществе должны обновляться по мере внедрения новых технологий. Очевидно, что глобализация делает открытыми границы для талантливых, грамотных, высококвалифицированных специалистов. В современных условиях человек-профессионал рассматривается в качестве национальной ценности. В контексте глобализации мы можем говорить о формировании общества, основанного на знаниях, немаловажной составляющей которого является феномен человеческого капитала.

References:

1. Akulich M.M. *Obrazovanie v usloviyakh globalizatsii* [Education in the context of globalization], Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz [University management: practice and analysis]. – 2005., No. 5., pp. 50-57.
2. Al'tbakh G.Fillip. *Globalizatsiya i universitet: mify i realii v mire neravenstva* [Globalization and the University: myths and realities in the unequal world], Alma Mater. Vestnik vysshei shkoly [Bulletin of higher school]. – 2004. No. 10. pp. 39- 46; pp. 39-45.
3. Bekker G. *Chelovecheskii kapital* [Human capital]. URL:http://www.libertarium.ru/libertarium/cms_preferences (accessed: 02.03.2012).
4. Galagan A.I. *Integratsionnye protsessy v oblasti obrazovaniya: analiz mirovykh tendentsii* [Integration processes in the field of education: analysis of global trends]. URL: <http://comparative.edu.ru.9080/PortalWeb/>

[msg-keywords.jsp](#) (data obrashcheniya: 02.03.2012).

5. Giddens E. *Uskol'zayushchii mir: kak globalizatsiya menyaet nashu zhizn'* [The escaping world: how globalization is changing our lives]. – Moscow, 2004. – 120 p.

6. Dobren'kov V.I. *Globalizatsiya ekonomiki: novoe slovo ili novoe yavlenie?* [Globalization of the economy: new word or a new phenomenon?] – Moskva., 1998. – 215 p.

7. Il'inskiy I.V. *Investitsii v budushchee: obrazovanie v innovatsionnom vosproizvodstve* [Investing in the future: education in innovative reproduction]. – Sankt-Peterburg., 1996., p. 394.

8. Kozminski, Andrzej Rol' *vysshego obrazovaniya v reformirovanii obshchestva v usloviyakh globalizatsii: akademicheskaya nadezhnost' i stremlenie k povysheniyu urovnya vuzov* [The role of higher education in the reformation of the society in the context of globalization: academic reliability and the desire to improve the level of higher education institutions], *Vysshee obrazovanie v Evrope* [Higher Education in Europe]. – 2002., No. 4. URL: http://www.aha.ru/~moscow64/educational_book (accessed: 02.03.2012).

9. Maiburov I. *Globalizatsiya sfery vysshego obrazovaniya* [Globalization of higher education], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. – 2005., No. 3., pp. 10-17.

10. Skott, Piter *Razmyshlenie o reformakh vysshego obrazovaniya v Tsentral'noi i Vostochnoi Evrope* [Thinking about the reformation of higher education in Central and Eastern Europe], *Vysshee obrazovanie v Evrope* [Higher Education in Europe]. – 2002., No. 1-2.

11. *Slovar' ekonomicheskoi teorii* Makmillana [Macmillan Dictionary of economic theory]. – Moskva., 2003., p. 224.

12. Smirnov A.I. *Informatsionnaya globalizatsiya i Rossiya: vyzovy i vozmozhnosti* [Informational Globalization and Russia: Challenges and Opportunities]. – Moscow, 2005. – 392 p.

13. Soros Dzh. *Zametui o globalizatsii* [Notes about globalization], trans. V. Dedkova. – Moskva., 2002., 120 p.

14. Turchinov A.I. Globalizatsiya i problemy intellektual'nykh resursov obshchestva [Globalization and problems of intellectual resources of the society]. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/D36Turchinov.htm> (accessed: 02.03.2012)

15. Shcherbanin Yu.A. Bolonskii protsess: ot Parizha do Bergena [The Bologna Process: from Paris to Bergen]. Informationsionno-analiticheskii obzor [Information-analytical review]. - Barnaul, 2000. - 111 p.

16. Yakovets Yu.V. Globalizatsiya i vzaimodeistvie tsivilizatsii [Globalization and interaction of civilizations]. - Moskva., ZAO «Izd-vo «Ekonomika», 2001. - 346 p.

17. Machlup F. Knowledge: Its Creation, Distribution, and Economic Significance. Vol. II: The Economics of Information and Human Capital. Princeton: Princeton University Press, 1984., p. 419.

Литература:

1. Акулич М.М. Образование в условиях глобализации // Университетское управление: практика и анализ. – 2005. – № 5. – С. 50-57.

2. Альтбах Г.Филлип. Глобализация и университет: мифы и реалии в мире неравенства // Alma Mater. Вестник высшей школы. 2004..№10. С. 39-46; С.39-45.

3. Беккер Г. Человеческий капитал. URL:http://www.libertarium.ru/libertarium/cms_preferences (дата обращения: 02.03.2012).

4. Галаган А.И. Интеграционные процессы в области образования: анализ мировых тенденций. URL: <http://comparative.edu.ru.9080/PortalWeb/msg-keywords.jsp> (дата обращения: 02.03.2012).

5. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004. 120 с.

6. Добренев В.И. Глобализация экономики: новое слово или новое явление? М., 1998. 215с.

7. Ильинский И.В. Инвестиции в будущее: образование в инновационном воспроизводстве. СПб., 1996. С.394.

8. Козмински, Анджей Роль высшего образования в реформировании общества в условиях глобализации: академическая надежность и стремление к повышению уровня вузов // Высшее образование в Европе. 2002. №4. URL: http://www.aha.ru/~moscow64/educational_book(дата обращения: 02.03.2012).

9. Майбуков И. Глобализация сферы высшего образования // Мировая экономика и международные отношения. – 2005. – № 3. – С. 10-17.

10. Скотт, Питер Размышление о реформах высшего образования в Центральной и Восточной Европе //

Высшее образование в Европе. – 2002. – № 1-2.

11. Словарь экономической теории Макмиллана. М., 2003. С.224.

12. Смирнов А.И. Информационная глобализация и Россия: вызовы и возможности.-М., 2005. 392 с.

13. Сорос Дж. Заметки о глобализации /пер. В.Дедкова. М.,2002.120с.

14. Турчинов А.И. Глобализация и проблемы интеллектуальных ресурсов общества. URL: <http://spkurdyumov.narod.ru/D36Turchinov.htm> (дата обращения: 02.03.2012)

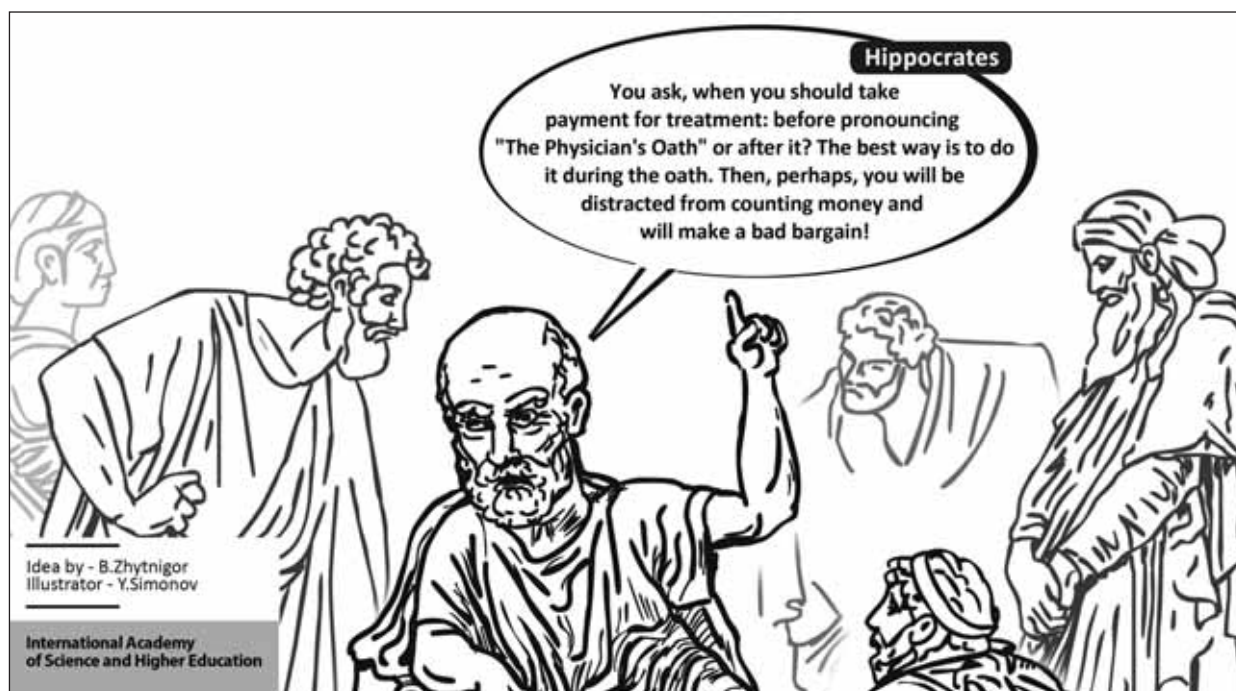
15. Щербанин Ю.А. Болонский процесс: от Парижа до Бергена. Информационно-аналитический обзор. Барнаул, 2000. 111 с.

16. Яковец Ю.В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций. – М., ЗАО «Изд-во «Экономика», 2001. – 346с.

17. Machlup F. Knowledge: Its Creation, Distribution, and Economic Significance. Vol. II: The Economics of Information and Human Capital. Princeton: Princeton University Press, 1984. P. 419.

Information about author:

Irina Ershova - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov; address: Russia, Arhangelsk city; e-mail: ierchova@atnet.ru

LEV KARSVIN, EURASIAN MOVEMENT AND THE THESIS BY ERIC VOEGELIN

A. Martinkus, lecturer, Ph.D. of philosophy
Vilnius University, Lithuania

Eric Voegelin calls the nature of all the major Western ideologies „gnosticism“. The roots of this spiritual phenomenon he sees in the medieval religious immanentism. The article attempts to examine the ideological history of the Eurasian movement in the context of Voegelin's thesis. A special role in this history belongs to Lev Karsavin.

Keywords: Gnosticism, Eurasian movement, universal unity, Marxism, Immanentism, Transcendentism

Conference participant

ЛЕВ КАРСАВИН, ЕВРАЗИЙСТВО И ТЕЗИС ЭРИКА ВОГЕЛИНА

Мартинкус А., Ph.D. филос. наук, преподаватель
Вильнюсский университет, Литва

Существо основных западных идеологий Эрик Вогелин называет „гностицизмом“. Корни этого духовного явления он усматривает еще в средневековом религиозном имманентизме. В статье предпринята попытка рассмотреть идейную историю евразийского движения в контексте тезиса Вогелина. Особая роль в этой истории принадлежит Льву Карсавину.

Ключевые слова: гностицизм, евразийство, всеединство, марксизм, имманентизм, трансцендентизм

Участник конференции

В своей книге „Новая наука политики“ Эрик Вогелин (1901-1985) истоки современного духовного состояния европейской цивилизации усматривает в имманентизации христианских целей и символов, первым значительным концептуальным выражением которой стала хилиастическая доктрина Иоахима Флорского (XII в.), применившего символ Троицы к ходу земной истории. (Эпохи Отца, Сына и грядущая эпоха Духа.) Вогелин пишет о двух стадиях этой имманентизации, бросившей вызов философии истории блаженного Августина с ее нестираемой гранью между посюсторонним Земным Градом и трансцендентным Градом Божиим – полнотой совершенства и истинной целью христианина. На первой стадии (у Иоахима и разных религиозных реформаторов) большая полнота внутри истории („прогресс“) понимается еще как следствие сверхъестественного (божественного) действия. На второй (с эпохи Просвещения) исчезают всякие трансцендентальные вторжения. „Секуляризация“ – название второй эпохи имманентизации. Согласно Вогелину, оценивающему современное состояние западной цивилизации как духовную болезнь, внутренняя логика западного развития есть движение „от средневекового имманентизма через гуманизм, просвещение, прогрессизм, либерализм, позитивизм, – к марксизму“. Если в ряд названных духовных феноменов поставить еще и фашизм с националсоциализмом (как и делает Вогелин), легко представить себе возмущение, которое подобное сопоставление вызовет в лагере, например, либералов. Вогелин очень хорошо это осознает: „Легко себе представить,

как возмущен будет либерал-гуманист, если ему сказать, что его частный тип имманентизма является ступенькой к марксизму“. Но немецкий ученый не идет на компромиссы. „Интеллектуальные символы, разработанные различными типами имманентистов“, – пишет он, – „часто противоречат один другому, и различные типы гностиков противостоят друг другу“ [1: 107-132]. Итак, вышеназванные идеологии, исторически не раз выступавшие как непримиримые антагонисты, суть не более чем „интеллектуальные символы“, за которыми скрывается существо современности – „гностицизм“.

Не надо далеко ходить за примерами возмущения тех же самых либералов. Литовский философ Леонидас Донскис в своей книге „Формы ненависти“ (правда, не упоминая Вогелина) марксизм считает одной из таких форм и отвергает любые параллели между марксизмом и либерализмом [2: 171]. В условиях господства либеральной идеологии тезис Вогелина звучит почти что кощунственно, особенно если принять во внимание тенденцию ассоциировать марксизм – официальную идеологию СССР – с негативными аспектами истории Литвы периода советской оккупации. Но является ли кощунством видеть в либерализме „ступеньку к марксизму“ для христианского сознания? Вместе с десятками тысяч своих соотечественников философ Антанас Мацейна от большевизма бежал на либеральный Запад. В разгар сталинского террора он пишет статью, название которой говорит само за себя – „Путь либерализма к большевизму“ [3]. Однако для нас гораздо более важным является не либеральное, а другое возмущение.

Его выражают представители „исторического“ гностицизма, претендующие на преемственность античной гностической традиции. Глава „Гностической Церкви“ Стефан Хеллер бьет по самому ядру тезиса Вогелина когда утверждает, что нет ничего более чуждого историческому гностицизму, чем секулярная эсхатология и сотериология „гностическими“ именуемых доктрин. Описываемая Вогелином „имманентизация“ трансцендентного является чем-то совершенно противоположным „истинным“ гностическим доктринам, безоговорочно отвергающим всякую возможность спасения внутри исторического мира [4: 175-191]. Действительно, в дуалистической метафизике современного раннему христианству гностицизма материальный мир – творение несовершенного Демиурга – в конечном счете был обречен на полное уничтожение; ни о какой „имманентизации“ конечных целей в таком мире не могло быть и речи. И все же в этой дуалистической метафизике присутствовал монистический элемент, в ней было место, где имманентизм обретал свои права. Место это – душа человека. Конечно, не каждого человека, не „гилика“ и не „психика“, каких подавляющее большинство, а „пневматика“, человека „духовного“, в котором кроется частица божественной субстанции. Душа такого человека и есть „место“, в котором гностическая метафизика имманентизирует трансцендентное. Прорыв в трансцендентное, совершаемый свободной волей в акте *веры*, объявляется уделом „психиков“ (т.е. „рядовых“ христиан), тогда как духовная элита, пневматики, приобщаются к божественному посредством

особого знания, „гнозиса“. Не вера, а знание становится путем к спасению или (по гностической терминологии) к „освобождению“. Не вера в невидимое, а умозрению, интеллектуальному видению открывающаяся панорама божественного ведет гностика. Если под гностицизмом понимать в первую очередь эту специфическую, с первых веков христианства его сопровождающую экзистенциально-духовную установку, если вместе с Вогелином в гностицизме видеть „преодоление той неуверенности, которая лежит в самой природе христианства“, то историю дехристианизации Запада, его духовный путь от хилиастического пророчества Иоахима до коммунистического пророчества Маркса действительно можно рассматривать как путь гнозиса, как перманентную попытку обрести „уверенность помимо веры“. Идейная история евразийского движения, кульминационной точкой которой стал т.н. „Клармарский раскол“ (1929 г.) и (в газете „Евразия“ свершившаяся) „полная капитуляция перед западничеством и перед западным коммунизмом, в частности“ [5: 19], является, на наш взгляд, одной из исторических иллюстраций тезиса Вогелина. Центральной фигурой в идейной трансформации евразийства стала фигура Льва Платоновича Карсавина (1892-1952).

Карсавин присоединяется к евразийству в 1925 году, когда движение уже вело счет своих первых интеллектуальных потерь. Главным образом из-за несогласий с Петром Савицким от евразийства отошел Георгий Флоровский. Его уход и присоединение к движению Карсавина знаменует важнейшую веху в идейной истории евразийства, изменение вектора в религиозной составляющей евразийской мысли. Это изменение можно сравнить с отказом от августинианской концепции двух градов в той интерпретации идейной истории Запада, которую видим у Вогелина.

Обратимся к последнему „евразийскому“ тексту Флоровского и первому „евразийскому“ тексту Карсавина. Оба они являются критикой католичества. Здесь для нас не важно, насколько справедливы обвинения евразийских авторов, выдвигаемые против

самой большой христианской конфессии. Важно то, что Карсавин обвиняет католичество *в том, в отсутствии (или недостаточности) чего* его обвинял Флоровский – в разделении сфер „трансцендентного“ и „имманентного“. Для Флоровского католичество было слишком посягательным и заземленным. „Обмирщенное христианство“ [6: 172] – таков его вердикт. Для Карсавина, напротив, католичество – слишком „дуалистично“: „Католическое понимание веры позволяет определить католичество как *дуалистическую форму* христианства, и (что то же самое) отметить в нем *недопонимание и недооценку Богочеловечества* или отречение от Иисуса Христа“ [7: 99]. В лице Карсавина произошла встреча евразийства с метафизикой всеединства, непримиримым оппонентом которой был Флоровский: „Бытие не есть ‚всеединство‘, не есть ‚органическое целое‘, ибо оно разорвано зиянием и бездною между абсолютным и тварью; и эти два мира соединены между собою только ‚причинностью через свободу‘“ [8: 204]. Но именно „зияние и бездна между абсолютным и тварью“ и есть то, против чего направлено острие критики Карсавина. Парадоксальным образом критика католичества как у Флоровского, так и у Карсавина во многом могла быть обращена против своего православного коллеги. „Разорванность“ бытия у Флоровского, смотря из перспективы метафизики всеединства, очень напоминала то, что Карсавин называл католическим „дуализмом“. С другой стороны, метафизика всеединства, несомненно, является одним из вариантов „соблазна религиозно-исторического имманентизма“ [6: 171-172], о котором в „Двух заветах“ предупреждал Флоровский. В этой статье был подвергнут критике и основатель русской традиции философии всеединства Владимир Соловьев. Вообще критика собственно католичества занимает меньшую часть последней „евразийской“ статьи Флоровского, в которой можно видеть грозное предупреждение самому евразийству. В письмах Николаю Трубецкому Флоровский не раз резко высказывался по поводу „натурализма“ Савицкого [9]. „Соблазн религиозно-исторического имманен-

тизма“, перед которым (по мнению Флоровского) не устоял католицизм, давал о себе знать в этом натурализме. Но это был натурализм экономиста и географа. Благодаря философскому дару Карсавина тенденция, которой на первом этапе идейной истории евразийства противостоял Флоровский, обретет новое качество. „Соблазн“ примет форму карсавинской концепции мира как „становящейся Церкви“, концепции, по сути дела освящающей исторический процесс.

Ряд работ, написанных Карсавиным в период его присоединения к движению евразийцев, показывает, какое мироощущение с приходом Карсавина будет все более укреплять свои позиции в евразийстве и в конце концов приведет движение к газете „Евразия“ и расколу 1929 года. В книге „О началах“ Карсавин так описал отношение между божественным и тварным: „Сначала (не в смысле времени) только Бог; затем Бог, ограничивающий и уничтожающий себя в своем самоотчуждении в твари; Бог-Творец, ограниченный своей тварью, и тварь, становящаяся Богом в своем самоутверждении. Далее, *только* тварь, которая полностью становится Богом, Всеблагостью и поэтому ‚снова‘ *только* Богом, который восстанавливает себя в твари и через нее и который был им восстановлен“ [10: 48]. В статье „О сущности православия“ тварный мир объявляется теофанией (богоявлением), которая в свою очередь не что иное как – само Божество, только „умаленное“: „Теофания – само Божество, но не в Себе и не в полноте и неизменности Своей. Теофания всегда – некоторая умаленность Божества, большая или меньшая, а следовательно, имеющая начало и конец, т.е. тварное. (...) Теофания существует только в твари, которая вне теофании – ничто. Таким образом, теофания есть само Божество, поскольку Оно являет Себя в своей твари, т.е. творит, создает ее, и поскольку тварь свободно Его приемлет“ [11: 166]. Хотя тварь здесь наделяется „свободой“, очевидно, что это не та свобода, которая трансцендирует „бездну“ между тварью и абсолютным в понимании Флоровского. „Свобода“ здесь имманентна самому божественному процессу и является

частью „игры Бога с самим собой“ [12: 384] – так (весьма метко) Николай Лосский охарактеризовал написанную Карсавиным картину отношений между Божественным и тварным бытием. „Свобода“ в карсавинской теологии *несвободна* сказать „нет“ Богу. Она свободна только „принять“ Бога – в „большей или меньшей“ степени. Но если так, то даже самое откровенное и свирепое богоборчество должно быть объявлено „недостаточной“ (или „неосознанной“) любовью к Богу. Если так, то даже в уничтожающей Церкви Христову коммунистической власти надлежит видеть власть просто „недостаточно“ христианскую. Особенно, если признать, что „и коммунизм, и советская церковь выполняют многое из того, что могли и должны были выполнить русское государство и русская церковь“ [11: 208]. Неудивительно поэтому, что в 1925 г. написанной статье Карсавин пришел к выводу, что „современный большевизм недостаточно большевистичен, то есть он – недостаточно русский или же – православно-христианский“ [13: 174].

Приходится согласиться с историком русской философии, что проблема зла есть „Ахиллесова пята“ всякой метафизики всеединства [14: 172]. В случае Карсавина эта проблема стала еще и „Троянским конем“, в котором евразийству была привита изрядная доза советофилии, скандально восторжествовавшей на страницах „Евразии“. Согласно Карсавину, дихотомия „добро-зло“, в которой зло наделяется активной богоборческой волей („злая воля“), свойственна именно западно-христианскому („дуалистическому“) мирозерцанию [7: 140], в то время как православному видению мира открывается, что „все сущее – теофания, все так или иначе выражает абсолютное, причастует абсолютному“. И особенно русский человек „во всяком явлении чувствует что-то Божественное, признает его правоту и прозревает в нем Бога“ [11: 156]. Более чем очевидны концепции Карсавина в евразийском манифесте 1926 года: „Понятно, что появляется принципиально отличное от европейского понимание проблемы зла. На место активно-агрессивной борьбы с ним выступают преодоление его терпении-

ем и вера, что оно само себя уничтожает при свете активно осуществляемого добра“ [15: 29]. Конечно, такую же позицию следовало занять и по отношению к большевизму. Это означало, что на передний план выходила не столько борьба с отрицательными аспектами большевизма, сколько актуализация его положительных потенций. А в числе последних наиболее перспективной казалась Карсавину беспрецедентная социальная активность большевиков, та воля к социальному творчеству, которой не проявило историческое Православие: „До сих пор русский христианин смотрел на греховную эмпирию и пренебрегал ею, не хотел абсолютного дела и презирал относительное. Пассивность, инертность, безразличие к конкретному и реальному – характерный признак русской души, которая спала, как спит родственная ей душа далекого Востока. Только время от времени, на отдельные мгновения, короткие, как лето русского севера и день русской зимы, пробуждается дремлющий дух. Он снова проснулся – теперь в большевизме“ [13: 174].

Как и все евразийцы, Карсавин отвергал идею линейно восходящего прогресса, ярчайшим воплощением которой был марксизм – теоретическая основа большевизма. Однако Флоровский в статье „Метафизические предпосылки утопизма“ (журнал „Путь“, 1926 г.), вполне возможно, имея в виду и тенденции евразийской мысли, обратил внимание на более утонченную форму утопизма, когда идеал выносятся за пределы эмпирической истории, но при этом сам исторический процесс все-таки мыслится как неумолимое приближение к идеалу – в таком случае абсолютизируется не какая-нибудь историческая эпоха, а *вся история* [8: 276]. Но именно с таким пониманием истории мы сталкиваемся в брошюре Карсавина „Церковь, личность и государство“, которую Евразийское книгоиздательство выпустило в 1927 г. „Мир становится Церковью“ [16: 428], „все время развивается и совершенствуется в нее, всегда совершенную“ [16: 416]. По ходу этого *развития* „в каждую новую эпоху Церковь являет миру новые стороны своей Истины, именно эту

эпоху взыскиваемые“ [16: 416]. Такой историософией проникнут и манифест 1926 года: „Царство Божие осуществляется в мире: мир входит в него и в нем не исчезает, а преобразуется“ [15: 25]. „В идеале и в существе своем весь мир – единая соборная вселенская Церковь...“ [15: 34]. Сравним религиозно-исторический имманентизм Карсавина с трансцендентизмом Флоровского: „История мира *не есть развитие*, не есть роковое разворачивание наследственно-врожденных задатков, *но подвиг*, бесчисленный ряд свободно-чудесных касаний Божественной Славы, чудесных встреч человека с Богом“ [8: 286]. К сожалению, писал это Флоровский уже не в евразийских изданиях. На страницах же последних мир вращался в Церковь: „Смысл существования мира, само, можно сказать, его бытие – только в том, что он *должен свободно* возрасти и *свободно возрастает* в Тело Христово или Церковь“ [16: 414]. Сам Карсавин свое учение считал строго православным. Однако Флоровский находил, что оно „имеет слишком мало общего с историческим Православием“ [17: 222]. Очень высоко Карсавина оценивающий автор считает, что его учение „является оригинальным развитием гностической религиозно-философской парадигмы“ [18: 125-138]. Следует с ним согласиться. В метафизике и историософии Карсавина привилегированное положение „избранных“, которое в античном гностицизме отводилось горстке духовной элиты, стало достоянием всех людей и всего мира. Принцип всеединства, примененный к Богу и тварному миру, включал последний в божественный процесс Жизни-чрез-Смерть. Укорененность в Божественном стала источником того метафизического оптимизма (по Вогелину, „уверенности“), который призывал „радоваться и веселиться“ [7: 154] при виде гонений на Церковь в СССР. Ведь за поверхностью явлений гнозис открывал истинное положение вещей – мир „свободно возрастает“ в Тело Христово. И возрастает он со всем своим антихристианским пафосом, одним из главных выразителей которого является марксизм.

„Жизнь-чрез-Смерть“ является и фундаментальным принципом всякой

личности, в том числе и „симфонической личности“ России-Евразии. В революционном процессе погибает старая „индивидуация“ этой личности и рождается новая. При этом остатки бывшего правящего слоя (большая часть антисоветски настроенной „белой“ эмиграции) – не более чем „живые мертвецы“ [19: 194]. В 1930 г. Трубецкой писал Савицкому: „Правда кламарцев заключалась именно в том, что они осознали ту бездну, которая отделяла прежнее евразийство от реальной, живой и развивающейся современной русской культуры“, с сожалением добавляя, что „примкнуть к этой новой культуре мы не можем, не перестав быть самими собой“ [20]. А возглавляемое Карсавиным „левое“ евразийство попыталось примкнуть к этой новой культуре. Для большинства его лидеров попытка эта закончилась трагически – в сталинских тюрьмах и лагерях. А в 1928-1929 гг. „левое“ евразийство протягивает руку официальной идеологии „нового правящего слоя“: „Пути евразийства пересекаются с путями марксизма, и первое позволяет вылучить и освободить от исторической ограниченности правду второго. Правда же эта в том, что марксизм отстаивает монистическое понимание истории и действительности, в том, что он решительно утверждает ценность материальной стихии и, стало быть, конкретного бытия, и в том, что, сам будучи односторонним и отвлеченным, опровергает отвлеченность и призрачность в лице одностороннего спиритуализма. Тело, материя – не иллюзии; конкретная жизнь, хозяйствование не нечто второстепенное и не средство для достижения призрачной отвлеченно-духовной жизни. Все это – осуществление духа, единственные возможные и реальные его проявления. Все это обладает столь же абсолютной ценностью, что и дух, и в каком-то смысле вечно“ [21: 3]. Здесь перед нами – борец с метафизическим дуализмом. И проповедник социального активизма: „И тут мы сразу же сталкиваемся с основным фактом – с титаническим жизнеощущением русской формации социализма. В советском социализме явен могучий творческий порыв. Это стремление создать новую жизнь,

новое общество, новое государство, притом создать немедленно, не дожидаясь, пока до них доплетется старушка-история, но предельно напрягая все живые и творческие силы. (...) В русской революции следует выделить как безусловно положительное и ценное пафос социально-политического творчества“ [22: 1]. Вогелину остается констатировать: „Гностицизм самым эффективным образом высвободил человеческие силы для строительства цивилизации...“ [1: 131].

Так „соблазн религиозно-исторического имманентизма“ привел к союзу с марксизмом на базе „монистического понимания истории и действительности“. Христианский гнозис „мира как становящейся Церкви“ снизошел до похвального слова гнозису антихристианскому. Путь от Иоахима до Маркса был пройден за несколько лет.

References:

1. Voegelin, E. The New Science of Politics. Chicago, London. 1952. University of Chicago Press.
2. Donskis, L. Neapykantos formos: Įaudrinta vaizduotė modernioje filosofijoje ir literatūroje. Vilnius. 2007. Versus aureus.
3. Maceina, A. „Liberalizmo kelias į bolševizmą“, Aida, 1948. Nr. 13. p. 156-162.
4. Hoeller, S. Gnosticism: new light on the ancient tradition of inner knowing. Wheaton, Illinois. 2002. Quest Books: The Theosophical Publishing House.
5. Alekseev, N., Il'in, V., Savitskii, P. O gazete „Evraziya“: Gazeta „Evraziya“ ne est' evraziiskii organ [About the newspaper «Eurasia»: Newspaper «Eurasia» is not the Eurasian body]. - Parizh., 1929.
6. Florovskii, G. „Dva zaveta“, Rossiya i latinstvo [«Two covenants», Russia and Latinism]. - Berlin., 1923. Euras. Book publ., pp. 152-176
7. Karsavin, L. „Uroki otrechennoi very“, Evraziiskii vremennik [«Lessons of the renounced faith», Eurasian annals]. - 1925., Book. 4, pp. 82-154.
8. Florovskii, G. Iz proshlogo russkoi mysli [From the past of the Russian thought]. - Moskva., Agraf., 1998.
9. Sobolev, A. „K voprosu o

vnutrennikh treniyakh i protivorechiyakh v evraziistve 1920“. Nauchnyi i obshchestvenno-politicheskii zhurnal [On the question of internal friction and contradictions in Eurasianism 1920, Scientific and political magazine], - 2002., No. 5 (september-october').

10. Karsavin, L. O nachalakh. Opyt khristianskoi metafiziki [On the origins. Experience of Christian metaphysics]. - Berlin., YMCA-PRESS., 1925.

11. Karsavin, L. „O sushchnosti pravoslaviya“, Problemy russkogo religioznogo soznaniya [«On the essence of Orthodoxy», Problems of Russian religious consciousness]. - Parizh., YMCA-PRESS., 1924., pp. 139-211,

12. Losskii, N. Istoriya russkoi filosofii [The history of Russian philosophy]. - Moskva., Vysshaya shkola., 1991.

13. Karsavin, L. „Religioznaya sushchnost' bol'shevizma“ [«The religious nature of Bolshevism»], Zvezda, 1994. No. 7., pp. 170-174.

14. Zen'kovskii, V. Istoriya russkoi filosofii [The history of Russian philosophy]. - Leningrad., 1991., Vol. 2., Ch. 2., EGO.

15. „Evraziistvo: Opyt sistematicheskogo izlozheniya“ [«Eurasianism: Experience of systematic presentation»], in: Savitskii, P. Kontinent Evraziya [The Eurasian Continent]. - Moskva., Agraf., 1997.

16. Karsavin, L. Malye sochineniya [Minor works]. - S.-Peterburg., Aletea., 1994.

17. Florovskii, G. Karsawins „Philosophie der Geschichte“. Der russische Gedanke. 1929, Heft 2.

18. Evlampiev, I. Dva polyusa vospriyatiya Nikolaya Kuzanskogo v russkoi filosofii [The two poles of perception of Nicholas of Cusa in Russian philosophy], Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 2010, No. 5, pp. 125-138.

19. Karsavin, L. „Fenomenologiya revolyutsii“, Russkii uzel evraziistva: Vostok v russkoi mysli [«Phenomenology of the revolution», Russian Eurasianism center: East in the Russian thought]. - Moskva., Belovod'e., 1997., pp. 141-201.,

20. Kaznina, O. D.P. Svyatopolk-Mirskii i evraziiskoe dvizhenie [D.P. Svyatopolk-Mirsky and the Eurasian

Movement], Nachala, 1992, No. 5, pp. 81-88.

21. Karsavin, L. „Evraziistvo i monizm“, Evraziya [«Eurasianism and monism», Eurasia], 1929, No.10.

22. Karsavin, L. „Sotsializm i Rossiya“, Evraziya [«Socialism and Russia», Eurasia], 1929, No. 8.

Литература:

1. Voegelin, E. The New Science of Politics. Chicago, London. 1952. University of Chicago Press.

2. Donskis, L. Neapykantos formos: Įaudrinta vaizduotė modernioje filosofijoje ir literatūroje. Vilnius. 2007. Versus aureus.

3. Maceina, A. „Liberalizmo kelias į bolševizmą“, Aidai, 1948. Nr. 13. p. 156-162.

4. Hoeller, S. Gnosticism: new light on the ancient tradition of inner knowing. Wheaton, Illinois. 2002. Quest Books: The Theosophical Publishing House.

5. Алексеев, Н., Ильин, В., Савицкий, П. О газете „Евразия“: Газета „Евразия“ не есть евразийский орган. Париж. 1929.

6. Флоровский, Г. „Два завета“,

Россия и латинство, с. 152-176, Берлин. 1923. Евраз. кн. изд-во.

7. Карсавин, Л. „Уроки отреченной веры“, Евразийский временник. Кн. 4, с. 82-154, 1925.

8. Флоровский, Г. Из прошлого русской мысли. Москва. 1998. Аграф.

9. Соболев, А. „К вопросу о внутренних трениях и противоречиях в евразийстве 1920-х. гг.“. Научный и общественно-политический журнал, 2002. Nr. 5 (сентябрь-октябрь).

10. Карсавин, Л. О началах. Опыт христианской метафизики. Берлин. 1925. YMCA-PRESS.

11. Карсавин, Л. „О сущности православия“, Проблемы русского религиозного сознания, с. 139-211, Париж. 1924. YMCA-PRESS.

12. Лосский, Н. История русской философии. Москва. 1991. Высшая школа.

13. Карсавин, Л. „Религиозная сущность большевизма“, Звезда, 1994. Nr. 7. с. 170-174.

14. Зеньковский, В. История русской философии. Т. 2. Ч. 2. Ленинград. 1991. ЭГО.

15. „Евразийство: Опыт систематического изложения“, in: Савицкий,

П. Континент Евразия. Москва. 1997. Аграф.

16. Карсавин, Л. Малые сочинения. С.-Петербург. 1994. Алетея.

17. Florowskij, G. Karsawins „Philosophie der Geschichte“. Der russische Gedanke. 1929, Heft 2.

18. Евлампиев, И. „Два полюса восприятия Николая Кузанского в русской философии“, Вопросы философии, 2010, Nr. 5, с. 125-138.

19. Карсавин, Л. „Феноменология революции“, Русский узел евразийства: Восток в русской мысли, с. 141-201, Москва. 1997. Беловодье.

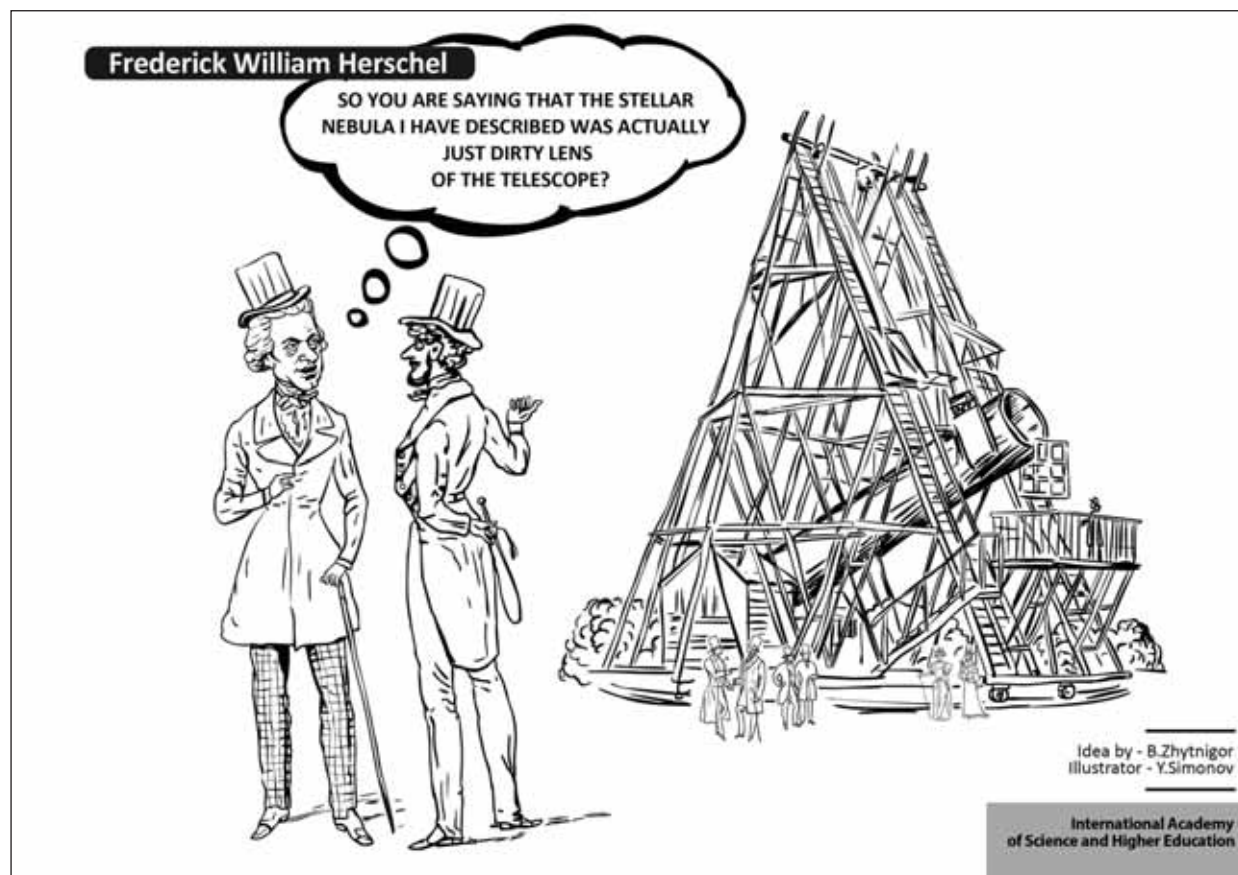
20. Казнина, О. „Д.П.Святополк-Мирский и евразийское движение“, Начала, 1992, Nr. 5, с. 81-88.

21. Карсавин, Л. „Евразийство и монизм“, Евразия, 1929, Nr.10.

22. Карсавин, Л. „Социализм и Россия“, Евразия, 1929. Nr. 8.

Information about author:

Andrius Martinkus - Lecturer, Ph.D. of Philosophy, Vilnius University; address: Lithuania, Vilnius city; e-mail: andriusmartinkus@yahoo.com

XXI CENTURY: «WHAT IS
ENLIGHTENMENT?»

B. Medvedev, Candidate of Mathematical and Physical
sciences, Senior Researcher
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky,
Russia

In the context of Hamlet's question addressing the modern civilization the Enlightenment problem in the 21st century is discussed in connection with the world's humanity spiritual crisis. The Enlightenment's moral mission is emphasized as it confronts the apocalypse of sense. The principle of education through the art language with the artistic cognition imperative, the principle of uncertainty in the cognition determining the trend towards integration of sciences of nature and humanities, the principle of cultural cognition formulating the self-restraint question, the principle of cultural memory phenomenon conservation in the Enlightenment are postulated.

Keywords: 21st century, technogenic civilization, global spiritual crisis, mission and principles of the Enlightenment.

Conference participant

XXI BEK: «ЧТО ТАКОЕ
ПРОСВЕЩЕНИЕ?»

Медведев Б.А., канд. физ-мат. наук, ст. науч. сотр.
Саратовский государственный университет им. Н.Г.
Чернышевского, Россия

В контексте гамлетовского вопроса, обращенного к современной цивилизации, проблематика Просвещения в XXI веке обсуждается в связи с мировым духовным кризисом человечества. Акцентируется нравственная миссия Просвещения, выступающего против апокалипсиса смысла. Постулируются: принцип просвещения языком искусства с императивом художественного познания; принцип неопределенности в познании, определяющим тенденцию к интеграции наук о природе и человеке; принцип культуры познания, в постановке вопроса о мере его самоограничения; принцип сохранения в Просвещении феномена культурной памяти.

Ключевые слова: XXI век, Техногенная цивилизация, Глобальный духовный кризис, Миссия и принципы просвещения.

Участник конференции

*«Просвещение – свет науки и разума,
Согреваемый чистой нравственностью».*

/В. Даль/

Проблематика Просвещения, начиная с XVIII века, не перестает быть актуальной, определяя своим содержанием степень совершенности человечества на каждом из последующих этапов его развития. Ключевым моментам анализа и критики Просвещения были посвящены известные работы Канта [1, с.25-36], Фуко [2], Хоркхаймера и Адорно [3]. Символично, что, по мнению М. Фуко, «...современная философия есть попытка найти ответ на вопрос, так неосторожно брошенный два века назад: что такое просвещение?» [2, с.132]. По оценке Просвещения, данным Хоркхаймером и Адорно, «то, что не желает соответствовать мерицу исчислимости и выгоды, считается Просвещением подозрительным» [3]. Соглашаясь с этим, можно констатировать: символ просвещения превратился в товарную марку, бренд высокотехнологичной цивилизации, рекламирующей потребление; человечество отступило еще дальше от своего совершенства, даже по сравнению с XVIII веком. Проблема, таким образом, заключается в том, чтобы «переместить» Просвещение из плоскости социума без морали в пространство с осями власти, знания и этики. Но, если еще Ф. Шиллер говорил о деперсонализации и дегуманизации человека своего времени, то, что же, можно сказать о

нашем веке? Духовно-нравственный кризис настолько поразили техногенную цивилизацию, что словами Луи де Бройля, «единственная проблема современности заключается в том, сумеет ли человек пережить свои собственные изобретения». Так не становится ли XXI век веком морального и нравственного средневековья высокотехнологичной цивилизации?.. Актуально, что еще в 1752 году Ж.Ж. Руссо на вопрос Дижонской академии: «Содействовали ли науки и искусства улучшению (или порче) нравов» дал негативный ответ. В своем трактате «О влиянии наук на нравы» он писал: «Мы имеем физиков, математиков, химиков, астрономов, поэтов, музыкантов, живописцев. Мы не имеем граждан» [4, с.275].

Шекспировская строчка: «Распалась связь времен» приобретает в XXI веке все более трагическое звучание. «Распалась связь времен» - в изоляции человека от человека, в отчуждении поколений и культур, в раздробленности бытия, в угрозе нашего уподобления строителям Вавилонской башни. «Не познав себя, человек обратился к познанию природы» /А. Швейцер/, оказавшись морально не подготовленным к своим собственным открытиям. Познание мира человеком явилось его тяжелым испытанием, заставляющим его постоянно вспоминать, что «Во многом знании много печали». В свя-

зи с этим нам представляется, что вопросы Просвещения в XXI веке должны ставиться, прежде всего, в связи с духовным кризисом человечества, в контексте гамлетовского вопроса, обращенного к нашей цивилизации.

Актуализация нравственного характера просвещения обращает наше внимание на проблему происхождения нравственности. Предполагая, укорененность нравственного сознания или совести в архетипе мифологического древа познания добра и зла, мы извлекаем его из коллективного бессознательного Юнга, вводя новый уровень в антропоцентрической модели психологической структуры личности [5]. Введение уровня нравственного сознания, как некоей метафизической данности, способствует, на наш взгляд, приближению к понятию духа, в котором одна сторона /по В. Далю/ есть ум, а другая – чистая нравственность.

Таким образом, миссия Просвещения в XXI веке полагается – в обращении к совести человека, как нравственному инстинкту, к совести, толкуемой В. Далем, как «невольная любовь к добру и истине». Миссия Просвещения – в выступлении против апокалипсиса смысла, в утверждении в человеке представления о его космической природе и, следовательно, о космическом характере его познания. И если, следуя Плато-

ну, считать, что мысль о мире содержит весь мир, то пространство просвещения можно представить, как пространство человеческой души, вмещающей в себя «приземленность» ноосферы Вернадского и космичность пневматосферы Флоренского [6]. «Какое, однако, ограничение препятствует просвещению? Какое же, не препятствует, а даже содействует ему?». Эти вопросы Канта из эпохи Просвещения переносятся в XXI век. Но, не безнадежно ли согласно всему историческому опыту говорить о приложении философии к попыткам решения проблем так называемого цивилизованного мира? Разве не приходится согласиться с Г. Мистраль в том, что «человечество страдает хронической потерей памяти»? Не овеществляется ли уже «Дезинтеграция постоянства памяти» С. Дали? Но, в тоже время, разве перестала философия быть сама собой, т.е. любовью к мудрости? Очевидно, что на краю бытия мы с необходимостью обращаемся к метафизике. И если, бытие соткано нитями мыслей, то миссия просвещения в XXI веке в инициировании дискуссии под знаком смысла жизни – дискуссии по предельным вопросам человеческого бытия, восходящего в гносеологии к метафизике нравственных понятий. «Кто мы?.. И «куда мы идем?» Тысячелетия со времен античности не разрешили этих вопросов. Однако, принимая определение философствования по Новалису, «как тяги души повсюду быть дома» [7, с.86], наберемся терпения и согласимся с Данте: «Время не ушло, когда ты ждешь на что-нибудь ответа...».

По мнению автора - Просвещение должно следовать следующим принципам: 1. *Принцип просвещения языком искусства*. Рациональность сужает наше представление о реальности, выраженной только в виде логических структур. Нередко логика не имеет никакого отношения к жизни. «Прекрасное выше всякой логической категории» [8, с.683]. Эстетическое восприятие мира определяет высоту научного поиска. Возможно потому, художественность космического восприятия мироздания Платоном и Пифагором на двадцать веков предшествовала времени возникновения западноевропейской науки. Но картина мира не может быть естественнонауч-

ной или художественной. Она может быть только их единством – миром эмоционального интеллекта, для которого размышление есть лишь метаморфоза переживания.

В стремлении быть доступным, просвещение в отличие от строгого знания нередко обращается к метафоре. Так, например, дар открытия в области космологии может трактоваться, как дар пророчества судьбы вселенной. Общность науки и искусства – в эстетических переживаниях, которые они вызывают. Космическая ориентированность познания от создания телескопа Галилеем до телескопа Хаббла и космичность искусства Рафаэля, Леонардо и Микеланджело говорят нам о будущем человеке, как о символе... Есть «Некий бессмертный инстинкт, гнездящийся глубоко в человеческом духе, — это, попросту говоря, чувство прекрасного» [9, с.725]. По этой причине, художественное познание ближе к постижению истины. Просвещение языком искусства – в средстве выражения мысли через образ, способный донести истину до чувства.

2. *Принцип неопределенности в познании*. Будущее время притягательно для креативной личности в силу indeterminированности его событий. Индетерминизм физики микро- и мегамира и принципиальная неточность познания, присущего наукам о человеке [10] сближают естественнонаучное и гуманитарное знание. Конструкция законов природы не может быть жёсткой. Детерминация любого явления является искусственной. Природа ищет выхода из лабиринта своих собственных законов, и в этом – её непрерываемое творчество. Законы, которые мы устанавливаем, «плывут» в пространстве - времени. И можно утверждать, что бытие не только противится завершенности, но и его образам в нашем мышлении. Чем ближе мы в поисках к истине, тем больше она маскируется. Быть может и потому «...что, близясь к чаемому страстно, /Наш ум к такой нисходит глубине, /Что память вслед за ним идти не властна» /Данте/. Постулируем: Чем ближе к сущности, тем дальше она от дефиниций.

3. *Принцип культуры познания:*

Если креативность есть свобода давать бытие, то она есть риск. В условиях глобального духовного кризиса креативность есть риск стихии необузданных открытий. И здесь, с одной стороны, актуален вопрос о развитии креативности под знаком смысла жизни [11], с другой – вопрос о мере познания. Соблазн познания *всего* есть безумная попытка лишить бытия его потаенности. И в этом контексте великое, «Познай самого себя» отбрасывает тень соблазна лишить жизнь её тайны. В безудержности познания – необузданность человеческих страстей. У Протагора «Человек есть мера всех вещей...», но не полагает ли это применительно к познанию бытия требование некоторой умеренности человека в его исследованиях? В этом контексте вместе с сентенцией Сократа: «ничего сверх меры», вспоминается и другое: «может ли мерить вещи тот, у кого нет мерки даже для себя?» /Плиний Старший/. Но если метафизическое по своей природе нравственное сознание, или совесть есть моральное самоограничение, то разве это не должно касаться, как мышления, так и самого познания? Постулируем: Культура познания – в мере его самоограничения. Принцип культуры познания в своих крайних проявлениях либо возвышает познание до искусства созерцания, либо на своей границе, низводит его до уровня логических абстракций, включая тем самым ментальность Востока и Запада в процессы познания единой картины мира.

4. *Принцип сохранения в Просвещении феномена культурной памяти*. Суть Просвещения, как искусства – в одухотворении, или в творческом изменении протяжённости человеческой души. Но для познающего субъекта познание ограничено его собственным временем. Время – запрет вечности на совершенство. «Человек никогда не дан в полноте своего существа» [12, с.591]. Тем не менее, если следовать феномену культурной памяти и принципу непрерывности, можно утверждать: прошлое и будущее сообитают друг с другом, иначе не было бы и времени настоящего. Сохранение культурной памяти – в устойчивости психологической структуры «Я», корнящейся в коллективном бессознательном К.Г. Юнга. Просвещение одухотворяет прошлое и будущее время. Возьмём же, в кавычки слова

Прошлое и Будущее: они не имеют к природе никакого отношения. Природу не поразить стрелой времени. Разбегающаяся вселенная притягивается к «Я». Но, не является ли тогда заблуждением приписывать прошлому времени пассивность? Разве память не требовательна? Разве она не вызывает? Мышление обязано припоминанию, как память — сердцу. Мышление по Хайдеггеру есть благодарность. «Мышление есть благодарность» [13, с.26] и, следовательно, мышление есть ответственность перед былым и грядущим. И искусство напоминает: Нам не двадцать не тридцать, не сорок, нам — бесконечность плюс двадцать, плюс тридцать, плюс сорок. Мы все в Афинской школе Рафаэля. Мы все в соавторстве с ушедшими и с теми, кто придёт. «Мы — воздухоплаватели ума»/Ф.Ницше/...

Представленные принципы Просвещения, не могут претендовать на полноту. Тем не менее, они, по мнению автора, могут быть вписаны в программы гуманитаризации естественнонаучного знания, способствуя приобщению университетской студенческой среды и аудитории ЮНЕСКО [11] к культурному наследию человечества, формированию гуманистического мировоззрения, основанного на приоритете общечеловеческих ценностей.

И в заключение: Позитивный ответ на гамлетовский вопрос, обращенный к техногенной цивилизации на пороге антропологической катастрофы, заключается только в одном — «в мужестве быть» /по Паулу Тиллиху/, в мужестве, говоря словами М. Фуко «работы с нашими собственными пределами — терпеливого труда, придающего форму нетерпению свободы». Обращаясь к представлениям в «Исповеди» Августина о настоящем прошлом и настоящем будущем времени, можно сказать: Просвещение — в мужестве переживания человеком настоящего прошлого, как памяти, в мужестве преодоления настоящего будущего, как апокалиптического ожидания.

По Бердяеву [14, с.111]: «Есть люди прошлого, люди будущего, люди вечного. Большинство людей живет в тех, или иных разорванных частях времени, и лишь немногие прорываются к вечности, т. е. преодолевают болезнь вре-

мени...». Просвещение — в преодолении «болезни времени». Просвещение — в расширении границ рационального мышления [15, 16], в дополнении «Я» — концепции, отнесенной к психологии креативной личности, принятием тезиса [17]: «Я» — расширяющаяся вселенная. «Я» — расширяющаяся вселенная, как образ, расширяющегося сознания ребенка. «Я» — расширяющаяся вселенная, как отражение расширяющейся вселенной Фридмана и Хаббла, «Я» — расширяющаяся вселенная, как интериоризация космоса в соответствии с представлениями Плотина: «...если мир мог стать еще большим, чем он есть, то и тогда, у души хватило бы сил на все, потому что и тогда он весь содержался бы во всей душе» [18, с.32]. Отождествляя смысл жизни с творчеством, можно полагать: Просвещение есть страсть утверждения нашего существования под знаком смысла жизни, доказательства нашего присутствия, как события, которое может быть только проявлением любви и творчества. «Где нет любви, там нет и истины» /Л.Фейербах/.

References:

1. Kant I. Otvet na vopros... Chto takoe prosveshchenie. 1784. Sochineniya v shesti tomakh [The answer to the question ... What is Enlightenment. Works in six volumes]. — Moscow., «Mysl'», 1966. — (Filosofskoe nasledie) [Philosophical heritage]. Vol. 6., 1966. — 743 p.
2. Fuko M. Chto takoe prosveshchenie? [What is Enlightenment?], Vestnik Moskovskogo universiteta [Bulletin of the Moscow University]., Ser. Filologiya [Philology]. No. 2. — Moscow., 1999., p. 132.
3. Khorkkhaimer M., Adorno T.V. Ponyatie prosveshcheniya, Dialektika prosveshcheniya. Filosofskie fragment [The concept of education, Dialectics of Enlightenment. Philosophical Fragments]. — Moskva., Sankt-Peterburg., «Medium»., «Yuventa»., 1997., pp. 16-60.
4. Servantes, Shekspir, Zh-Zh. Russo, I.-V. Gete, Karleil'; Biogr. Povestvovanie [Biographical narrative]., 2nd ed. — Chelyabinsk., «Ural LTD», 1998., 512 p.
5. Medvedev, B.A. Antropo-

kosmotsentricheskaya model' kreativnoi lichnosti [Anthropo-cosmocentric model of the creative person], Filosofiya v Belarusi i perspektivy mirovoi intellektual'noi kul'tury: Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii k 80-letiyu Instituta filosofii NAN Belarusi [Philosophy in Belarus and the prospects for the global intellectual culture: Proceedings of the International Conference on the 80th Anniversary of the Institute of Philosophy of NAS of Belarus], Minsk., 14–15 april 2011. — Minsk., Pravo i ekonomika [Law and Economics], 2011., pp. 267-269.

6. Perepiska V.I. Vernadskogo i P.A. Florenskogo [Correspondence between V.I. Vernadsky and P.A. Florensky], Novyi Mir [New world]. — Moskva., 1989., No. 2., pp. 194-203.

7. Khaidegger M. Chto takoe metafizika? [What is Metaphysics?], transl. from germ. V.V. Bibikhina. — Moscow., Akademicheskii Proekt [Academic Project], 2007. — 303 p.

8. Losev A.F. Istoriya antichnoi estetiki: Pozdний ellinizm [History of ancient aesthetics: late Hellenism]. — Moscow., Iskustvo [Art], 1980. — 766 p.

9. Po E.A. Stikhotvoreniya i Novelly. Povest' o priklyucheniakh Artura Gordona Pima [Poems and short stories. The story about adventures of Arthur Gordon Pym of Nantucket]. Esse: per. s angl., Edgar Alan Po. — Moscow., AST: AST MOSKVA, 2009. — 765 p.

10. Khaidegger M. Vremya kartiny mira., Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade [Time picture of the world. New technocratic wave in the West]. — Moskva., 1986., pp. 93-119.

11. Medvedev B.A. Obrazovanie uma i serdtsa — gumanisticheskii vektor resheniya global'nykh problem., Kul'turologiya i global'nye vyzovy sovremennosti: k razrabotke gumanisticheskoi ideologii samosokhraneniya chelovechestva [Education for mind and heart - vector of humanistic solutions of global problems./Culturology and global modern challenges: towards the development of the humanist ideology of self-preservation of humanity]. Sbornik nauchnykh statei, posvyashchennyi 80-letiyu E.S. Markaryana [Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of E.S. Markarian]. — Sankt-Peterburg., Publisher SPbKO, 2010., pp.103-107.

12. Mamardashvili M. Estetika myshleniya, Psikhologiya myshleniya [Aesthetics thinking, Psychology of thinking], ed. by Gippenreiter Yu.B., Spiridonova V.F., Falikman M.V., Petukhov V.V. – Moscow., AST Astrel', 2008. – 672 p.

13. Khaidegger M. Chto zovetsya myshleniem? [What is called thinking?], trans. from German. E. Sagetdinova – Moscow., Akademicheskii Proekt [Academic Project], 2007. – 351 p.

14. Berdyaev N.A. Dukh i real'nost' [Spirit and Reality]. – Moskva., OOO «Izdatel'stvo AST»; Khar'kov: «Folio». 2003., 679 p.

15. Maslou A.G. Dal'nie predely chelovecheskoi psikhiki [Distant borders of the human psyche]. – Sankt-Peterburg., «Evraziya», 1999., pp.108-113.

16. Mamardashvili M. Problema ob'ektivnogo metoda v psikhologii [The problem of the objective method in psychology]. <http://www.mamardashvili.ru/Lektsii/2010-03-01-13-56-19.html>

17. Medvedev B.A. Filosofskie problemy obrazovaniya uma i serdtsa Natsional'naya filosofiya v kontekste sovremennykh global'nykh protsessov [Philosophical problems of education of the mind and heart. The national philosophy in the context of global processes]., Materialy mezhdunarod. nauch. konf., Minsk, 16-17 dekabrya 2010 [Proceedings of international scientific conference, Minsk, 16-17 December], Scient. ed. A.A. Lazarevich i dr.; NAN Belarusi, In-t Filosofii. – Minsk., «Pravo i ekonomika», 2011., pp.592-594.

18. Plotin Izbrannye traktaty [Selected treatises], Translated from greek ed by. Prof. G.V. Malinovskogo.,

In 2 vol. Vol. 2. Moscow., Publisher «RM», 1994. – 144 p.

Литература:

1. Кант И. Ответ на вопрос... Что такое просвещение. 1784. Сочинения в шести томах. М., «Мысль», 1966. (Философское наследие). Т. 6.- 1966. – 743 с.

2. Фуко М. Что такое просвещение? //Вестник Московского университета. – Сер. Филология. №2. – М.,1999. – С.132.

3. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Понятие просвещения /Диалектика просвещения. Философские фрагменты. «Медиум» «Ювента». М., С-Пб., 1997. – С.16-60.

4. Сервантес, Шекспир, Ж-Ж. Руссо, И.-В. Гёте, Карлейль; Биограф. Повествование. /2-е изд.- Челябинск: «Урал LTD», 1998. – 512с.

5. Медведев, Б.А. Антропо-космоцентрическая модель креативной личности // Философия в Беларуси и перспективы мировой интеллектуальной культуры: Материалы международной научной конференции к 80-летию Института философии НАН Беларуси, г. Минск, 14–15 апреля 2011 г. – Минск: Право и экономика, 2011. – С. 267-269.

6. Переписка В.И. Вернадского и П.А. Флоренского // Новый Мир. Москва, 1989.– №2. – С.194-203.

7. Хайдеггер М. Что такое метафизика? /пер. с нем. В.В. Библихина.– М.: Академический Проект, 2007. – 303с.

8. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Поздний эллинизм. – М.: Искусство, 1980. – 766с.

9. По Э.А. Стихотворения и Навеллы. Повесть о приключениях Ар-

тура Гордона Пима. Эссе: пер. с англ. /Эдгар Алан По. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 765с.

10. Хайдеггер М. Время картины мира. /Новая технократическая волна на Западе. М., 1986.- С. 93-119.

11. Медведев Б.А. Образование ума и сердца – гуманистический вектор решения глобальных проблем. / Культурология и глобальные вызовы современности: к разработке гуманистической идеологии самосохранения человечества. Сборник научных статей, посвященный 80-летию Э.С. Маркаряна.- СПб.: Изд-во СПбКО, 2010. – С.103-107.

12. Мамардашвили М. Эстетика мышления / Психология мышления, под ред. Гиппенрейтер Ю.Б., Спиридонова В.Ф., Фаликман М.В., Петухов В.В. – М.: АСТ Астрель, 2008. – 672с.

13. Хайдеггер М. Что зовется мышлением? / пер. с нем. Э. Сагетдинова – М.: Академический Проект, 2007. – 351с.

14. Бердяев Н.А. Дух и реальность. М.: ООО «Издательство АСТ»; Харьков: «Фолио». 2003. – 679с.

15. Маслоу А.Г. Дальние пределы человеческой психики. // «Евразия», С-П, 1999.– С.108-113.

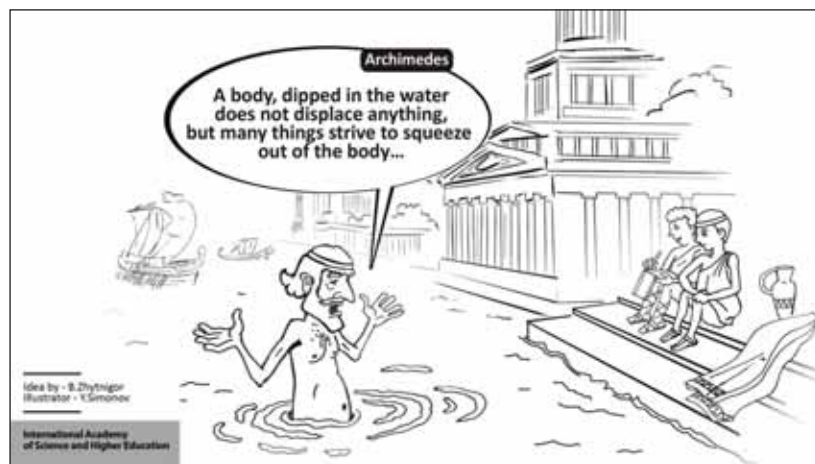
16. Мамардашвили М. Проблема объективного метода в психологии. <http://www.mamardashvili.ru/Lektsii/2010-03-01-13-56-19.html>

17. Медведев Б.А. Философские проблемы образования ума и сердца Национальная философия в контексте современных глобальных процессов: Материалы международ.науч. конф. Минск, 16-17 декабря 2010 /Науч.ред. совет: А.А. Лазаревич и др; НАН Беларуси, Ин-т Философии. Минск: «Право и экономика», 2011.- С.592-594.

18. Плотин Избранные трактаты / Перевод с древнегреческого под ред. Проф. Г.В. Малиновского./ В 2-х томах. Том.2. М.: Издательство «РМ», 1994. – 144

Information about author:

Boris Medvedev - Candidate of Mathematical and Physical sciences, Senior Researcher, Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky; address: Russia, Saratov city; e-mail: bmedvedev@yandex.ru

THE SPECIFICITY OF MEANING OF LIFE IN TERMS OF GLOBALIZATION

Z. Maksyutova, Candidate of Philosophy, Associate Professor,
Head of a Chair
Tyumen State University, Russia

The author analyzes the problem of the meaning of human life in the context of globalization. The author considers the category of «the meaning of life» as a philosophical problem. Loss of sense of modern life is considered at two interrelated levels (macro and micro level). The main areas of influence of information technologies on the person are shown.

Keywords: meaning of life, globalization, information technology.

Conference Participant, National Research Analytics Championship,
Open European-Asian Research Analytics Championship

СПЕЦИФИКА СМЫСЛА ЖИЗНИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Максютова З.Г., канд. филос. наук, доцент
Тюменский государственный университет, филиал в г.
Новый Уренгой, Россия

В статье анализируется проблема смысла жизни человека в условиях глобализации. Рассматривается категория «смысл жизни» как философская проблема. Утрата смысла жизни современным человеком рассматривается на двух взаимосвязанных уровнях (макро-уровень и микроуровень).

Ключевые слова: смысл жизни, глобализация, информационные технологии.

Участник конференции Национального первенства по научной аналитике
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

В зависимости от выработанных традиций, историко-культурных форм освоения мира каждая эпоха, каждое поколение ставили проблему смысла человеческой жизни и по-своему решали ее. Современная эпоха не является исключением: человеку «угрожает утверждение бессмысленности его жизни, или экзистенциальный вакуум» [8, 119]. Еще более категорично характеризует личность Фромм Э.: «Современный человек превратился в товар... Он отчужден от самого себя...» [8, 164]. Экзистенциальная ситуация современной цивилизации актуализирует проблему смысла жизни человека. Сегодня этот традиционный вопрос личностного характера перерастает в глобальный – в проблему смысла жизни Рода человеческого, сохранения самой жизни. В настоящую же эпоху метафизические структуры, объяснявшие мир и человека на протяжении более двух тысячелетий, рухнули. Религиозные ценности утратили в человеческом сознании свое безусловное значение. Тем самым современный человек оказывается в трагической ситуации, когда смысл жизни, единство мира и человека, укорененность человека в бытии разрушаются. По словам А. Камю, человек «выпадает из мира», становится в нем «посторонним».

Как нам кажется, можно рассматривать проблему утраты смысла жизни современной личностью на следующих взаимосвязанных уровнях: 1) макроуровень (социально-культурные смыслы) и 2) микроуровень (индивидуально-личностный смысл). Однако следует заметить, что личность и

общество (микроуровень и макроуровень) выделяется только на теоретическом уровне, в действительности они взаимосвязаны.

Анализируя первый уровень, необходимо учитывать тот факт, что современная эпоха – это переход от локальных культурных сообществ к единому глобальному миру. Действительно, существование современной личности протекает в уникальных условиях, связанных с разворачиванием информационной, телекоммуникационной технологий, а также появлением глобальных проблем современности (экологической, демографической, продовольственной, истощения ресурсов, наркомании, нравственной и духовной деградации и пр.). Масштабы этих проблем позволяют говорить о цивилизационной катастрофе [2], подтверждаемой мировым кризисом. Большинство из этих проблем являются антропогенными. Вполне естественно, что проблема смысла жизни приобрела в наше время актуальность и значимость именно в ее личностном аспекте, поскольку в связи с перспективой глобальной экологической катастрофы особую значимость приобретает проблема осознанного выбора смысла жизни. Понятие глобализации описывает «процессы, представляющиеся самопроизвольными, стихийными и беспорядочными» [1]. Следовательно, человек утратил контроль над большинством значимых глобальных процессов. В связи с этим возрастает неопределенность и прогрессирующая незащищенность личности перед лицом неконтролируемых ею перемен. Наконец, возникающее в таких условиях стремление личности

отказаться от достижения перспективных целей ради получения немедленных результатов, в конечном счете, приводит к дезинтеграции как социальной, так и индивидуальной жизни. В таких условиях проблема для личности заключается в снижении возможностей контролировать собственную судьбу, возрастании неопределенности будущего, что является «более комплексным дискомфортом, наряду с отсутствием безопасности, включающим в себя неопределенность и незащищенность» [1]. Как следствие, начало XXI века характеризуется, с одной стороны, стремительным усложнением экономических, социальных и технологических процессов, а с другой – все более явной фрагментированностью человеческого существования.

В конце XX века результаты компьютерной революции связывали с радужной перспективой построения постиндустриального общества, когда развитие электронных коммуникаций откроет неограниченные возможности для самореализации человека. В определенной мере это привело к распространению идеологии технологического детерминизма, рассматривающего массовые коммуникации в ракурсе однозначно положительного явления технологического прогресса. Однако в настоящее время стало понятно неоднозначность развития массовых коммуникаций в контексте их влияния на современного человека. Одним из первых на возникновение виртуальной зависимости обратили внимание английский психолог М. Гриффитс и фантаст К. Саймак, предупреждавшие о том, что под влиянием

янием техники общество и мировосприятие теряют человечность.

Главными негативными последствиями распространения новейших средств коммуникации являются: 1) подмена виртуальной реальностью реального мира; 2) интернет-зависимость, порождающая явление депривации; 3) электронная демократия, многообразие интерактивного общения, свобода творческой самопрезентации, сменяющиеся информационным шоком, информационными перегрузками и технострессами; 4) эскапизм; 5) игровая зависимость и др.

Понятие депривации рассматривается здесь в психическом (отставание эмоционального и личностного развития) и социальном (недостаточность выполнения социальных ролей и сужение социальных контактов человека) аспектах. Психосоциальная депривация в результате виртуальных взаимодействий заключается в ограничении возможностей для личностного развития человека, сопровождающемся его десоциализацией, социальной дезадаптацией. Важным последствием психосоциальной депривации при интернет-общении становится недостаток живого общения, а также появление социально-психологического преследования как формы нежелательного вторжения в жизнь индивида.

В таких условиях новой и важной областью исследования в социальной философии становится изучение особенностей развития личности и процесса коммуникаций в условиях опосредования основных видов деятельности человека через новые информационные технологии. Основной проблемой является противоречивость последствий влияния на человека информационных технологий и их проникновения в повседневную и частную жизнь. Некоторые авторы отмечают, что в условиях глобального внедрения информационно-коммуникативных технологий происходит формирование («виртуальной личности»). Главной чертой такой личности является универсальная коммуникативная способность. Процесс социализации человека все чаще сопровождается электронными масс-медиа и интернетом, в которых человек усва-

ивает паттерны поведения, социальные нормы и ценности современного общества.

Сущность происходящих трансформаций заключается в изменении роли информации в современном мире, способов и средств ее передачи, а также в механизмах оперирования информационными ресурсами. В условиях глобализации, личность стремительно «врастает» во все более высокие технологии (hi-tech), а они «врастают» в личность. Информационно-коммуникативные технологии являются лишь первыми проявлениями этого глобального процесса. Но уже сейчас они серьезно влияют на жизнь личности. Нариньяни А.С. указывает на сотовую зависимость, люди, потеряв телефон, испытывают стресс, постоянную раздражительность и склонны проявлять немотивированную агрессию. Более того, он справедливо замечает следующее: «Потерю личного компьютера можно сравнить с серьезной инвалидностью, урон может быть невосстановим: контакты, архивы за многие годы, тексты, фотографии, музыка... - утрата огромной части личности» [5].

Другим символом глобализации является Интернет, представляющий безграничные возможности реализации человека в науке, искусстве, бизнесе, а может быть, и в личной жизни. Интернет сравнивается со своего рода электронным мозгом, коллективным разумом, сфера блогов – с внутренним голосом, отражающим мышление всей Сети, а эпоха становления Интернета новым осевым временем истории всего человечества. Более того, одним из основных свойств среды обитания личности становится глобализация личного контакта. С точки зрения классических определений структуры реальности, некоторые авторы предлагают феномен виртуального мира назвать своеобразной «третьей природой» - наряду с первой (nature) и второй (society). Виртуальность современного бытия действительно стала одной из решающих проблем глобализации [7].

Глубина проникновения виртуальности в социальную и индивидуальную жизнь позволяет говорить о «виртуализации» общества. На самом

деле, можно говорить о «виртуализации» современной личности, поскольку средства массовых коммуникаций создают для личности реальность, в которой она живет. Для личности опасность кроется здесь в том, что нарастает реалистичность сетевой идентичности, когда пользователи скрывают себя за масками искусственно созданных придуманных виртуальных биографий, псевдоидентичностей для сетевой жизни, которая «не может заменить реальную, но может являться отдушиной для своего рода «пробного» формирования и использования различных Я-образов, которые человек хотел бы иметь, но не осмеливался выставить напоказ под оценивающим взгляд «Другого» [6]. У пользователей информационных сетей, проводящих значительную часть жизненного времени в виртуальном пространстве, возникают новые интересы, мотивы, цели и установки.

Следовательно, сетевую жизнь можно отнести к форме эскапизма, когда личность не имея возможности реализовать себя в реальной жизни прибегает к виртуальной. Это объясняется тем, что современная личность вынуждена постоянно изменяться в глобальном мире. В итоге становится «гражданином мира» под влиянием чужеродных социокультурных влияний и необходимости подстраиваться к новой картине мира. Все эти факторы приводят к возникновению у личности чувства «бездомности», приводящие к формированию эсхатологических представлений, обостренному чувству своей причастности к общемировым процессам [6].

Трудно не увидеть, что настала эпоха массового человека, когда жизнь подчинена стандартам, приводящим к унификации, душевному однообразию. Все это мешает проявиться творческому самовыражению, саморазвитию личности, умеющей ориентироваться в мире духовных ценностей, имеющей собственный взгляд на происходящее и направленность на его преобразование, стремящейся к саморазвитию, а не к потребительству.

В условиях технологизации повседневной культуры значительные изменения претерпевает процесс социального познания или репрезен-

тации человеком объектов внешнего мира. Анализируя современную культуру, можно проследить влияние средств массовой коммуникации на процесс вытеснения традиционной гуманитарной культуры прошлого современной мозаичной. Отличие этих культур в том, что гуманитарная была сформирована под воздействием рационально организованного процесса познания через установившуюся систему образования, а мозаичная формируется под воздействием непрерывного и беспорядочного потока информации. В противовес классическому методу гуманитарного познания в современном обществе и типе культуры процесс формирования «багажа знаний» индивида претерпевает существенные изменения. Современный человек открывает для себя окружающий мир по законам случая, когда не происходит ценностного отбора и структурирования опыта как в случае направленного процесса познания, реализуемого через систему образования.

Современные информационные технологии (мультимедиа, искусственный интеллект и т.п.) способны проникать, прежде всего, в сферу духовных повседневных практик человека. Тем самым современные информационные технологии выполняют культурогенную функцию, проникая во все механизмы социального познания, массовой коммуникации, образование, воспитание и оказывают влияние на формирование личности, образ жизни, систему межличностного общения. Кроме того, они выполняют гносеогенную функцию, которая заключается в совокупности осуществляемых с их помощью процедур и операций, влияющих на познание и содействующих приросту знаний. Основным результатом внедрения современных информационных технологий – радикальное изменение духовно-практической деятельности и культурно-творчества.

С другой стороны, прирост новых знаний, значений и смыслов позволяет индивиду конструировать свой индивидуальный мир, связанный с поверхностным или мозаичным воспри-

ятием окружающего мира, замещением духовной культуры узкопрофессиональными знаниями, деформацией досуга, ориентацией на развлекательность, вытеснением реального живого общения, изменением характера человеческого мышления от творческого к инструментальному и формализованному.

Массовая культура вкупе с информационными технологиями становится одним из мощных средств трансляции современных западных ценностей, формируя новый тип сознания и личности. Личность, осваивая поликультурность, выступает как субъект концентрации, аккумуляции разнообразия мировой культуры через те или иные формы диалога и одновременно превращается на этой основе в субъекта, формирующего разнообразие. Степень выживаемости современного человека зависит именно от преодоления усложнения мира. Не последнюю роль в этом процессе играет рост личной коммуникабельности как личной ценности и интенсификация коммуникаций, под которой понимают возрастающие по масштабам и скорости изменения содержания общения людей как носителей разных языков, разных культур. Сближение границ и культур предъявляет новые требования к диалогу культур, что проявляется в адаптации людей к новым условиям, к иной культуре, к иному образу жизни. С другой стороны, это – стимул повышения способности людей к решению все более сложных проблем, дальнейшего саморазвития человека, общества, изменяющего свою социокультурную среду.

Другая фундаментальная проблема, которую следует рассмотреть в контексте вхождения новых способов коммуникации в повседневную жизнь, связана с механизмами их влияния на человека. Основная идея заключается в том, что любой новый инструмент направлен не только вовне, на объекты человеческой деятельности, но вовнутрь самого субъекта, меняя структуру его деятельности или порождая новые ее формы. Вторая идея состоит в том, что, расширяя возможности, технические средства одновременно подчиняют человека, вызывая различ-

ный спектр отношений – от глубокой зависимости и неприятия до восторженного восхищения или иррационального страха.

Емелин В. А., Тхостов А. Ш. в качестве отправной точки для осмысления современной реальности предлагают применить концепцию Маршала Маклюэна, основывающуюся на понимании медиа как внешних расширений человека или русского философа П. А. Флоренского, констатирующего, что орудия расширяют область нашей деятельности тем, что они продолжают наше тело. Однако эти мыслители и предположить не могли, что информационные технологии смогут стать продолжением высших психических функций, создавая новые формы мышления, памяти, внимания и даже новые потребности.

Действительно, предельно расширив мир человека, уничтожив пространственно-временные границы, сделав возможным мгновенный доступ к любой востребованной информации, новейшие технологии фактически сделали человека своим придатком. Фактор владения и умения пользоваться новыми технологическими медиумами становится условием социального статуса человека, в обратном случае он характеризуется некомпетентным человеком.

На основе сказанного можно сделать вывод, что смысложизненная парадигма имеет место во всех течениях и направлениях философской мысли, начиная с древности. Реальность нашего времени коренным образом отличается от прошлого состояния человечества. Никогда еще человек, думающий о смысле жизни, не исходил из знания о возможности ее глобального исчезновения. Дальнейшее развитие человека и общества требует анализа смысложизненной проблематики в связи с принципами ненасилия, ответственности, единого планетарного сознания, толерантности в условиях глобальных проблем. Специфика смысла жизни человека в условиях глобальных проблем современности состоит в придании статуса этического критерия смысложизненному определению в выборе путей развития человека и общества.

References:

1. Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo [The individualized society]. trans. From English. – Moscow, Logos, 2002.

2. Bachinin V.A. Individualizirovannoe obshchestvo [The individualized society], translated from English, Moscow., Logos, 2002.

3. Demina M.N. Izmeneniya v kognitivnykh praktikakh individov pod vliyaniem novykh informatsionnykh tekhnologii [Changes in cognitive practices of individuals under the influence of new information technologies], Sotsiologicheskie issledovaniya [Sociological studies], 2010. No. 6., pp. 87-93.

4. Emelin V.A., Tkhostov A.Sh. Tekhnologicheskie soblazny informatsionnogo obshchestva: predel vneshnikh rasshirenii cheloveka [Technological temptations of the information society: the limit of human external extensions], Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 2010. No. 5., pp. 84-90.

5. Narin'yani A.S. Mezhduevolutsiei i sverkhvysokimi tekhnologiyami: novyi chelovek blizhaishego budushchego [Between

evolution and ultra-high technology: the new man of the near future], Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 2008. No. 4., pp. 8-13.

6. Trufanova E.O. Identichnost' i Ya [Identity and I], Voprosy filosofii [Problems of Philosophy], 2008. No. 6., pp. 103-109.

7. Uvarov M. S. Chelovek v vek televideniya, komp'yutera i Interneta [The man in the age of television, computers and the Internet], Voprosy kul'tu-rologii [Problems of Culturology], 2005., No. 7., pp. 14-18.

8. Frankl V. Volya k smyslu [The will to the meaning]., Translated from English - Moskva., 2000., pp. 26-52.

9. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man in the search for the meaning]. - Moskva., 1990., p. 324

Литература:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. Пер. с англ. М.: Логос, 2002.

2. Бачинин В.А. Индивидуализированное общество // Пер. с англ. М.: Логос, 2002.

3. Демина М. Н. Изменения в когнитивных практиках индивидов под

влиянием новых информационных технологий // Социологические исследования, 2010. № 6. С. 87-93.

4. Емелин В.А., Тхостов А.Ш. Технологические соблазны информационного общества: предел внешних расширений человека // Вопросы философии, 2010. № 5. С. 84-90.

5. Нариньяни А.С. Между эволюцией и сверхвысокими технологиями: новый человек ближайшего будущего // Вопросы философии, 2008. № 4. С. 8-13.

6. Труфанова Е.О. Идентичность и Я // Вопросы философии, 2008. № 6. С. 103-109.

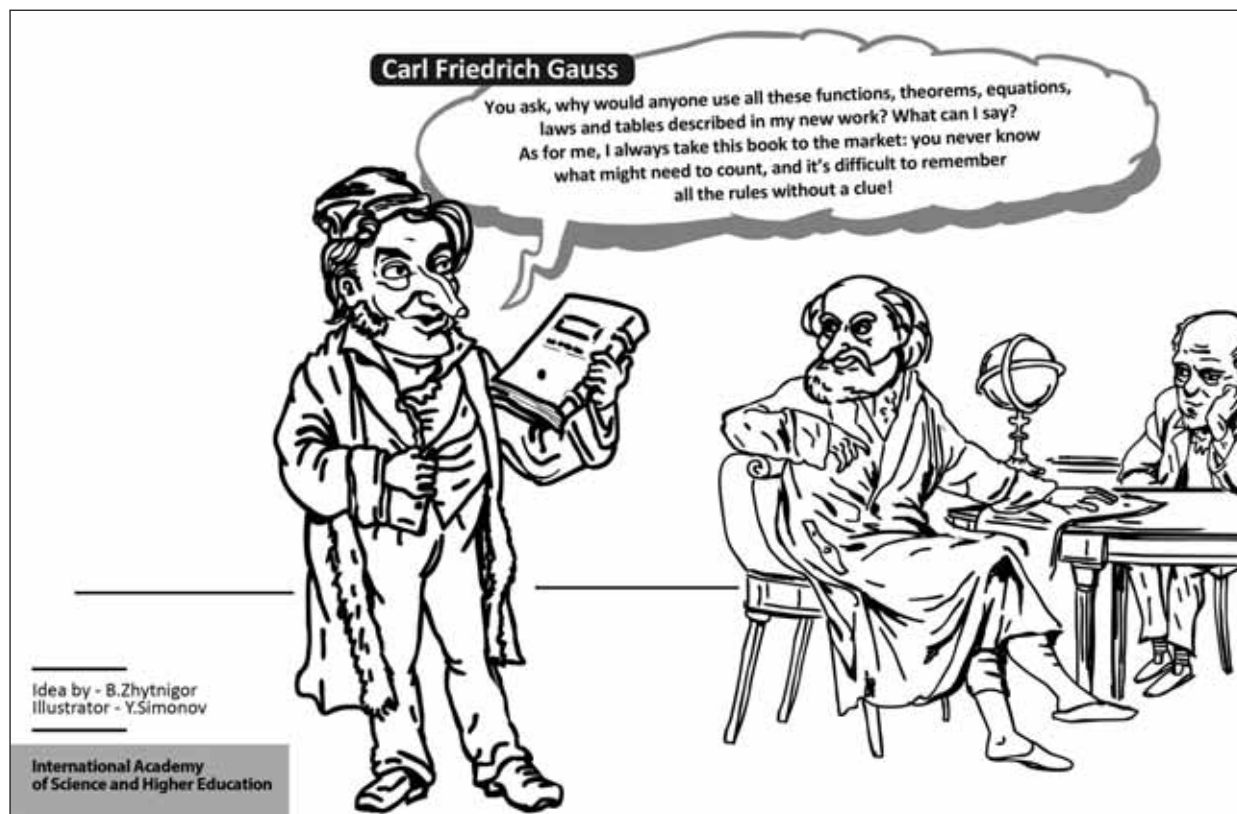
7. Уваров М.С. Человек в век телевидения, компьютера и Интернета // Вопросы культуры, 2005. № 7. С. 14-18.

8. Франкл В. Воля к смыслу / Пер. с англ. М., 2000. С.26-52.

9. Франкл В. человек в поисках смысла. М., 1990 С.324

Information about author:

Zulfiya Maksyutova - Candidate of Philosophy, Associate Professor, Head of a Chair, Tyumen State University; address: Russia, Novy Urengoy city; e-mail: z.maksutova@yandex.ru

SOCIAL CONSENT AS A NECESSARY CONDITION OF SOCIAL DEVELOPMENT OF THE IDENTITY

E. Kryukova, Candidate of Psychological sciences, Associate
Professor
Donetsk National University, Ukraine

The article is connected with the problem of social consent as a necessary condition for social development of human personality. It was proved that social consent is a state and a process of co-operation between social subjects with the same values, needs, interests and goals. Such social group is solidary, united, well-organized and stable. Consent is one of the group characteristics able to explain the mechanism of formation of norms. It is also one of methods of translation of traditions from one generation to another. It was marked out that consent is one of the conditions for unification of individuals in a group. However it is not always possible to co-ordinate all the functional-role expectations of group members, especially if activity has creative character. The phenomenon of the "forced consent" when cognitive dissonance is formed by presence of a threat or a prospect of punishment was examined. The consent is "a mutual acceptance of roles", when interpenetration of outlooks, assessments and feelings takes place. This allows every participant of the coordinated action to accept or reject points of view of other participants.

Keywords: social consent, social development of human personality, the "forced consent" phenomenon, "mutual acceptance of roles", unity of individuals in a group, functional-role expectations of the group members.

Conference participant

Постановка проблемы. Проблема социального согласия является весьма актуальной для украинского общества. Именно согласие выступает глубинной основой повышения социальной интеграции, снижения уровня напряженности и конфликтогенности. Согласие является атрибутивным свойством общества, социальных организаций и групп, стремящихся упорядочить социальные отношения и взаимодействия, направляющих усилия на согласование действий отдельных лиц и групп, приведение их в соответствие с общими целями и интересами. Однако, до настоящего времени не обнаруживается устойчивого интереса психологов к теоретическому осмыслению понятия «социального согласия», путей и механизмов его формирования; рассмотрению социального согласия как необходимого условия социального развития личности.

Анализ исследований и публикаций. Социальное развитие личности представляет собой процесс, включающий, с одной стороны, усвоение готовых форм социальной жизни, а с другой - приобретение собственного социального опыта, индивидуальных качеств и свойств, позволяющих молодому человеку ори-

ентироваться в различных жизненных ситуациях и добиваться положительной самореализации (К. Абульханова-Славская, М.И. Бобнева, И.С. Кон, Д.И. Фельдштейн и др.). Однако следует отметить, что сегодня до конца не раскрыты научная сущность, структура, критерии и показатели уровня социального развития личности, динамика развития важнейших социально-психологических качеств, таких как социальная ответственность, толерантность, доверие к людям, социальная рефлексия, социальное согласие, социальная децентрация. Таким образом, в изучении условий, механизмов социального развития личности первостепенное значение приобретает выявление особенностей социального согласия.

Методологически можно выделить несколько основных подходов к исследованию проблемы социального согласия: первый - конфликтологический подход, нашедший отражение в работах Р. Дарендорфа, Г. Зиммеля, Л. Козера, К. Маркса, второй - консенсусный подход, реализованный в работах М. Вебера, Э. Дюркгейма, М. Ковалевского, П. Сорокина и др., третий - синтетический подход, представленный И. Пригожиным, Г. Хакеном и др.. Различными аспектами

СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ КАК НЕОБХОДИМОЕ УСЛОВИЕ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

Крюкова Е.В., канд. пед. наук, доцент
Донецкий национальный университет, Украина

В статье рассматривается проблема социального согласия как необходимого условия социального развития личности. Доказано, что социальное согласие – это состояние и процесс взаимодействия между социальными субъектами, которые имеют схожие ценности, потребности, интересы и цели, при этом социальная группа солидарна, сплоченна, упорядочена, стабильна; согласие – это одна из групповых характеристик, объясняющих механизм образования норм, один из способов трансляции обычаев от одного поколения к другому. Отмечено, что согласие является условием сплоченности индивидов в группе, но далеко не всегда можно заранее согласовать все функционально-ролевые ожидания членов группы, особенно, если деятельность носит творческий характер. Рассмотрен феномен «вынужденное согласие», когда когнитивный диссонанс порождается наличием угрозы или перспективой наказания. Согласие – это «взаимное принятие ролей», когда происходит взаимопроникновение картин мира, оценок, чувств, что позволяет каждому участнику согласованного действия принимать или отвергать точки зрения других участников.

Ключевые слова: социальное согласие, социальное развитие личности, феномен «вынужденное согласие», «взаимное принятие ролей», сплоченность индивидов в группе, функционально-ролевые ожидания членов группы.

Участник конференции

проблемы социального согласия занимались М. Акулич, М. Алиев, К. Авакян, А. Безвербный, А. Здравомыслов, И. Караваева и др. Исследователи рассматривают социальное согласие как состояние, признак и процесс взаимодействия между социальными субъектами, находящимися в единстве, которые имеют схожие ценности, потребности, интересы и цели, при этом социальная система обладает солидарностью, сплоченностью, интеграцией, упорядоченностью, стабильностью и устойчивостью, сохраняется как целостность. Однако в социальной психологии понятие «социальное согласие» разработано недостаточно.

Целью данной статьи является определение сущности, психологического содержания социального согласия как составляющей социального развития личности.

Изложение основного материала. Проблема социального развития личности рассматривается в работах М.И. Бобневой [3], Д.И. Фельдштейна [6]. Исследователи определяют социальное развитие как процесс формирования «опыта, знаний, свойств, способностей, внутреннего мира и поведения человека, которые характеризуют становление гражданина» [3, с. 89]. В этом процессе присутствуют

две противоположные тенденции - типизации (социализации) и индивидуализации. Этот процесс включает, с одной стороны, усвоение готовых форм социальной жизни, формирование человека как представителя общества, а с другой, обретение собственного социального опыта, индивидуальных свойств.

Рассматривая понятие социального развития личности необходимо наметить общие подходы к определению его уровня. М.И. Бобнева предлагает использовать интегральный показатель социально-психологического статуса личности, который является сочетанием социально-психологических свойств личности, «вторичных» по отношению к общепсихологическим. В группе социально-психологических свойств можно выделить несколько подгрупп. К первой подгруппе М. И. Бобнева относит такие свойства личности, которые «обеспечивают развитие и использование ее социальных способностей - социальной перцепции, воображения, интеллекта». В эту же подгруппу включены свойства, которые «определяют характер межличностного оценивания» [3, с. 93]. Вторую подгруппу образуют свойства, которые формируются в результате социального влияния группы на личность, а также в процессе взаимодействия между членами группы, которые обеспечивают принятие личностью общих для группы ценностных ориентаций. К таким свойствам можно отнести, например, конформность и доверие. В третью подгруппу М. И. Бобнева включает более общие свойства, связанные с позицией личности и социальным поведением. Это социальная активность, ответственность, склонность к сотрудничеству, взаимной помощи и т.д. И наконец, в четвертой подгруппе выделяются качества личности, «связанные с ее общепсихологическими и социально-психологическими свойствами». К ним М.И. Бобнева относит «склонность к «авторитарному» или «демократическому» образу действия и мышления, к догматическому или «открытому» отношению к проблемам и т.д.» [3, с. 93]. Предложенная М.И. Бобневой классификация весьма условна. На наш взгляд, главное преиму-

щество этой схемы заключается в том, что она ориентирует на комплексную оценку уровня социального развития, а не выдвигает какую-либо одну характеристику в качестве единственно возможного критерия.

По мнению ученых (И. Пригожина, Ф. Селиванова, А. Харчева), именно в социологическом понятии согласия отражены наиболее общие черты, присущие данному феномену. В социологических теориях получили развитие три направления понимания социальной реальности: конфликтологический, консенсусологический и синтетический. При конфликтологическом подходе согласие рассматривается в качестве частного состояния конфликтующего общества, конфликт - в качестве основного источника укрепления интеграции социальной системы. Консенсусологическое направление рассматривает социальную жизнь через согласие, солидарность, порядок. Синтетический подход исследует процесс зарождения согласия в конфликте; неравномерность и нестабильность в социальном развитии рассматривает как условие становления устойчивости, стабильности.

Разными аспектами проблемы социального согласия занимались М. Акулич, М. Алиев, К. Авакян, А. Безвербный, А. Здравомыслов, И. Караваева, А. Шаров и др.. И.В. Караваева рассматривает социальное согласие во взаимосвязи с социальной стабильностью, понимая его как обеспечение стабильности общественно-экономической системы, удовлетворение экономических потребностей личности, соответствия интересам социума, стабильного социального прогресса личности в рамках социума. Под социальным согласием М.М. Акулич [1] понимает состояние и процесс взаимодействия между социальными субъектами, находящимися в единстве, которые имеют схожие ценности, интересы и цели, при этом социальная система обладает солидарностью, сплоченностью, интеграцией, упорядоченностью, стабильностью и устойчивостью, сохраняется как целостность. Автор выделяет следующие признаки социального согласия: упорядоченность поведения и взаимо-

действия, рост социальной сплоченности и солидарности; человек чувствует себя социально защищенным, чувствует уверенность в завтрашнем дне. Итак, в социологических концепциях общество рассматривается с позиции согласия, солидарности, порядка и конфликта, а также синтеза этих направлений.

Следует отметить, что в современной социальной психологии существует недостаточно фундаментальных работ, посвященных исследованию социального согласия.

Групповая сплоченность рассматривается психологами, прежде всего, как взаимная привлекательность и согласие относительно важных объектов ориентации. Так американский психолог Т. Ньюком [4] для анализа групповой сплоченности использует понятие «согласие» (consensus), имея в виду однородность суждений индивидов относительно объектов ориентации: «Под понятием «согласие» я имею в виду существование между двумя или более лицами сходных ориентаций в отношении чего-либо». Уровнем согласия Т. Ньюком характеризует сплоченность любой группы. Любая форма коммуникации, считает Ньюком, имеет своим следствием рост степени согласия.

Согласие рассматривается также как одна из групповых характеристик, объясняющих механизм образования норм, или один из способов трансляции обычаев от одного поколения к другому. Но и в этих случаях согласие связывается с теорией коммуникации и взаимодействия. А. Петровский [5] отмечает, что пытаясь измерить степень согласия, которая существует между членами группы, исследователи постоянно испытывают неудовлетворенность, поскольку вынуждены снова и снова прибегать к анализу числа коммуникаций, их продолжительности и силы. Причина такого недовольства заключается в самом подходе к изучению сплоченности, который игнорирует социальную сущность внутригрупповых процессов, их деятельностную природу и сводит ее к эмоциональной привлекательности. Далее А. Петровский отмечает, что сама констатация того, что согласие является условием сплоченности

индивидов, сомнений не вызывает. Вопрос в другом: что является детерминантой согласия, как его измерять, все ли случаи согласия относительно тех или иных объектов ориентаций могут свидетельствовать о групповой сплоченности, как согласие связано с другими параметрами межличностных отношений.

А. Петровский указывает, что необходимо искать основу психологической совместимости в согласии не при выполнении той или иной отдельно взятой операции, а внутри целостной, совместно выполняемой деятельности, которая для субъекта детерминруется общими задачами и в структуру которой оказывается встроенным образ ее участников (их способности, намерения, представления о способах решения задач). В контексте этого теоретического подхода исследуется сплоченность группы как согласованность функционально-ролевых ожиданий, т.е. представлений участников совместной деятельности о том, что именно, с кем и в какой последовательности должен делать каждый из членов группы при реализации общей для всех цели. Отсутствие согласованности функционально-ролевых ожиданий может стать источником конфликтов, эрозии сплоченности и появления признаков психологической несовместимости в группе. Согласованность функционально-ролевых ожиданий не является, однако, определяющей характеристикой совместимости в группе. Групповая деятельность - явление динамичное. Далеко не всегда можно расписать функции всех членов группы и заблаговременно согласовать все функционально-ролевые ожидания, особенно, если деятельность носит творческий характер. В таком случае сплоченность как согласование функционально-ролевых ожиданий не может обеспечить подлинную интеграцию личности в группу [5].

Исходным понятием для Фестингера [7] является понятие потребности, причем анализируется особый вид потребностей, а именно «потребность в оценке самого себя» («evaluative need»), то есть стремление оценивать свои мысли и способности прежде всего. Однако мнения, способ-

ности соотносятся с социальной реальностью, а она, в отличие от физической реальности, создана не эмпирическим наблюдением, а групповым консенсусом - согласием. Согласно Фестингеру, мысли нельзя проверить эмпирическими наблюдениями, поэтому единственный способ проверки мысли - через социальное согласие, консенсус. Но консенсус может быть установлен только в том случае, если люди смогут сопоставлять свои мысли с мыслями других, т.е. сравнивать их. Этим и диктуется потребность каждого человека сравнивать себя с другими. Фестингер рассматривает такой феномен, как вынужденное согласие, когда диссонанс порождается наличием угрозы или перспективой наказания, принудительное информационное воздействие, которое способствует возникновению или поддержанию диссонанса. Особое место занимает исследование роли социальной поддержки, создаваемой в группе, где проявляются различия, и одна из позиций способствует или усилению или ослаблению диссонанса [7].

Г.М. Андреева [2] отмечает, что именно согласие является установлением общей картины мира или его отдельного объекта у тех, кто объединен в коммуникативное взаимодействие. Интеракционистская модель коммуникации исходит из того, что субъекты коммуникации - и коммуникатор и реципиент - равноправные, связанные как взаимными ожиданиями и установками, так и общим интересом к предмету общения. Сама коммуникация выступает как реализация такого интереса с помощью передаваемых сообщений. Эффект же коммуникативного взаимодействия проявляется в сближении или удалении точек зрения коммуникатора и реципиента на общий предмет, что фактически означает расширение или, наоборот, сужение возможностей их взаимопонимания и сотрудничества. Именно такой подход выдвигает на первый план достижение согласия между партнерами по коммуникации. Поэтому коммуникация представляет собой такой обмен идеями, символами, значениями, ценностями, благодаря которому согласие поддерживается, развивается или разрушается. Сам же механизм согласия,

по определению американского социального психолога Т. Шибутани [8], это «взаимное принятие ролей». Когда возникает согласие, происходит взаимопроникновение картин мира, оценок, чувств, что позволяет каждому участнику согласованного действия понимать, принимать (или отвергать) точки зрения и оценки других участников. Способность человека понимать поведение других ограничена его культурой и личным опытом. Будет ли достигнуто согласие, зависит не только от способности участников к принятию ролей, но и в большей степени - от интересов каждого из них, которые тоже определяются культурой личности.

Одним из основных признаков социальной группы выступает способность индивидов к согласованным действиям. Этот признак является ключевым, поскольку именно согласие обеспечивает необходимую общность, единство действий, направленных на достижение цели. М.Акулич считает согласованным поведение социального субъекта, направленное на совершение действий с учетом ценностей, интересов, целей других социальных субъектов. Степень согласованности действий зависит от уровня развития группы, социальной ситуации, деятельности лидера. В то же время способность действовать независимо от группы и влиять на ее решения характеризует социальную силу личности [1].

Выводы. Понятие «социальное развитие личности», по мнению исследователей, позволяет акцентировать внимание на активности личности в процессе социального становления. М. И. Бобнева и Д. И. Фельдштейн, рассматривают социальное развитие как процесс, включающий, с одной стороны, усвоение готовых форм социальной жизни, формирование человека как представителя общества, а с другой, - приобретение собственного социального опыта, индивидуальных качеств и свойств. Социальное согласие - это состояние и процесс взаимодействия между социальными субъектами, которые имеют схожие ценности, потребности, интересы и цели, при этом социальная группа солидарная, сплоченная, упорядочен-

ная, стабильная, цельная. Согласие рассматривается как одна из групповых характеристик, объясняющих механизм образования норм, один из способов трансляции обычаев от одного поколения к другому. Согласие является условием сплоченности индивидов в группе, но далеко не всегда можно заранее согласовать все функционально-ролевые ожидания членов группы, особенно, если деятельность носит творческий характер. Согласованное поведение социального субъекта направлено на совершение действий с учетом ценностей, интересов, целей других социальных субъектов, степень согласованности действий зависит от уровня развития группы, социальной ситуации, деятельности лидера. Фестингер рассматривает такой феномен как вынужденное согласие, когда когнитивный диссонанс порождается наличием угрозы или перспективой наказания. С точки зрения последователей интеракционизма согласие - это «взаимное принятие ролей», когда происходит взаимопроникновение картин мира, оценок, чувств, что позволяет каждому участнику согласованного действия понимать, принимать (или отвергать) точки зрения и оценки других участников.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в обосновании критериев и показателей уровня соци-

ального развития; исследовании важнейших социально-психологических свойств, таких как толерантность, социальная ответственность, социальная рефлексия, социальная децентрация, самоотверженность, доверие к людям т.д. в подростковом и юношеском возрасте; определении новых форм и методов работы с молодежью, ориентированных на стимуляцию социального развития.

References:

1. Akulich M.M. Sotsiologiya soglasiya [Sociology of consent]., Training manual. - Tyumen', Publisher of Tyumen state university, 2002. - 240 p.
2. Andreeva G.M. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. - Moscow., Aspekt-Press, 2005. - 376 p.
3. Bobneva M.I. Psikhologicheskie problemy sotsial'nogo razvitiya lichnosti [Psychological problems of social development of the individual], In book: Sotsial'naya psikhologiya lichnosti [Social psychology of personality]. - Moscow., Nauka, 1979., pp.35-62.
4. N'yukom T. Issledovanie soglasiya [Examination of consent], Sotsiologiya segodnya [Sociology today]. - Moscow., 1965.
5. Petrovskii A.V., Yaroshevskii M.G. Osnovy teoreticheskoi psikhologii

[Foundations of theoretical psychology]., Training manual for high educational institute's students. - Moscow., Infra-M, 1998. - 528 p.

6. Fel'dshtein D.I. Psikhologicheskie zakonomernosti sotsial'nogo razvitiya lichnosti v ontogeneze, Voprosy psikhologii [Social psychological patterns of the personality development in ontogenesis. Matters of psychology]. - 1985., No. 6., pp. 26-37.

7. Festinger L. Teoriya kognitivnogo dissonansa [The cognitive dissonance theory]., Translated from English. Sankt-Peterburg., Yuventa, 1999. - 317 p.

8. Shibutani T. Sotsial'naya psikhologiya [Social psychology]. - Rostov na Donu., Feniks, 2002. - 539 p.

Литература:

1. Акулич М.М. Социология согласия: Учебное пособие. Тюмень: Издательство Тюменского гос. университета, 2002. - 240 с.

2. Андреева Г.М. Социальная психология. - М.: Аспект-Пресс, 2005. - 376 с.

3. Бобнева М.И. Психологические проблемы социального развития личности // В кн.: Социальная психология личности. - М.: Наука, 1979. - С.35-62.

4. Ньюком Т. Исследование согласия // Социология сегодня. - М., 1965.

5. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии: Учеб. пособие для студ. вузов. - М.: Инфра-М, 1998. - 528 с.

6. Фельдштейн Д.И. Психологические закономерности социального развития личности в онтогенезе / Вопросы психологии. - 1985. - № 6. - С.26-37.

7. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. - Пер. с англ. СПб.: Ювента, 1999. - 317 с.

8. Шибутани Т. Социальная психология. - Ростов н/Д: Феникс, 2002. - 539 с.

Information about author:

Elena Kryukova - Candidate of Psychological sciences, Associate Professor, Donetsk National University; address: Ukraine, Donetsk city; e-mail: elena@dataxp.net

GISAP Championships and Conferences 2014

Branch of science	Dates	Stage	Event name
JULY			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	03.07-08.07	II	Life and social programs of biological organisms' existence quality development
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	24.07-29.07	II	The power and freedom in the structure of global trends of development of economical and legal systems and management techniques
AUGUST			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	08.08-13.08	II	Properties of matter in the focus of attention of modern theoretical doctrines
Technical sciences, Architecture and Construction	28.08-02.09	II	Creation as the factor of evolutionary development and the society's aspiration to perfection
SEPTEMBER			
Psychology and Education	17.09-22.09	III	Interpersonal mechanisms of knowledge and experience transfer in the process of public relations development
OCTOBER			
Philology, linguistics	02.10-07.10	III	Problems of combination of individualization and unification in language systems within modern communicative trends
Culturology, Art History, Philosophy and History	16.10-21.10	III	Cultural and historical heritage in the context of a modern outlook formation
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine, Agriculture	05.11-10.11	III	Techniques of ensuring the duration and quality of biological life at the present stage of the humanity development
Economics, Management, Law, Sociology, Political and Military sciences	20.11-25.11	III	Influence of the social processes globalization factor on the economical and legal development of states and corporations
DECEMBER			
Physics, Mathematics, Chemistry, Earth and Space sciences	04.12-09.12	III	Variety of interaction forms of material objects through a prism of the latest analytical concepts
Technical sciences, Architecture and Construction	18.12-23.12	III	Target and procedural aspects of scientific and technical progress at the beginning of the XXI century

The AICAC Secretariat

Tel: + 12 024700848

Tel: + 44 2088168055

e-mail: secretariat@court-inter.us

skype: court-inter

AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
 Kings Avenue, London, N21 1PQ, United Kingdom
 Phone: +442032899949
 E-mail: office@gisap.eu
 Web: <http://gisap.eu>